

КОСТА
ХЕТАГУРОВ
ПРОЗА

КОСТА ХЕТАГУРОВ

ПРОЗА

КОСТА ХЕТАГУРОВ

**РАССКАЗ
•
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ
ОЧЕРК
•
СТАТЬИ**

**МОСКВА
• СОВЕТСКАЯ РОССИЯ •
1987**

**С(Кав.)
Х41**

**Составление, комментарии
К. Ц. Гутнева**

**Художник
Ю. Ф. Алексеева**

X $\frac{4702010100-216}{M-105(03)87}$ 98-87

**© Издательство «Советская Россия»,
1987 г., составление, комментарии.**

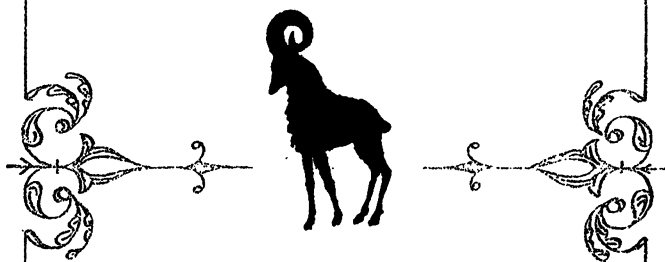

ОХОТА ЗА ТУРАМИ

РАССКАЗ

Аул Зебат состоял всего только из тринадцати дворов. Сакли его, словно гнезда ласточки, лепились в складках утеса, вздымавшегося до облаков из глубокой теснины. Бушующий поток на скалистом дне ущелья казался из аула серебряной нитью. Ни кусточка, ни деревца кругом! Везде скалы, одни скалы, поросшие мхом, и голый безжизненный камень.

Жили в этом ауле осетины; жили очень бедно, потому что не было у них ни лугов, ни пахотной земли. Мужчины занимались охотой за турами, а женщины смотрели за хозяйством. Козы заменяли им коров, а ишаки — лошадей. У кого было два осла, тот считался уже богатым. Домашнюю птицу всего аула составляли хохлатый петух и две-три конопатые курочки.

Осенью окрестности аула принимают еще более печальный вид. Тощая трава желтеет. Серые тучи спускаются до самого аула; из ледников дует холодный ветер. Начинаются дожди, изморозь, снег...

Впрочем, в конце сентября выпадают иногда ясные солнечные дни с холодным утром и с теплым великолепным вечером. Лучи заходящего солнца позлащают причудливые вершины гор. Все ущелье покрывается прозрачной дымкой, из которой, как заколдованные замки, встают зубчатые скалы. Далеко в глубине рокошет неугомонный поток, и только он, переливаясь на тысячи ладов, нарушает мертвую тишину безмолвных утесов.

В один из таких вечеров к крайней сакле аула подошел молодой осетин.

— Тедо! — позвал он, не входя в саклю.

— Кто там? — отозвался мужской голос, и вслед за этим в низких дверях показался коренастый мужчина в серой черкеске и холстяной шляпе. — А, это ты, Сабан... Здравствуй! — обратился он весело к молодому осетину. — Что случилось?

— Да проклятый козел стащил один из моих чабуров¹ и оставил от него только плетеную подошву, — отвечал молодой осетин чуть не со слезами.

— Как так?!

— Очень просто. Я их починил, смазал, выложил свежей травой. Оставалось только надеть... Да завожился с ружьем. Надо, думаю, кремь переменить. Переменил... Хочу надеть чабуры... Левый на месте, а правого нет. Я — искать, туда — сюда... Нет нигде! Сестру оттащил, брата прибил — нет, да и только! А козел тем временем жует да жует себе в темном углу. Мать заметила. Отняли — одна плетушка.

— Плохо дело, — со смехом заметил Тедо, — ну,

¹ Ч а б у р — обувь. (Примеч. автора.)

да ты успеешь еще починить его. Мы будем ждать тебя до восхода луны.

— Неужели?.. Вот спасибо...

— Благодарю Фсати, который готовит нам с завтрашней зарей стадо круторогих, а пока ступай кронтъ свой чабур.

— Иду, иду! — И молодой осетин быстро зашагал по кривой улице.

— Не забудь и других предупредить, — крикнул ему вслед Тедо и вернулся в саклю.

Сакля Тедо имела два отделения. В первом, за плетнем, помещались козы, а во втором — сами хозяева. Небольшая дыра в южной стене жилого отделения заменяла окно. Посреди земляного пола был разведен огонь. Дым выходил в отверстие в потолке. Над огнем висел котелок. Молодая женщина делала из темного теста лепешки и запекала их в горячей золе. По другую сторону очага сидел старик и развлекал грудного ребенка. Вот и вся семья только что вошедшего Тедо: отец, жена и сынишка.

Зураб — так звали старика — был когда-то замечательным охотником; но старость одолела его: он плохо стал видеть и уступил свое ружье сыну. Сын с честью заменил отца и считался лучшим охотником в ауле.

Когда у Тедо начинались сборы на охоту, Зураб становился веселым и разговорчивым. Он припоминал свою молодость и давал сыну нужные советы. Только Залина, молодая жена Тедо, всегда очень скучала, когда муж отправлялся на охоту. Много рассказов она слышала об опасностях охоты за турами и потому боялась за своего мужа. Когда она высказывала свои опасения, то Тедо обыкновенно шутил над ее женской трусостью. Слез он не тер-

пел, и она никогда не смела плакать при нем.
— Кто это приходил? — спросил Зураб, когда сын его вернулся в саклю.

— Сабан, — ответил Тедо. — Он просит подождать его до восхода луны — не успел, говорит, приготовиться. Я сказал, что можно.

— Конечно, конечно, — одобрил старик, — и мы всегда так делали. Луна всходит рано — вы успеете. В лунную ночь туры спускаются ниже. Если вы пойдете по Мышиной тропе, то к рассвету перехватите их на перевале.

— Оно так, — заметил сын, — да по этой тропе опасно подыматься ночью.

— Бабы! — упрекнул старик. — Для охотника за турами не должно существовать препятствия. Я по этой тропе подымался в туманную ночь, под ливнем. Положим, за тремя гротами чуть не поплатился жизнью — сорвался... но ничего, бог миловал. Зато утром свалил вот этого самого козленка. — И Зураб самодовольно указал на два туры рога, висевшие на стене. Рога были необыкновенной величины.

— Я за себя не боюсь, — оправдывался Тедо. — Я знаю каждый камешек на этой тропе; но между нами будут неопытные охотники, — чего доброго, не согласятся.

— Детей никогда не надо спрашивать, — сурово заметил старик. — Они должны следовать за старшими.

Ужин был готов. Залина сняла котелок, наполнила две чашки похлебкой и вместе с лепешками поставила их на круглый низенький столик о трех ножках. Тедо взял столик и поставил его перед отцом. Старик передал ребенка матери и с молитвой пре-

ломил лепешку. Тедо почтительно подсел к отцу и начал с ним ужинать.

Залина, по обычаю, стояла с ребенком на руках.

Когда Зураб сделал последний глоток из своей чашки, погладил бороду и поблагодарил бога, Тедо торопливо взял столик и передал его жене. Зураб закурил трубку, пожелал сыну успеха в предстоящей охоте и отправился спать. Спал он в том отделении, где помещались козы.

По уходе старика начала ужинать и Залина. Тедо взял сынишку, посадил его к себе на колени и шутливо обратился к жене:

— Ты, кажется, опять вспомнила свою бабушку — чего нос повесила?

— Умоляю тебя, не ходи по этой проклятой тропе, — тихо выговорила Залина и наклонилась над чашкой. Крупная слеза быстро сбежала по ее смуглой щеке и упала в похлебку.

— Не прикажешь ли за турами охотиться в этой сакле из окна?

— Ну, а если... не дай бог... несчастье какое?..

— Э, душа моя! Бог не выдаст, медведь не съест... А если несчастье, то вот тебе, — продолжал он весело, качая сына: — Видишь, какой молодец? Он тебя прокормит и похоронит... Так ведь, сыночек, да? Похоронишь маму?

Ребенок расхохотался и замахал ручонками.

— Джигит, одно слово, — джигит! Ну, а все-таки ступай к матери! — И Тедо, крепко поцеловав ребенка, передал его жене.

— Эге, никак, и луна взошла, — продолжал он, выглядывая в окошко. — Ну, значит, собирайся и гайда!..

— Прощу тебя, не ходи сегодня,— умоляла со слезами в голосе Залина.

— С ума ты сошла! — крикнул Тедо. — С голоду умереть захотела?!

— Перебьемся как-нибудь... Отложи охоту до другого раза.

— Зачем?

— Так... я боюсь.

— Ха-ха-ха! Глупая! Чего ты боишься? Чай, не первый раз... Слава богу, опытности хватит... еще других поучим... Ну, полно, полно. Будь умницей. Ведь жить-то надо. Только и кормимся, что охотой. Значит, не робей, а положиись во всем на волю святого Георгия. Не будь трусихой, и я приволоку тебе такого козленка, что сама потом будешь гнать на охоту — право!..

— Тедо! О, Тедо! — донесся голос с улицы.

— Иду! — крикнул ему в ответ Тедо и, сняв со стены ружье, сумки и башлык, вышел на улицу.

Мышиная тропа была вообще опасна, а тем более для ночного путешествия. Она то змеей извивается в расщелинах скал, то крутыми ступенями подымается по отвесной стене, то ящерицей ползет в морщинах неприступного утеса, то легкой паутиной огибает бездонную пропасть, то совершенно исчезает в хаосе разрушенных скал и каменных осыпей.

Местами она так узка, что негде ногу поставить и приходится ползти на четвереньках. На каждом шагу смелого путешественника может приплюснуть сорвавшаяся глыба, каждую минуту он рискует полететь в такую бездну, где и ворон не найдет его костей.

Тедо шел впереди всех. Ноги его уставали, но он карабкался бодро.

— Не могу идти дальше,— простонал один из новичков.

— Да, отдохнуть надо,— согласились другие.

— Некогда отдыхать! — возразил Тедо.— Скоро светать начнет, и к восходу не доберемся до перевала.

— Идите, кто хочет, а я не могу,— продолжал новичок.

— Баба! — крикнул на него Тедо.— Тебе бы тесто месить, а не за турами охотиться!.. Заурбек! — обратился он к шедшему за ним товарищу,— ты эту дорогу знаешь лучше меня; оставайся с ним, а мы пойдем. С восходом солнца мы, во что бы то ни стало, будем на перевале. Смело гоните туров — им не миновать наших пуль.

— И я останусь,— робко произнес еще один охотник.

— Тем лучше,— ответил Тедо.— В каждой партии, значит, будет по три человека. Идемте! — И он снова стал карабкаться по отвесу. Сабан следовал за ним. Дорога становилась хуже и хуже. Тедо ободрял своих товарищей, в опасных местах указывал им, где становить ногу, за какой камень держаться, какого размера сделать прыжок и прочее.

— Стой! — крикнул вдруг осетин.— Видно, был обвал: не на что ступить.

И действительно, в этом месте тропа прекращалась. Тедо посмотрел вперед и шагах в десяти увидел большой выступ скалы, где заметно было продолжение тропы. Но промежуток между охотниками и тропой представлял из себя почти отвесную каменную стену, вершина которой исчезала в утреннем тумане, а основание терялось в глубине зияющей пропасти. Много надо мужества и беспре-

дельной отваги, чтобы перебраться на продолжение тропы, цепляясь за едва заметные уступы, за щели и морщины каменной скалы; но отважные горцы привыкли уже бороться с такими препятствиями.

— Давайте веревку! — крикнул Тедо.

Ему подали, и он обмотал один конец ее вокруг поясницы.

— Держите хорошенько.

— Держим, — ответили его спутники.

Молчанье длилось около минуты. Тедо карабкался, как кошка, хватаясь за всякий выступ, за всякую неровность скалы.

— Поддай! — произнес он над пропастью.

— На! — ответили товарищи и поддали веревку, не больше, как на пол-аршина.

— Еще! — повторил Тедо.

— На!..

— Есть, — весело крикнул Тедо на той стороне. — Надежно. Приступайте смело.

Второй охотник перебрался легко, потому что веревку, которой он был опоясан, держали за оба конца. По ту сторону пропасти держал ее Тедо, а по эту — Сабан.

— Готово! — крикнул Тедо, когда товарищ их был уже на его стороне.

Оставалось переправиться Сабану. Он так же, как его товарищи, обвязал веревку вокруг поясницы, крикнул «держи!» и начал карабкаться по отвесу скалы.

Все хранили глубокое молчание. Тедо все больше и больше укорачивал веревку. Еще два-три шага и Сабан будет на их стороне. Слышно было, как он царапался ногтями по каменной скале, как из-под

его ног мелкие камешки катились в пропасть...

— Аллах!! — раздался вдруг отчаянный крик охотника. Сабан сорвался; но товарищи его были готовы к такому случаю: они крепко держали веревку, и молодой осетин качался над бездной пропасти.

— Ушибся? — крикнул ему Тедо.

— Кажется, нет, — прохрипел Сабан.

Товарищи вытащили его и стали продолжать свой путь.

— Ну, слава богу, — произнес Тедо после еще одного трудного перехода, — теперь мы вне опасности. Осталось немного, да и рассвело совсем.

Скоро они добрались до сборного пункта. Небольшая лужайка на самой вершине одного утеса была любимым местом отдыха всех охотников. Здесь они обсуждали план охоты. Сюда же приносили свою добычу, разводили огонь, жарили шашлыки, пели свои любимые песни и сладко засыпали после утомительного дня и вкусного ужина.

— Вот теперь можно и отдохнуть немного, — весело произнес Тедо, снимая сумку и ружье. — Здесь мы дома.

Охотники сели в кружок и начали завтракать. У каждого оказались в сумке ячменные лепешки и соль, а у Сабана еще и кусочек сыру.

Между тем настало время охоты. Товарищи осмотрели ружья, сложили в кучу излишнюю тяжесть, пожелали друг другу успеха и пошли к намеченным пунктам. Тедо должен был занять самую высокую седловину. Он отделился и быстро стал подыматься по скату. На повороте он остановился на минутку, махнул товарищам шапкой и скрылся.

Лучи восходящего солнца облили ярким румян-

цем снежную вершину Казбека. Горы стали выползать из утреннего тумана. Вдали чернело Дарьяльское ущелье. Тедо приближался к месту своей засады. Сделав крутой подъем, он остановился, чтобы перевести дыхание, оперся на ружье и осмотрелся... Вправо от него на небольшом скате паслось целое семейство туров. Сердце охотника забилося... Он поднял ружье, но тотчас опустил его. Пуля не могла долететь до туров. Надо было обдумать, с какой стороны удобнее к ним добраться. Дорог, несомненно, две. Верхняя — менее опасная для охотника, но слишком открытая: туры могут заметить и скрыться. По нижней можно подойти к ним очень близко, но она идет по слишком опасному обрыву.

— Э, ничего, — пробормотал Тедо и пошел по нижней.

Смелые обитатели вековых ледников и мрачных утесов совсем не подозревали угрожавшей им опасности. Некоторые из них беззаботно паслись на крутой лужайке, а другие мирно почивали на выступах скалы.

Никогда смелость и ловкость Тедо не доходили до такой степени. Необыкновенно осторожно, как дикий кот, крался он к своей добыче. Ни один камешек не столкнул он с места, ни одна песчинка не сорвалась из-под его ног. Он подвигался медленно, но каждый новый шаг обещал ему несомненный успех...

Еще немного, и он может выбрать любого тура для своего выстрела. Вот он уже на месте... Площадка очень достаточна, чтобы присесть и прицелиться... Промеха не будет. Его не пугает темная бездна под ногами, он забыл о страшной осыпи гранитных обломков, беспорядочно громоздившихся над

его головой, забыл, что при малейшем сотрясении вся эта рыхлая громада может двинуться и похоронить его на дне ущелья. Тедо думал только о туре, которого сейчас застрелит. Он взвел курок и стал целиться... Тур, которого он наметил, передвинулся на другое место. Тедо выждал, пока он остановился, хотел снова прицелиться, но невольно опустил ружье. Намеченный тур затеял игру, которую приходится видеть не всякому охотнику. Приподнявшись на задние ноги, тур ринулся вниз головой на другого, стоявшего гораздо ниже его на самом краю обрыва. Раздался треск столкнувшихся рогов. Нижний тур блистательно выдержал удар. Противники обменялись местами. Такой же отчаянный прыжок, страшный треск и необыкновенно блистательный отпор. Обменялись опять... Известно, сколько времени продолжалось бы это состязание, если бы Тедо не прекратил его. В голове охотника быстро созрела коварная мысль — одним выстрелом свалить двух громадных туров. Расчет был верен. В тот момент, когда верхний тур поднялся на задние ноги и оттолкнулся от скалы, чтобы сделать обычный прыжок, Тедо выстрелил в нижнего, и оба бойца сделались жертвой хитрости охотника. Нижний был убит пулей, а верхний, не встретив его сопротивления, полетел вместе с ним в пропасть...

Охотник торжествовал, но недолго. Выстрел всполошил остальных туров. Они бросились бежать. Через минуту один из них показался на груди камней, громоздившихся над головой охотника. Минута была ужасная. Тедо видел, как проскочил тур, как под его ногами пошатнулся камень, за ним другой, третий... Еще секунда, и вся эта рыхлая

громада заколыхалась, двинулась и грозно загрохотала по крутой стремнине. Каждый камешек увлекал за собой тысячи других... Гром и рокотанье завала были слышны на десятки верст... Густое облако пыли наполнило все ущелье...

Завал прошел. Где-то в глубине теснины замерло последнее эхо... Пыль осела. От выступа, на котором стоял Тедо, не осталось и следа. Все было стерто, уничтожено...

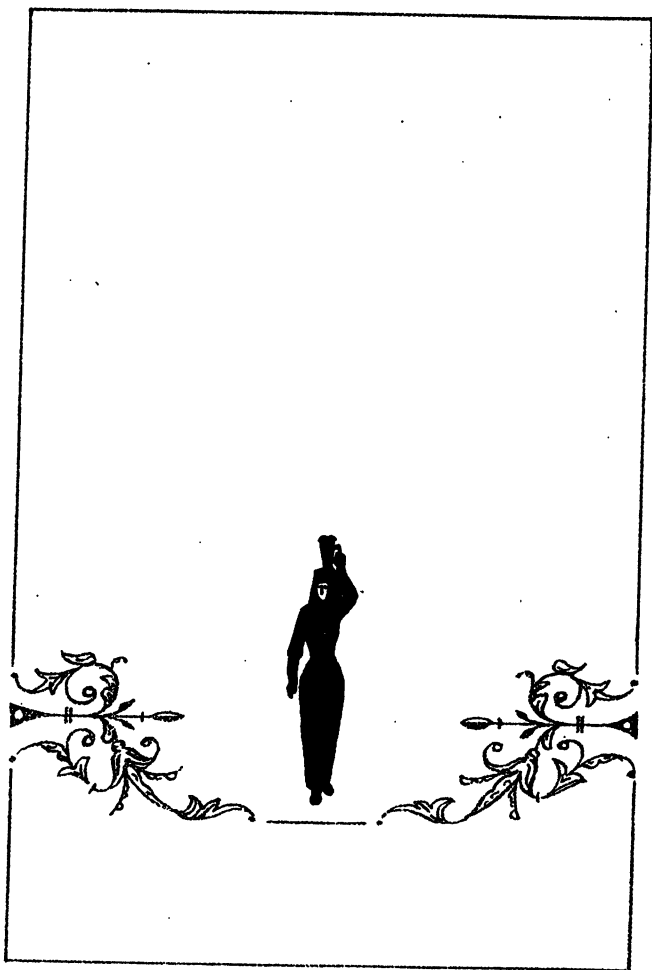
<1892>

ОСОБА
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ
ОЧЕРК

Отец мой, скончавшийся в 1892 году 82-летним стариком, был живым свидетелем последней эпохи того невозвратного прошлого в истории Осетии, которое несет название *óсоба*.

По словопроизводству *óсоба* грузинского происхождения и может быть переведено выражением *осетинщина*.

В течение последнего полустолетия русское влияние на Кавказе так изменило самобытность туземцев, и в частности осетин, что последние словом *óсоба* стали характеризовать явление отсталое, не соответствующее современным требованиям жизни.

Правильное и всестороннее изучение кавказских туземцев в связи с их прошлым является весьма существенным фактором в деле наиболее успешного развития края. Интеллигентные туземцы, — их теперь немало, — могли бы в этом случае оказать и правительству, и своей родине, несомненно, крупную услугу. Еще несколько десятков лет — и заглянуть в прошлое туземцев Кавказа, доживших с не-

запамятных времен до XX столетия без своей собственной письменности, будет совершенно невозможно. Приступая с своей стороны к подобного рода попытке, я заранее прошу извинения за безыскусственную передачу того, что с фактической стороны не подлежит сомнению. Будучи членом той среды, которую я намерен здесь описать, позволю себе привести ниже несколько биографических сведений из жизни отца моего, воспоминаниями и записками которого я пользовался, а также из моей собственной жизни.

Руководствуясь глубоким убеждением, что правильное изучение Кавказа для нас, туземцев, должно быть особенно дорого, я всякую разумную поправку в моих личных выводах приму с большой признательностью.

Нарская котловина. До проведения в пятидесятых годах XIX столетия Военно-Осетинской дороги верховья Алагирского ущелья, или так называемая Нарская котловина, замкнутая высочайшими снеговыми вершинами гор Адай-хох, Зикара, Тепле и их отрогами, оставалась совершенно изолированной от остального мира. Перевалы Мамисонский, Рукский и Зикарский (все в Закавказье) только в летние месяцы были доступны для переправы пешком с навьюченным ослом или лошадью. Касарское ущелье, по которому теперь извивается Военно-Осетинская дорога, и Куртатинский перевал были еще менее доступны.

Представляя довольно плодородную субальпийскую котловину, площадью в горизонтальном сечении более 600 кв. верст, пересеченную в разных направлениях восемью более или менее глубокими ущельями с превосходными пастбищами на водо-

разделах, а прежде и лесами, эта горная трущоба как нельзя больше отвечала тому идеалу изолированности и неприступности, которым не мог не дорожить всякий, кого судьба забрасывала на Кавказ, на эту арену нескончаемых ожесточенных войн.

Благодаря таким топографическим и почвенным особенностям Нарской котловины жители ее, при господствовавшем повсюду произволе, имели полную возможность избегать общений с соседями и вследствие этого сохранить в продолжение длинного ряда поколений свою независимость извне, а с нею и свою самобытность во всей ее неприкосновенности, вплоть до нашего поколения.

Сравнительно частое сношение осетины Нарской котловины имели только с южными сородичами, подпавшими под власть Грузии, и с самими грузинами, главным образом ведя с ними меновую торговлю или поступая по найму в ряды грузинских войск во время войн с Персией или Арменией. Не только власть чужеземных повелителей никогда не проникала в Нарскую котловину, но даже самые могущественные из осетинских царей не предъявляли никаких прав на нее. До самого последнего времени в нарской церкви хранилась грамота Екатерины Великой, пожалованная представлявшейся ее величеству депутации нарских осетин. Несмотря на это, Нарская котловина только спустя почти полвека после присоединения Грузии к России была причислена к Горийскому уезду. Пристава из грузин, назначавшиеся в Нарскую котловину, благо разумно уходили на родину, чтобы не быть подстреленными по примеру своих предшественников.

Главнoуправляющий в Грузии генерал от инфантерии барон Розен 4 ноября 1835 года сообщил

Грузинскому дворянскому депутатскому собранию по поводу ходатайства Бессариона Хетагурова о правах дворянства, что последний «есть из нарских осетин, которые никаких податей в казну не платят и даже приставам, потому требуемое собранием по делу о дворянстве дознание не может быть доставлено и совершенно излишне». Только с проведением Военно-Осетинской дороги осетины Нарской котловины с полным доверием вступили в число верноподданных всероссийского императора, хотя и до этого времени несколько нарских осетин служили в рядах русской армии.

На жизни и истории этих-то осетин Нарской котловины я намерен остановить внимание читателя.

Поселения. Каменные постройки в один и несколько этажей с плоскими крышами, живописно гнездящиеся на скалистой крутизне или амфитеатром сгруппированные на гребне утеса, образуют в Нарской котловине то множество мелких поселений, которое составляет выдающуюся особенность горной Осетии. На квадратной версте таких поселений можно насчитать с десятков. Каждая семья, захватив известный район, селилась особняком и затем, разветвляясь по мере своего разрастания, за недостатком места в родовом поселении, строила в возможной к нему близости новый отселок. Это очевидно из того, что в Нарской котловине нет почти ни одного поселения, жители которого не были бы связаны самым близким родством. Родственная же близость жителей разных поселений в громадном большинстве совершенно соответствует взаимному расположению поселений и близости к старейшему родовому поселению.

Карнизы утесов, крутизны и гребни скал, без-

опасные от снежных, земляных и каменных завалов и сползания почвы, непригодные для обработки и менее доступные для нападения, были наиболее предпочтительны для поселений.

Сословная рознь. Постройки в 3—4 этажа, а тем более боевые башни в 6—7 ярусов принадлежали многочисленному и богатому роду. Хозяева таких замков, естественно, пользовались наибольшим влиянием и почетом. Переходя от поколения к поколению, это предпочтение сильного и богатого слабому и бедному, конечно, должно было здесь создать ту рознь, которую многие приписывают чужеземному происхождению, настаивая на том, что влиятельные осетины происходят от разных инородных султанов, шахов, беков, ханов, принцев, князей и т. д.

Селение Нар с окружающими его родственными отселками многие столетия служило законодательным центром и охраной народных традиций не только для Нарской котловины, но и для многих примыкающих к ней южных и северных ущелий.

Производя себя от переселившегося из-за Кубани княжича Хетага, нарцы Хетагуровы и в настоящее время добиваются дворянства, ссылаясь на соответствующие грамоты грузинских царей, дарованные за военные услуги задолго до присоединения Грузии к России.

Сам Хетаг, по уверению его потомков, был младшим сыном князя Инала, жившего за Кубанью, на притоке последней — Большом Зеленчуке. Приняв христианство, Хетаг бежал от преследования своих братьев в горную Осетию. Старший брат Хетага Биаслан считается родоначальником кабардинских князей, а второй, Асламбек, остался бездетным. Место первоначального пребывания Хетага в тепе-

решней Осетии до сих пор считается святыней. Это совершенно обособленная, великолепная роща с многовековыми гигантами в Куртатинской долине. Эта «куща Хетага», как гласит народное предание, по зову Хетага выделилась от леса и укрыла его от преследования шайки кабардинских разбойников. Несмотря, однако, на такую легендарность личности Хетага, потомки его поименно перечисляют всех членов идущих от него поколений. Я, например, являюсь одним из многочисленных членов десятого поколения и могу перечислить своих предков: 1. Хетаг, 2. Георгий (единственный сын), 3. Мами и брат его, 4. Гоци и три его брата, 5. Зида (Сиды) и два его брата, 6. Амран и четыре его брата, 7. Асса и брат его, 8. Елизбар и три его брата, 9. Леуан (отец мой) и брат.

Хетаг, говорят, проник в Нарскую котловину через Куртатинский перевал, так как другой путь по Алагирско-Касарскому ущелью был менее доступен и по природным и по искусственным преградам. На это указывает и то, что осетины Куртатинского ущелья особенно свято чтут память Хетага. В Нарской котловине указывают и теперь в сел. Слас на постройки, возведенные Хетагом. Указывают и место, где Хетаг убил оленя, — это подножье той скалы, на которой теперь громоздится сел. Нар. Здесь указывают также на воздвигнутую Хетагом постройку, где он поселился. В преданиях нет никакого намека на то, чтобы Хетаг отличался военными доблестями или участвовал в походах и сражениях. Напротив, он славился своим незлобием. Однажды, взамен трех невольников, проданных им в Тифлисе, Хетаг получил, кроме платы, следующий совет: «Когда ты рассердишься, то левой рукой удерживай правую». Это наставление спасло

жизнь его сыну, который настолько вырос за его продолжительное отсутствие, что Хетаг, по возвращении домой ночью, застав его спящим на одной постели с матерью, хотел заколоть его, но, вспомнив совет, положил оружие в изголовии спящих, вышел и всю ночь провел на берегу реки. Утром все разъяснилось к общему счастью.

Участие нарских осетин в рядах грузинских войск по найму или волонтерами относится ко временам правнука Хетага — Гоци, который, будучи небольшого роста, сразил в единоборстве персидского великана и получил от грузинского царя с соответствующей надписью и грамотой серебряную чашу. Чаша цела и до сих пор переходит по наследству от отца к старшему сыну. Из грамот грузинских царей, уцелевших в фамилии Хетагуровых, самая ранняя — пожалованная царем карталинским Арчилом (1730—1736) «в знак нашей милости нарскому дворянину Хетагуру-Зидахану (Зиди) и потомкам дома вашего» и т. д. Сын Арчила Александр пожаловал грамоту нарскому дворянину Аса Амиранову в том, что «отцы и деды Ваши служили отцам и дедам нашим с таким тщанием, что дом наш по сие время находится вне всякой опасности, почему» и т. д. Царь карталийский Теймураз пожаловал «жителям Нар, дворянам Георгию и Амрану Зидахановым, сию грамоту за то, что «вы служили нам верою и правдою» и т. д. Александр, внук царя Вахтанга, пожаловал грамоту «нарскому князю Махамату Зидаханову в том, что отец и деды ваши служили отцам и дедам нашим самопожертвованием, отчего дом наш был всегда невредим» и т. д.

Приведенные грамоты грузинских царей, как пожалованные последними еще до присоединения

Грузии к России, дают неоспоримое право фамилии Хетагуровых, начиная от Зида, пользоваться дворянским званием, а с Махамата — титулом князя. Однако ввиду запутанности дела о сословных правах туземцев Терской и Кубанской областей нарцы Хетагуровы на свое семидесятилетнее (с 1829 г.) ходатайство о признании их дворянами все еще ожидают ответа, как и все другие претендующие на дворянство туземцы.

В Нарской котловине существуют следующие сословия:

1. *Стыр*, или *тыхджын мыггаг* — большая, или сильная фамилия.

2. *Фарсаг* (от фарс — бок, сторона) — находящийся с боку, живущий около, действующий заодно.

3. *Кавдасард* — рожденный в яслях.

4. *Алхад, саулаг, цагъайраг* — купленный, черный мужчина, сахарец.

Стыр мыггаг. Члены такой фамилии, будучи более обеспечены материально, одевались чище и богаче, располагали лучшим вооружением, пользовались в народе почетом. К ним обращались за советом, их приглашали судить и примирять враждующих. Поручительство их было надежно, покровительство прочно, ссориться с ними было опасно. Лучшие нивы, леса, луга и пастбища принадлежали им. Поселения их были неприступны, башни «литые» — из тесаного камня на известковом цементе. В набегах за перевалами главную и руководящую силу составляли они, и при дележе добычи львиная доля доставалась им. Кровь их ценилась выше иной. *Ирад* (калым) их девушек достигал высшего предела.

Фарсаг. Фамилии, носившие это звание, были малочисленнее и беднее первых, хотя общее число фарсагов составляло громадное большинство населения как Нарской котловины, так и всей Осетии. Поселения их не имели боевого расположения, земельная собственность их как по количеству, так и по качеству далеко уступала владениям сильных. Податей они, как и сильные, никому не платили и были фактически совершенно независимы. Находясь под покровительством сильных, они в тревожное время «*особа*» пользовались их поддержкой. Фарсаги, в свою очередь, оказывали услуги сильным во время их работ, в особенности при постройках башен, при столкновении с другими сильными и в походах за перевалы.

Чем больше было у сильного рода покровительствуемых *фарсагов* и чем установившиеся между ними отношения были теснее и сердечнее, тем все они были лучше обеспечены от произвола и насилия других сильных фамилий, а также от посягательств на их независимость и имущество их из-за перевалов...

Кавдасард. Отец его зачастую был лучшим представителем сильной фамилии, но матерью его всегда была *номылус* — «жена по имени». Брались такие жены из тех же *кавдасард* или из очень бедных *фарсаг*. Число жен хотя и не было ограничено обычаем, но редко кто имел больше одной. По положению своему в семье *номылус* очень близко походила на наложницу, но не была с ней вполне тождественна в смысле большей свободы личности. При всякой возможности сделаться чьей-либо законной женой ее всегда отпускали и при этом, обыкновенно наделяя ее приданым, зачастую еще помогали и родным ее поучше справить свадьбу.

Положение детей от номылус, помимо их оскорбительной клички — *кавдасард*, было вообще тяжелое. Они росли, выбиваясь из сил в непосильной работе. Девушка обыкновенно выходила замуж за такого же по происхождению молодого осетина, как сама, или становилась «женой по имени» какого-нибудь старика из сильной фамилии. Редко ей выпадало счастье выйти за приглянувшегося ей молодого *фарсаг*, хотя бы и крайне бедного, но зато без обидной клички «*кавдасард*». Мальчик оставался в доме своего отца, рос, работал, мужал, и если после совершеннолетия находил для себя лучшим отделиться и жить самостоятельно, то это ему решалось беспрепятственно. Часть, которую, по обычаю, должны были ему выделить из общего имущества семьи, была так незначительна, что он обыкновенно предпочитал оставаться в доме отца или до выделения ему большего пая, или даже до конца жизни.

В общественной жизни он не имел никакого значения. При всем том он пользовался полной свободой.

Алхад, *саулаг* или *цагъайраг* был еще более обижен судьбой. Приобретенный где-нибудь на стороне, купленный или похищенный ребенком или даже взрослым, взятый в плен во время набега в какое-нибудь отдаленное ущелье, всегда иной национальности, этот несчастный *алхад* делался жертвой полного произвола своих хозяев, это был безусловный раб, которого можно продать, купить, убить и помиловать. Обычные названия — «саулаг», «алхад» или «цагъайраг» и «уацайраг» показывают на несомненно негритянское происхождение этих невольников. Есть, впрочем, в Осетии местно-

сти, где купленных называли «гурдзиаг» — грузин. Впрочем, во всей Осетии таких бесправных рабов можно было насчитать не более двух-трех десятков.

Жилище и утварь. Недостаток места и чувство самосохранения выработали здесь такое паразитическое умение пользоваться каждым выступом, каждой впадиной скалы, что на плоскости горизонтального сечения аула, не превышающей 200—300 кв. саженей, нередко помещается 10—12 домов со всем их движимым имуществом.

Постройки, за самым ничтожным исключением, все каменные, с плоскими крышами. Стены выведены из плитняка без цемента, если не считать щебня и земли, которыми заполнены щели. Редкое исключение составляют башни, выстроенные из тесаного камня на известковом растворе. Все постройки, в особенности башни, имеют вид усеченной пирамиды; это делается с целью большей устойчивости. Поверх стен положены балки, поддерживаемые центральным, а иногда и угловыми столбами; на балках положена настилка из кругляков и в очень редких случаях из пластин; на кругляках лежит хворост вперемешку с соломой и, наконец, слой земли, глины с мелким щебнем, который, при тщательной трамбовке, позволяет достигнуть полной гарантии построек от течи.

Плоскость крыши несколько ниже уровня стен; для стока воды в углах сделаны желобки. Наружной смазки нет; внутренние стены жилых помещений смазываются глиной с примесью свежего навоза. Двери низкие, неуклюжие, исключительно топорной работы, без участия пилы и рубанка и без железных частей в виде петель или гвоздей, замков и пр. Небольшое четырехугольное отверстие

в стене, по возможности к солнечной стороне, с внутренней деревянной или каменной ставней для защиты от холода, заменяет световое окно. В крышах жилого помещения имеется еще и третье отверстие — дымовой проход, который на поверхности крыши окружен небольшим барьером, не позволяющим сточной воде попадать в это отверстие. Во время сильного дождя, большого холода и вьюги отверстие это отчасти или совсем прикрывается каменной плитой. Вот приблизительный тип постройки вообще в горной Осетии, а в частности и в Нарской котловине. В аулах вы не найдете ни улиц, ни дворов, не определите, какому хозяину принадлежит та или другая крыша или стена. Вы видите окошечко сакли, но без проводника не найдете ее дверей. Ярусы так перепутаны между владельцами, что вы, желая, положим, попасть к своему знакомому во второй этаж, можете предварительно очутиться на крыше третьего этажа, служащей двором для дяди вашего знакомого, или в нижнем этаже наткнуться на корову его двоюродного брата. Вы будете не раз карабкаться по скале, заменяющей лестницу, минуете несколько темных проходов и очутитесь под каким-нибудь навесом в виде открытой галереи, высоко над бешено бушующим горным потоком. Здесь вы можете заметить на полу сбитую из двух досок прокопченную ставню; ее легко приподнять, и из темного отверстия под нею, в густом облаке дыма, перед вами может появиться ваш знакомый.

Зайдите в первую попавшуюся дверь в *фарсагауле*. Нагнитесь больше, чтобы не удариться о притолоку. Сенцы перегороджены жердями или плетнем. В первом отделении вас удивленно встречает

корова, из второго на вас сквозь перегородку смотрит несколько пар добродушных глаз овец и коз. Здесь же, в углу, валяются плиты кизяка и хворост для топлива. Нагнитесь опять, чтобы войти в следующие двери. Вначале до того темно, что вы ничего не можете разглядеть... Единственное отверстие в южной стене по случаю дурной погоды заставлено не то камнем, не то доской... Кизячный дым ест глаза, раздражает слизистую оболочку в носу, стесняет дыхание.

Направляйтесь прямо к тлеющему огоньку, иначе вы можете набрести на теленка в правом углу или на постельные принадлежности в левом. Пока дойдешь до центрального столба, поддерживающего продольную балку крыши, зрачки ваши расширятся и вы свободнее можете ориентироваться. От столба до задней стены *хадзар* (сакля) делится очагом на две половины: левая мужская, правая женская. Первая с деревянной или каменной лавочкой вдоль стены, а вторая без всяких приспособлений для сидения. Пол очага выложен большими плитами, на которых, недалеко от центрального столба, параллельно задней стене, лежит длинный камень, замыкающий очаг со стороны входа. От дымового отверстия к очагу спускается железная цепь с плоской скобкой на конце. Вся цепь покрыта густым слоем сажи; балки и кругляки в потолке блестят, как полированное черное дерево. Огонь в очаге поддерживается неугасаемо, пылающие угли на ночь зарываются в золу, и этим сохраняется в них горение до следующего утра. Очаг и цепь на нем составляют величайшую святыню каждого осетина.

Вся стена, замыкающая женскую половину, уве-

шана мелкою утварью: деревянные чашки, блюда, ковши, ложки, воловь рога, столик о трех низеньких ножках, каменная тонкая плита в железной оправе в виде стремени, небольшое с крышечкой деревянное ведро и т. п. На полу вдоль той же стены расположены разной формы и размера медные котлы, глиняные кувшины, плетушки, выдолбленные из обрубов ясеня и березы корыта, ведра, кадушки и пр. На стене мужской половины вы найдете шашку, пистолет или ружье в старом чехле, туры рога, а иногда и *фандыр* — музыкальный инструмент.

Существенное отличие жилищ сильных от прочих выражалось в том, что у них для лошадей, рогатого скота, овец и коз имелись конюшни, базы и овчарни, следовательно, их *хадзар* не был пропитан ароматом навоза. Кроме *хадзар*'а, у них были и другие более чистые помещения — *уат* с камином для женатых членов семьи, а для гостей такой же конструкции *уазагдон*, убранный коврами и дорогим оружием. Нужды нет, что конюшни, хлев и овчарня помещались в нижнем этаже, *хадзар* в третьем, *уазагдон* и галерея в другом корпусе, а кладовая в пещере под башней. Зато все это прочно и недоступно для неприятеля. В *хадзар*'е и *уазагдон*'е вместо простой скамьи можно встретить своеобразные кровати, диваны и кресла с оригинальной резьбой. Утварь здесь многочисленнее, разнообразнее и ценнее, здесь было больше золота, серебра, меди, железа и стали в виде громадных котлов для варки пива, холодного и огнестрельного оружия, кувшинов и т. д.

При особом доверии и расположении владелец сакли может показать вам несколько серебряных

вещей: тяжелый кованый пояс, кубок, ковш, старинные монеты и тому подобная *«хазна»*, доставшаяся его предку после набега на владения какого-нибудь грузинского князя. Но никакой дружбы вы не достигнете, чтобы он показал вам камень счастья — *цыкурайы фардыг* (буса изобилия и счастья), который он хранит, как говорится, за семью замками от всякого постороннего глаза. Это его неоценимое достояние и величайшая домашняя святыня, которую даже его семья имеет право созерцать с благоговением и с молитвенными приношениями только один раз в году. Камень этот, величиною от горошины до голубиного яйца, имеет слегка желтоватый оттенок и небольшую прозрачность; он испускает в темноте довольно сильный фосфорический свет. Встречается очень редко и, по народному поверию, достается «счастливцу» с опасностью для жизни, так как добывается из зева самых ядовитых змей. Окружая целыми десятками «свою старшую сестру», которая держит во рту эту «бусу изобилия», они с ожесточением бросаются на всякого, кто пытается отнять у них это «сокровище». Змея эта, говорят, водится в Индии; охотясь по ночам на насекомых, она держит во рту этот светящийся камешек.

У *тыхджын мыггаг* имелась фамильная башня в 5—7 ярусов, в которой могло при обороне от неприятеля укрыться все население аула с его утварью и жизненными припасами. В настоящее время в Нарской котловине, да и во всей Осетии, нет ни одной сохранившейся в целости башни; все они, по распоряжению русского правительства, были разрушены в сороковых и пятидесятых годах прошлого столетия.

Жилищем отделявшегося от отца *кавдасард'*а на первое время служил обыкновенно какой-нибудь старый заброшенный хлев с единственным отверстием, заменявшим и двери, и световое окно, и дымовой проход, с плетневой заслонкой на ночь и от непогоды. Котелок, деревянное ведро, две-три деревянные чашки, плетенка для зерна и муки, топор, ремень, коса и серп — вот приблизительно весь его инвентарь.

Одежда. Ермолка из грубого сукна, из такого же сукна черкеска до колен с несколькими газырями, надетая прямо на голое тело, суконные штаны, такие же ноговицы, кожаные *арч'ита* (обувь) с ремешковым переплетом и пучком мягкой шелковистой травы вместо чулок; кинжал, шашка, винтовка и пика в 1,5 сажени длиной с железным заостренным наконечником — вот все одеяние и вооружение молодого джигита времен *особа*. Нагрудник, а тем более целая рубаха составляли роскошь очень немногих, которые надевали их только по большим праздникам, в торжественных случаях. Иногда у целой фамилии была всего одна рубаха или нагрудник; тогда пользовались ими по принятому порядку и даже давали их во временное пользование постороннему лицу в виде особенного одолжения. Бешмета теперешнего совсем не существовало; бурки были редки; короткий полушубок из овчин дополнял зимою наряд молодого осетина; длинные до самых пят и широкие тулупы были исключительной принадлежностью стариков. Наиболее бедные и зимою и летом ходили в тулушах, за неимением другой одежды.

Женщины одевались лучше: рубаха из бязи, синего или зеленого цвета, короткий бешмет из гру-

зинской материи *сурма* и *лаина*, красные штаны из грубой *сила* (тоже грузинской), черная повязка, из-под которой по щекам падали два вьющихся локона, белый коленкоровый платок, чуваки из телячьей кожи и такой же передник до колен. Девушка вместо повязки носила шапочку из разноцветных лоскутков и ровно подстриженный чуб вместо локон.

Траурный наряд женщины составляли длинная рубаха из грубого черного сукна и черный платок. Шелк и серебро встречались только в свадебных и очень редко в погребальных нарядах.

Пища. «Съешь за ужином целый *кардзын*, если у тебя на завтрак остается еще полкардзына», — говорит осетинская поговорка, которую жители Нарской котловины охотно применяют в жизни. *Кардзын* — лепешка из ячменной, просяной или кукурузной муки, величиною с чайное блюдо, и до сих пор является главной пищей осетин. В Нарской котловине, как и вообще в горной Осетии, в силу климатических условий, употреблялся до позднейшего времени исключительно *кардзын* ячменный, или, как его принято называть, «твердый». Приготовление его самое примитивное: просяная мука разбавляется теплой водой с примесью небольшого количества соли; тесто тщательно мнется и сбивается в лепешки; последние подрумянивают на подогретой каменной плите (в железной оправе в виде стремени) и затем выпекают в горячей золе. Такая лепешка с кусочком сыра или с чашкой сыворотки, хлебного кваса, а то и просто ключевой воды составляла обыкновенно обед и ужин взрослого осетина. Немаловажную роль в осетинской кухне времен *особа* играл и овес, из которого готовились три наи-

более в народе популярных блюда: *бламыхъ*, *хомыс* и *къалуа*. Для изготовления этих яств овес предварительно варится в зерне, высушивается и идет в помол: мука просеивается и поступает на стол как кушанье. В первом случае в одной половине деревянной чаши кладется мука, в другую наливают квас; чашка снабжается ложкой; каждому предоставляется полная свобода разбавлять *бламыхъ* по своему вкусу. Комок липкого теста из тех же составных частей, предварительно мятый, идет в пищу под названием *хомыс*. Такое же тесто, только более густое, рассыпчатое, составляет третье блюдо — *къалуа*. Из ячменной солодовой муки пеклись лепешки под названием *задын*. Они на вкус несколько сладковаты, рыхлы, а главное, неудобоваримы. Пшеничные лепешки, пироги всевозможных сортов (с мясом, сыром, копченым салом и разною зеленью) были достоянием богатых. Бобы, горох, а позднее и картофель попадали в Нарскую котловину из Грузии и Южной Осетии и поступали в пищу в виде начинки пирога и приправы к *дзарна* (похлебка из ржаных, кукурузных и пшеничных зерен). Из этих же зерен приготавливали *цакуы*, поджаривая их в сухом виде в котелке или на плите. Похлебки со всевозможными приправами и различные виды киселя — *цымга* были в большом употреблении. Мясо появлялось только на свадьбах, поминках и в большие праздники. Поедалось оно с большой жадностью и без остатков, сколько бы его ни было. Редко кому удавалось заготовить себе на зиму лакомые копченки из необыкновенно вкусной здесь баранины, говядины и превосходной дичи (тур, олень, дикая коза, серна, лань). Чаше встречались подвешенными к потолку над очагом, завернутые в сальник, круги

нетопленного сала и связки колбасы разной длины и толщины. Исключая мелких кур, в Нарской котловине не имелось другой домашней птицы. Яйца служили большим лакомством для детей. Огородов в Нарской котловине не было совсем; сады упоминались только в сказках. Дикорастущая зелень в сыром и вареном виде, орехи, ягоды и корни разнообразили пищу осетин. Дикий мед служил лакомой приправой блюд. Из напитков осетины с особенным искусством приготавливали *пиво*, пользуясь дикорастущим хмелем, и *арак* — обыкновенную неочищенную водку в 20—30°, исключительно из ячменя. В двойной перегонке *арак* достигает до 60 и больше градусов и содержит незначительное количество си-вушного масла.

Хозяйство. В Нарской котловине, как и во всей горной Осетии, до сих пор сохранилось только *частное землевладение*. Покосы, пастбища и леса находятся в безраздельном пользовании отдельных фамилий, а пашни составляют собственность исключительно подворную. Значительная высота местности над уровнем моря, большое падение склонов и почти полное отсутствие чернозема делают занятие хлебопашеством возможным только при необыкновенно тщательном уходе за землей. Несмотря на это, ни один клочок ее, где только может рядом пройти пара быков и хоть на 1,5 вершка врежется соха, не остается здесь праздным. Пашня ежегодно по несколько раз очищается от щебня, наносимого ливнями, тающим снегом и завалами, систематически удабривается навозом, и если есть какая-нибудь возможность, орошается искусственно. За отсутствием дорог и за полной невозможностью, благодаря очень крутым подъемам, пользо-

ваться телегой навоз в большинстве приходится доставлять из аулов на собственных спинах в особой плетенке — *таскъ*. Всходы стараются полоть не меньше двух-трех раз. Во избежание погравы, нивы, лежащие близ аулов, дорог и выгонов, обнесены каменной оградой. При всем этом рост хлебов редко достигает трех четвертей, а урожай его, если он успевает созреть, если его не прихватило морозом, не выжгло солнцем, не смыло ливнем или шальным, разбушевавшимся потоком, если его не уничтожило, наконец, градом, — редко превышает сам-четыре. По окончании жатвы хлеб обыкновенно на саях (колеса здесь раньше совсем не применяли, да и теперь редко встречающиеся здесь арбы могут двигаться только на очень ограниченном пространстве по долинам некоторых рек), а то просто волоком, на особых плетенках (в виде китайского веера, из березового хвороста — *махъи*), стягивался в снопах к аулу, на гумно, и здесь его немедленно молотили. Молотьба производилась посредством нескольких голов рогатого скота, которых привязывали в ряд по радиусу круга, занятого разбросанными снопами, и погоняли так, чтобы они описывали концентрические круги; самой смирной корове отводилось крайнее место у центра, а самому бойкому бычку приходилось скакать по окружности. Скот весь был снабжен намордниками, не позволявшими лакомиться добром хозяина. Погонщик — обыкновенно подросток — очень хорошо следил за своей рогатой командой и, вооруженный хворостиной и плетеным веером, не позволял нарушать порядка и наваживать хлеб, вовремя подставляя веер. Солома и мякина складывались для зимнего корма; зерно очищалось, проветривалось, просушивалось, сортировалось и

ссыпалось в смазанные плетенки — *кѣуту*, которые заранее распределялись по периодам продовольствия семьи до будущего урожая и на посев. Вскрытие *кѣуту* не в срок могло быть только по самой крайней необходимости. Мельницы — *куырой* — горной Осетии поражают своей малостью и простотой конструкции. По внешнему виду они очень мало отличаются от деревенского курятника — низенькие до смешного двери и ни одного светового отверстия, если не считать многочисленных щелей в стенах, а иногда и в полу. Строятся они большею частью в один постав, составляют собственность отдельной семьи, а чаще целого союза родственников. Верхний жернов толщиной в 1,5—2 вершка и около $\frac{3}{4}$ аршина в диаметре прикреплен к вертикальной оси, которая проходит сквозь нижний постав и под полом заканчивается чурбаком, к которому приделаны, в виде спиц, небольшие лопатки. Вода, сбегая по крутому, выдолбленному в бревне желобу, поступает в нижний этаж мельницы, ударяется о лопатки и приводит ось во вращательное движение. Ось поддерживается рычагом, который посредством ручки, идущей от него через пол в верхнее отделение, по мере надобности опускается или приподнимается, позволяя таким образом получать мелкую или крупную муку. Падение зерна из висячей конусообразной плетенки производится посредством деревянного молотка, приводимого в сотрясение движением верхнего жернова и передающего это сотрясение желобку, которым оканчивается устье плетенки. Приведение желобка посредством приспособленного для этого шнура в более или менее наклонное положение регулирует силу падения зерна.

Покос и доставка сена сопряжены с еще большими

ми неудобствами. В Нарской котловине многие косят на таких крутизнах, что при всей ловкости и уменье осетин держаться на них, косарю зачастую приходится прибегать к помощи веревки. Ведерко его для воды непременно снабжено ремешком с колышком, который при надобности вбивается в землю и таким образом удерживает его от падения в пропасть. Коса осетинская косит на обе стороны. Тщательно сгребая каждую былинку вилами и граблями, все сено сначала собирают в маленькие кучки для окончательной просушки. Небольшое ненастье — и от них часто не остается следа; мелкое шелковистое сено, как пух, разносится ветром по ущелью. Приходится как можно поспешнее складывать его в копны. Для этого заранее нужно приготовить необходимое количество *махъи* — веерообразных плетенок из березового хвороста. Плетенки доставляются на место покоса людьми на спинах, причем один взрослый рабочий может поднять сразу только 3—4 плетенки. На этих плетенках сено складывают небольшими копнами, скрепляя их свитыми из того же сена канатами. Если позволяет местность, то копны по возможности скорее стягивают волоком на дно ущелья, откуда уже доставляются в аул на санях волами. При менее благоприятной местности, когда путь по дну ущелья не представляет соответствующих удобств, тогда плетенки с копнами располагаются группами на безопасных от снежных завалов местах, на гребнях ложбин, и там оставляются до зимы. После нескольких завалов, когда дно ущелья заполняется сплошь глубоким и плотным слоем снега, когда скат в ущелье принимает совершенно гладкую снежную поверхность, осетины задолго до рассвета выходят из аула

и, местами прибегая к помощи плетеных лыж, шестов и посохов с железными наконечниками, с большим искусством добираются до места расположения копен, покрытых уже зачастую таким глубоким снегом, что никакой опытный глаз не определит их присутствие под поверхностью снега. Их приходится разыскивать шестом, и достаточно, конечно, найти одну копну, чтобы по известному их числу и расположению легко отыскать остальные (располагаются они всегда правильными рядами). Каждый ряд копен в 8—10 дружной работой лопатами совершенно высвобождается из-под снега, сдвигается несколько ниже по направлению спуска и прочно сцепляется ремнями. Затем к каждому ряду становится по два человека, которые стягивают копна к спуску. Как только копны начинают двигаться своею тяжестью, один из них вскакивает на вторую от начала копну, а другой на предпоследнюю, и импровизированный поезд с быстротой молнии несется в бездну ущелья. Такая работа не обходится, конечно, без несчастий. Чаще всего достается второму «кондуктору», которому необходимо иметь большую ловкость, чтобы вовремя и удачно вскочить на свою копну, которая в это время стремительно мчится мимо него. В том случае, если снега не везде достаточно и не все переправы сглажены надлежащим образом, приходится прибегать к помощи саней. В первом случае к каждой плетенке с копной припрягается по одному волу.

Особенно жестоким бичом для горной Осетии являются снеговые завалы. Сколько потрясающих рассказов существует о них в народе, сколько несчастных случаев, повторяющихся из года в год!

Во многих аулах после выпадения снега и в ожи-

дании завала прекращается иногда на целую неделю всякое сообщение с другими аулами, скотину перестают выгонять на водопой, для нее приходится оттаивать в котлах снег. Есть аулы в горной Осетии, жители которых в продолжение зимних месяцев совершенно не отлучаются из своих жилищ. Несмотря на такую осторожность, страшная стихия ни одну зиму не обходится без человеческих жертв. Жертвою завалов делались неоднократно целые аулы со всеми постройками и движимым имуществом¹.

При описанных обстоятельствах в Нарской котловине немыслимо, конечно, заниматься *скотоводством* в широких размерах. Лошадь, пара малорослых быков, столько же мелких коров, несколько десятков овец и коз составляют крупное хозяйство. Большая же часть жителей имеет не более двух голов рогатой скотины и несколько коз. Осетины, имеющие только по одному быку, вступают между собой в товарищества — *цадамбал* на время производства работ, а не имеющий совсем рабочей скотины возмещает прокат пары быков с сохой или с санями каким-нибудь личным трудом; впрочем, безвозмездное пользование чужой рабочей скотиной и хозяйственными орудиями было прежде в обычае. Всю долгую зиму скотина питается тощим кормом — соломой с примесью сена.

¹ В конце 50-х годов в Нарской котловине был снесен авалом самый большой аул Джинат; погибло свыше 40 семейств. Завал прошел ночью, и на том месте, где стоял аул, наутро осталось только большое черное пятно обнаженной земли. Уцелела только одна семья — старик и старуха, и то благодаря тому, что спали под скалой. (*Примеч. автора.*)

Если оттепель обнажает южные склоны гор, то овцы и козы пользуются подножным кормом и тем дают возможность рассчитывать на благополучный исход зимы для всей скотины. С падением последних завалов, самых опасных и разрушительных, сдирающих при стремительном сползании верхние покровы горных скатов, устанавливается уже более правильное пользование подножным кормом. В каждом ауле или даже совместно в нескольких занимаются на все лето два мальчика-пастушка 11—12 лет, которые ранним утром отправляются со своими стадами на общие фамильные пастбища. Кормятся и ночуют пастушки поочередно у всех хозяев.

Навоз из-под крупной скотины приберегается для удобрения, а из-под мелкой — на топливо в виде плиток кизяка.

Из молока с начала лета готовят известный осетинский сыр, а осенью — сбивают масло, которое сейчас же растапливается, сливается и хранится в глиняной посуде. Сыворотка поступает в пищу и в рассол для хранения сыра, а сыр и масло по возможности стараются расходовать так, чтобы их хватило до великого поста. Для масленичной недели сохраняется особая порция этих продуктов, которая ни в коем случае не может быть расходвана раньше времени.

Овечья шерсть и козий пух идут на приготовление сукна; овчина — на шубы; козловая и телячья шкуры поступают на приготовление мешков, бурдюков, женских передников и чувяк; воловья — на ремни и мужскую обувь.

Лошадь была прежде роскошью. Она применялась только для верховой езды и перевозки вью-

ков. Ни мясом, ни молоком, ни кожей ее не пользовались. Осел встречается редко. Не в большом авантаже и свинья, которая также встречается редко и держится всегда на привязи; только под Новый год почему-то предпочиталось заколоть, вместо барана, свинью; к этому времени каждый старался получше откормить свою свинью. Из домашней птицы в Нарской котловине, как я уже говорил, встречались только мелкие куры, и то в ограниченном количестве.

Детство. Несмотря на то что отец и мать мои принадлежали к «сильным» и «большим» фамилиям в Нарской котловине, а отец, помимо того, был офицером русской службы, я все-таки родился в «яслях», в хлеве. И навряд ли во всей Нарской котловине найдется кто-либо, кто до меня, да и много позднее меня, родился не в хлеве. Объясняется это тем, что в Нарской котловине времен *особа* совершенно не было другого более удобного, изолированного помещения для этого величайшего акта природы. За несколько недель до родов женщина, хотя не всегда, освобождается от тяжелых работ, а в период ожидания совершенно отделяется от семьи. В наиболее уютном и чистом хлеве разводится огонь и делаются необходимые приготовления. Приглашается опытная бабка и устанавливается постоянное дежурство из взрослых девушек и женщин — родственниц роженицы.

Весть о появлении на свет ребенка мужского пола встречается в семье и всеми родными с величайшей радостью. Со всех сторон являются с поздравлениями, и радостное событие обыкновенно сопровождается пиршеством. Мальчики-подростки иногда целые зимние ночи дрогнут у дверей хлева,

чтобы перехватить первую весть о рождении мальчика и первыми же явиться с нею к ближайшим родственникам новорожденного и получить подарок за первое известие о «рождении хорошего мужчины» (*хорзлаггураггаг*). Рождение девочки встречается далеко не так радостно и, конечно, без раздачи подарков. Через неделю после родов больную обыкновенно переводят в *хадзар* и укладывают в угол у входа.

Там она лежит до полного выздоровления. К тому же времени делаются приготовления «к укладке ребенка в колыбель¹ и приобщению роженицы к очагу» — эти обряды были чисто женским праздником. Мужчины, обыкновенно молодежь, принимали в нем только то участие, что предоставляли на выбор матери несколько придуманных ими имен для новорожденного мальчика, за что им высылалось на двор небольшое угощение.

В начале июля каждая семья, которая в продолжение года имела приращение мужского пола, считает своей обязанностью отпраздновать обильно и угостить наибольшее число родственников и соседей, это называется «справлять миску» (*ках-цганан*). Название такое праздник этот получил, вероятно, потому, что мать новорожденного обходила всех своих по отцу и по матери родственников с чашей (миской), собирая всевозможные подарки и припасы для этого праздника.

¹ Осетинская колыбель представляет из себя деревянную с перилами кроватку на поперечных полозьях в виде новолуния, на которых ее и покачивают с боку на бок. Посреди нижней доски кроватки имеется отверстие для костяной трубки, идущей сквозь постель. Это приспособление дает возможность ребенку мочиться, не подвергаясь частым пеленаниям. (*Примеч. автора.*)

Если мать занята и не может покормить и унять своего ребенка, то предоставляется всем, кому угодно, возиться с ним, покачать колыбель, поддержать малютку на руках и пр. Лишает этого права осетинский этикет только отца малютки. Только в самом интимном кругу (жены и детей), или с глазу на глаз, позволительно отцу дать волю своим чувствам и понынчить, приласкать детей. Если осетина-отца в прежние времена случайно заставляли с ребенком на руках, то он не задумывался бросить малютку куда попало. Боязнь быть заподозренным в неумении скрывать своей любви к детям доходила до того, что многие отцы не произносили никогда даже их имен. С моим отцом, когда он был еще ребенком, случилось следующее. На крыше четырехэтажного здания мать оставила его под присмотром отца. Ребенок, переползая с места на место, очутился у самого края крыши. Еще момент — и он теряет равновесие. Дед, однако, успел наступить ему на рубашонку, и мальчик повис над пропастью. Пока на крик ребенка не сбежались заметившие эту сцену соседи и не подняли его, верный традициям, дед стоял как вкопанный и не сделал ни одного движения, чтобы освободить своего первенца от опасного положения. Я не помню, чтобы отец назвал меня когда-нибудь по имени. Говоря обо мне, он всегда выражался так: где наш сын? не видал ли кто нашего мальчика?

Росли дети в громадном большинстве случаев грязными, полунагими, полуголодными. Девочек из хорошей семьи сватали очень часто в колыбели. Дети, конечно, об этом ничего не знали до времени и росли беспечно до 8—9-летнего возраста, когда мальчику поручали пасти ягнят, а девочке нянчить

грудных детей и помогать по хозяйству матери.

В 13—14 лет мальчик становился помощником отца во всех отраслях хозяйства, а к 16 годам свободно управлял сохой, владел топором, серпом и косой. С этих же лет он делался «взрослым», с правом голоса, членом семьи; с этого возраста он мог вступить и в брак.

Девочка до 13—14 лет тоже должна была пройти всю незаmysловатую школу домашнего хозяйства и женского рукоделия, чтобы стать женою своего суженого.

Счастливая пора детства сокращена была здесь до минимума и лишена к тому же и сколько-нибудь интересных игр и развлечений. Кроме неизменной, кажется, у всех народов, куклы — *чындыз* (невестка), девушки могли развлекаться еще чуть ли не единственной женской игрой в пять камешков — *дыччыта*. Игра ведется на полу, сидя, одной рукой, и состоит в раскладывании и схватывании четырех камешков в те небольшие промежутки времени, пока подброшенный пятый камешек не пойман той же рукой. Прodelав это при различных расположениях камешков, игрок перекладывает все пять камешков на верхнюю поверхность кисти той же руки, а затем обратно в ладонь; число схваченных ладонью камешков заносится в счет выигранных очков.

Для забавы в присутствии юноши, от которого хотят якобы скрыть содержание беседы, у девушек принят свой, так называемый «девичий язык» — *чызджыты'взаг*, отличающийся от обычной речи тем, что к каждой согласной букве прибавляется гласная или некоторые слоги повторяются по два раза.

Мальчики располагают большим разнообразием игр и развлечений: сошки, чиж, лук, метанья камня пращом, бег, катанье на коньках, борьба, купанье, рыбная ловля, устройство капканов для ловли воробьев и т. п.

Танцами наши предки занимались, видимо, не особенно охотно, так как дошедшие до нас виды этого развлечения очень несложны; они были скорее выражением экстаза пирующих мужчин, чем развлечением молодежи. Девушки танцевали очень редко, а женщины совершенно не принимали участия в танцах, исключая разве расходившейся на свадьбе своего внука старушки.

Пение также было достоянием главным образом взрослого поколения, и притом мужского. Это положение могло бы быть даже правилом без исключения, если б его не нарушали юные 11—12-летние пастушки. Эти крошки, уходя с раннего утра за своим послушным стадом в горы, поднимаясь с ним по крутым скатам, карабкаясь по грудам скал, огибая повисшие над бездной утесы, ползая, как муравьи, над черной пропастью и, наконец, сладко развалиясь на самом гребне горных высот, не могли, конечно, в этом постоянном одиночестве и созерцании величия и красот окружающей природы избегнуть могучих чар поэзии. Немногосложные, но полные неизъяснимой прелести переливы звонкого детского голоса далеко разносятся по чистому упоительному воздуху, пробуждая далекое эхо и теряясь в тысячеголосом шуме водопада, затерявшегося во мгле глубокого ущелья. С приближением к аулу юный певец замолкает, и уже никакая радость не может заставить его повторить свою любимую песнь при взрослых слушателях. Обы-

чай не позволяет петь девушкам и женщинам. Требование это нарушается, однако, вдали от жилья, где-нибудь на мельнице, в лесу, за сбором ягод, орехов, кореньев и пр.; в полном уединении от мужчин, в своей исключительно женской компании, расхажившие на свободе молодые осетинки очень охотно отдаются этому развлечению. Надо заметить, что девушка, даже при этих обстоятельствах, не принимает в нем участия. Песни так же, как танцы, очень ограничены по числу, разнообразию мотивов и содержанию.

Сказки составляют достояние обоих полов и всех возрастов. Они многочисленны, разнообразны и художественны: они всегда служили одним из самых приятных времяпрепровождений.

Игра на двух- и двенадцатиструнном *фандыр* (род скрипки и арфы) и длинные повествования под их аккомпанемент были исключительной привилегией наиболее даровитых мужчин. Эта отрасль народного творчества особенно любима и полна прелести.

Ирад (калым). Прежде чем приступить к описанию интереснейшего обряда в осетинской жизни, я постараюсь изложить обстоятельства, сопровождающие сватовство.

Ирад является мерилем достоинства крови. Раз установленный, его нельзя изменить произвольно. Принимая за единицу ценности корову, размеры *ирад*'а в Нарской котловине распределяются так: Хетагуровы (Зидахановы, Мамиевы, Бырнацевы, Дзанаевы и Джигоевы), Цуциевы, Губаевы и Саутиевы брали по сто коров с следующим непременно условием: двадцать коров выплачиваются коровами, пятьдесят шесть чем попало — пашнями, медью, оружием, скотиной и пр. — по оценке выборных. Бык идет

за две коровы, а пять баранов за одну. По ценности остальных двадцати четырех коров следует дать что-либо определенное — ниву, ружье или медный котел; последний должен весить 24 литра (литр = 9 фунтам <?>). Последняя категория носит специальное название: *сар* (голова).

Ирад остальных фамилий не ниже 25 и не выше 30 коров.

Нет сомнения, что ни одна семья не в состоянии сразу уплатить *ирад* в 100 коров. Его выплачивают со дня сватовства и до самой свадьбы.

Жених и невеста. В 7—8-летнем возрасте жених может сделать первый визит в дом своей невесты.

Сопровождают его обыкновенно несколько сверстников-друзей и кто-нибудь из неблизких родственников; идет он не с пустыми руками, а с бурдюком *арак'*а, бараном и шестью пшеничными хлебами, из которых три должны быть величиною с жернов осетинской мельницы ($\frac{3}{4}$ или целый аршин в диаметре). Кроме того, специально предназначены подарки: невесте шелковый грузинский платок и материя на платье, матери ее тоже что-нибудь на платье.

Так как визитеры являются поздно вечером, то предупрежденные хозяева встречают их с зажженными факелами, любезно приглашают в *хадзар*, сзывают родню и пируют всю ночь. Смущенный жених выстаивает все это время в сених с двумя-тремя сверстниками, краснея от острот и замечаний молодых женщин и девушек, родственниц его невесты, которую, конечно, он не имеет удовольствия видеть между ними. Таков осетинский *сгарст* (посещение).

С этого дня жених остается в доме невесты от двух до четырех недель, где за ним ухаживают, как за родным сыном. Шьют ему шапку, черкеску, ноговицы и чуваки. Во время своего пребывания в доме тестя жених должен во всей полноте обнаружить все свои достоинства,— ловкость, вежливость, словом, все, что нужно для того, чтобы произвести самое лучшее впечатление. Услуживая всем и во всем, он никогда не садится при старших. Стоя у дверей *хадзар*'а, он всецело занят тем, чтобы предупредить малейшее желание членов семьи, особенно стариков. Ложась позже всех, он утром раньше всех на ногах. Ночует он обыкновенно с братом и родственником невесты, летом где-нибудь на крыше, в галерее, а зимой в башне, если другого свободного помещения не имеется.

За ним больше всех ухаживают женщины, а в особенности будущая теща, благодаря чему он и ест сытнее, и лакомится вкуснее других. В обществе женщин он развязен, подходит ближе к очагу и даже садится. Молодые женщины и девушки, в отсутствие тещи, устраивают ему свидание с невестой, не предупреждая ни ее, ни его. Иногда его зазывают туда, где невеста, не подозревая его близости и замысла подруг, сидит за шитьем.

После *сгарст* жених может ходить в дом тестя когда угодно, хотя частые посещения и долгие пребывания там не в правилах хорошего тона.

Приближается осень, наступает ноябрь,— начинаются приготовления к свадьбе. За неделю до свадьбы невесте готовят наряд: длинный бешмет, рубаху, платье, застежки на груди и на рукавах, пояс, серьги, шапочку из красного сукна, отделанную галуном, шелковый платок поверх ша-

почки, красные штаны, чулки и чупаки. Стоимость наряда зависит, конечно, от состоятельности родителей невесты. Прикрыв голову и лицо куском красного сукна, невеста в сопровождении родственницы целую неделю обходит аулы. По красному сукну на голове нетрудно узнать девушку накануне вступления ее в новую жизнь. Каждый делает ей посильный подарок с лучшими пожеланиями. Наконец наступает день свадьбы.

Свадьба. Прежде всего посылают гонца в дом родителей жениха с покорнейшей просьбой «осчастливить сегодняшний вечер своим посещением». Это простая формальность; гонец, исполнявший поручение тестя, получает какую-нибудь награду.

Сопровождают жениха человек 10—12 от 20 до 40-летнего возраста, во главе с отцом жениха или ближайшими родственниками. Сколько трудов и просьб стоит жениху набрать этих дружков. Чуть ли не за год он начинает комплектовать их. Происходит это потому, что, зная, какое «сражение» его ожидает на свадьбе, не всякий надеется на свои силы.

Вся родня невесты к 8 часам вечера уже в сборе. Старейшие из них ожидают гостей в *хадзар*'е, а другие их приветствуют с пылающими факелами. Гости устраиваются в ряд по старшинству и, весело отвечая на приветствия хозяев, принимают подносимый им наполненный *арак*'ом рог, молятся о счастливом исходе и до дна осушают чашу за благополучное прибытие. Затем их приглашают в *хадзар*. Не нарушая порядка и ободряя друг друга, они входят и приветствуют стариков, усаживаясь по возрасту и беседуя о злобах дня; молодежь говорит только шепотом.

Первое место занимает старший из родственников невесты, вторым сидит старший из гостей и дальше только посторонние гости, все же родственники невесты стоят, а молодежь прислуживает. Общество жениха в сених составляют два-три парня.

Перед гостями ставятся круглые столы, на каждом из них по три прожаренных в масле пирога с сыром (*уалибах*), к ним подаются шампуры (вертелы) с шашлыком из внутренностей бычка и барашка. Шампуры раздают сначала старшим; самому старшему подают вместе с шампуром рог с *арак*'ом. Все встают. Наступает молчание, и старческий голос мерно и отчетливо произносит молитву.

После каждой его фразы раздается хором: «*ом-мен, оммен, хуыцау!*» (аминь, аминь, господи!) Следующий произносит более краткую молитву, третий старается быть еще скромнее. Шашлыки нарезаются на столах. Кусок его с пирогом и полным рогом посылается в сени жениху. Все садятся за трапезу. Второй рог старик принимает уже сидя; после краткой молитвы св. Георгию-победоносцу старик просит передать рог самому младшему из гостей. Тот встает и, приняв рог с благодарностью, делает из него один глоток и возвращает прислуживающему, который затем обносит от младших к старшим. После еще одного-двух тостов происходит перерыв, довольно продолжительный, а затем садятся в том же порядке. На длинных низких столах разложены разные яства, главным образом вареное мясо, причем лучшие куски кладутся перед старшими. Начинаются опять тосты, дальше появляется турий рог с пивом, начинается пиршество. Вся цель хозяев — поить гостей; последние

должны выдержать такую атаку, не проявляя опьянения. Раздаются песни, тосты проходят под веселый мотив с дружеским хлопанием в ладоши.

Пир близок к концу; уже за полночь, тосты идут двойные и тройные — турий рог с одним воловьим рогом и турий рог с двумя воловьими рогами; в последнем случае турий рог помещается под мышкой левой руки, — выпивают сначала *арак*, а за ним пиво — всё под веселый напев с дружным хлопанием в ладоши. Доходило даже до 4 рогов — два «тура» под мышками и по «быку» в каждой руке... К часу ночи получается какой-то хаос.

Шум, пляска и игры не прекращаются. На женской половине не весела только одна невеста, — все происходящее вокруг нее кажется ей сном, виденьем.

Между тем хозяин одолел гостей и их всех уложил спать... Спят долго... Завтрак уже готов, а из гостей многие еще не просыпались, пришлось растолкать их...

— Ну, что вы нам принесли в мешке? — весело встречает их хозяин.

Те достают мешок со всякого рода подарками, передают его хозяину и затем так же весело сами спрашивают его: а где же наша доля? Пора и ее завернуть. Выносят все приданое невесты, бешмет и черкеску для отца жениха, длинный женский бешмет для свекрови, штуку белого сукна, локтей 18—20 — гостям на ноговицы, от 8 до 12 бешметов мужских и женских для родни жениха, целую кожу — гостям на обувь и множество мелких вещей — те-семки, галуны, кисти и т. д. Очень часто из подарков, принесенных гостями в мешке, некоторые воз-

вращаются и попадают в приданое. Окончив это, гости отправляются завтракать.

Затем из женского отделения удаляют всех, исключая невесты и двух пожилых женщин, которые чуть не волоком тащат туда жениха и сажают его рядом с невестой. Перед ними ставят столик с тремя пирожками, которые должны быть съедены исключительно женихом и невестой. Картина в высшей степени комичная, если принять во внимание, что жена и муж за всю свою жизнь только в этом случае садятся за один стол.

Затем шафер — *къухылхацаг* (руководящий невестой) встает из-за стола. Несмотря на просьбы хозяев, он оставляет пирующих и отправляется на «женскую половину». Недружелюбно встречают его здесь, толкают, бьют и не подпускают к невесте, чтобы промедлить хоть лишних полчаса. Он просит взятку, — ему дают какую-нибудь безделушку. Но вот проходит и этот срок, шафер встает и уже не соглашается ни на какие сделки. Начинаются долгие прощальные объятия (целоваться не принято), невеста дает полную волю слезам, плачут и другие.

Шафер начинает освобождать «свою сестру» из объятий подруг и родственников. Установив порядок, он обнажает шашку и берет правую руку невесты... Сотни самых искренних пожеланий и горячих молитв приветствуют со всех сторон. Невеста спускает свой платок, а любимая подруга накрывает ее голову поверх платка красным сукном.

Шафер делает шашкой знак, — все расступаются и дают дорогу «брату и сестре».

— *Фарн фацауы!* (мир, благодать грядет к вам!) — возвещает шафер в дверях *хадзар*'а.

Шафер ведет невесту вдоль правой стороны очага и ставит ее в угол. Все снова садятся, и возобновляются тосты.

— Ну что же, тестюшка,— обращается шафер к отцу невесты,— в чем твоя дочь станет греть воду, чтобы мыть себе голову?

Медный котел подается в ответ на вопрос шафера. Зятю своему тесть делает более ценный подарок — ружье или шашку. Затем шафер подходит к невесте и обнажает шашку. Все встают. С молитвой на устах шафер обводит невесту три раза вокруг очага, ударяя шашкой при каждом обходе в висящую над очагом цепь. Невеста, обходя с ним вокруг очага, делает приседание, очень похожее на реверанс. Затем при громких пожеланиях всех присутствующих шафер с невестой выходят из *хадзар'*а и при ружейных выстрелах оставляют аул. Жених тем временем уже далеко впереди. Но перед тем как шафер оканчивает обряд обхода очага, молодежь в сенях бросается на жениха и бьет его чем попало. Защищая главным образом голову, он кое-как освобождается от толпы и, избитый иногда до синяков, убегает в дом своего шафера, который также не гарантирован от тумачков. Столы еще не убраны, а вставать из-за стола раньше старших считается неприличным. Надо «подкупить прислуживающих», — каждый гость в этом случае считает своей обязанностью положить какую-нибудь вещь на стол (огниво, нож, пули, порох и т. д.). От стариков не принимается ничего. Удовлетворенная таким порядком, прислуживающая молодежь освобождает наконец своих гостей. Выпив еще по одному рогу во имя покровителя путников св. Георгия-победоносца, гости догоняют шафера с невестой. Невесту, кроме

друзков, сопровождает какая-нибудь пожилая родственница или ее *кавдасард*, чтобы прислуживать ей в первое время.

Если невесту ведут мимо другого аула, то жители его, желая почтить «свадебный поезд», открывают пальбу из ружей. Приближаясь к своему аулу, дружки возвещают о себе выстрелами, на которые из аула отвечают более продолжительной и усиленной пальбой. С знакомым уже читателю возгласом шафер вводит молодую в новую семью. *Хадзар* тем временем уже полон народом. Шафер с известными уже приемами обводит три раза вокруг очага молодую, потом подводит ее к свекрови; молодая низко кланяется и смазывает маслом чувяки старухи, которая, в свою очередь, посыпает ей поверх сукна голову порошком солода. Делается это в знак безграничной покорности со стороны молодой и в знак пожелания сладкой жизни со стороны свекрови. По окончании этого обряда молодую ставят в угол и дают ей взять в руки ребенка-мальчика, которому за это полагается особый подарок. Затем шафер уводит «сестру» в приготовленный для нее *уат*, в исключительно женское общество. Так же закрытая, безмолвная, стоит она в углу, на войлоке, и слушает несмолкаемый шум, говор и беззаботный смех своих новых родственников, подруг и соседок, не принимая участия ни в пляске, ни в разговорах, ни в шалостях своих однолеток. Шафер возвращается в *хадзар*. Все присутствующие, не исключая старух и стариков, становятся в круг, берутся под руки и начинают танец вокруг очага с песней и припевом «ой-алай», хлопаньем в ладоши и в доску. Пляшущие доходят до такого экстаза, что стреляют в потолок и всячески стараются выразить свою радость. Затем все, исключая молодежь,

занимают соответствующие возрасту места. Появляются столики, пироги, мясо, *арак*, пиво; между прочим и шесть пирогов, — три больших и три поменьше, — которые были принесены от тестя. Во время обеда парни силою приводят жениха и, втащив его в сени, посылают депутатов к старикам с требованием выкупа за пленника; им высылают порцию *арак*'а и съедобного; освобожденный жених убегает к шаферу.

Вечером шафер снова вводит молодую в *хадзар*; к головному убору присоединяется еще кусок коленкора между сукном и платком; шафер снимает красное сукно и передает его свекрови, затем обнаженной шашкой снимает коленкор и вешает его в углу, где висят такие же куски коленкора от прежних свадеб. С этой вешалки его уже не снимает никто никогда. После этого шафер опять уводит свою «сестру» в ее помещение, где она остается до ужина. Во время ужина она уже не стоит в углу, а держится поодаль, как младшая в семье и не прислуживает. В эту же ночь, как осторожный вор, пробирается жених к своей брачной постели.

Семейная и общественная жизнь. Итак, перед нами 14-летняя женщина; вместо чуба у нее уже два локона; вместо шапочки платок, и повязан он так, что, кроме глаз и носа, ничего не видно. Никто не слышит ее голоса, никто не видит ее сидящей. Встает она раньше всех, везде подметет, уберет, всем прислуживает, ест наскоро и позже всех, ложится спать позже всех.

В продолжение двух месяцев она не показывается нигде в ауле. Первый выход ее носит праздничный характер. К ней собираются девушки и молодые

женщины, с которыми она отправляется по воду с небольшим деревянным ведерочком или с кувшином. На берегу шумящего горного потока они устраивают пляски, в которых молодая не принимает участия.

С этого дня она уже свободно исполняет все свои обязанности вне дома. На ее плечах все заботы о семье у домашнего очага, она должна всех обшить, напоить и накормить. Она полновластная хозяйка всех съестных продуктов и напитков. Мужчина почти гость в доме, он ей доставляет дрова, смотрит за скотиною и пр., но он, как гость, и ест плотнее, и ложится раньше, и встает позже; жена, пока не снимет обуви у мужа, никогда не ляжет спать.

Зато все работы вне домашнего очага почти всецело лежат на обязанности мужчины. Женщина помогает ему в доставке навоза на пашни и плетенок на сенокос; полоть и жать — это их общий труд. Исключая платья, женщина не имеет никакой собственности; ни от отца, ни от мужа ничто не переходит к ней по наследству. Она трудится ради того, чтобы ее кормили, одевали и по смерти похоронили в установленном обряде. Все это делает отец, пока она девушка, по выходе замуж это ложится на мужа, в случае его смерти — на детей, а если их нет, то опять на отца и братьев ее.

При разводе по вине жены отец ее возвращает весь *ирад* да еще в виде неустойки известное число коров; если же развод состоялся по вине мужа, то ему возвращается только часть *ирад*'а в размере от 54 до 126 коров. Дети безусловно принадлежат мужу, даже ребенок, родившийся в первый год после развода, отбирается мужем. Развод считается окон-

чательным только тогда, когда муж сделает выстрел из ружья и пригласит всех слышавших этот выстрел свидетелями. К счастью, такие случаи очень редки.

Овдовевшей женщине предоставляется следующий выбор: она могла всю жизнь оставаться вдовой и не покидать семью покойного мужа; могла сделаться женой его брата и, следовательно, опять оставаться в той же семье, могла, наконец, выйти опять замуж за другого, хотя *ирад* за вдову был гораздо меньше. На первое она соглашается, когда у нее были дети мужского пола. На второе, если брат мужа холостой или вдов; если же она выбирает последнее, то покидает дом родных мужа и расстается с детьми, которые признаются безусловной неотъемлемостью фамилии.

Матери, оставшейся жить с сыновьями, предоставляется на случай раздела полная свобода выбора любого из сыновей. Часть, которую сыновья выделяли на ее похороны, передавали выбранному ею брату, и тогда его нравственной обязанностью было кормить и одевать ее, а на случай смерти предать ее земле по установленному обряду.

Крайний недостаток земли, вызывая нескончаемую ожесточенную борьбу за существование, ставит в необходимость фамилию не раздроблять имущества по женской линии.

В случае раздела пайщиками были только братья; племянники, если отец их жив, не получали ничего, а если он умер и они хотят отделиться от дяди, то получают только один пай, хотя бы их было пятеро. *Хадзар*, одна пашня, один бык, одна корова и десять овец переходят по праву старшинства к старшему брату помимо пая; только юноша-племянник

получал некоторую долю в уплату калыма. Пока отец жив, сыновья его не смеют и мечтать о разделе. Вот почему в Осетии времен *особа* часто встречались семейства в двадцать пять — тридцать душ. Патриархальность была полнейшая, уважение к седине, покорность старшим и беспрекословное исполнение их воли — вот их основы семейной жизни.

«Лошадь, ружье и молодая жена требуют ухода», — гласит осетинская поговорка.

Если от молодой женщины вежливость требует уступать дорогу мужчине, вставать при его появлении и не садиться в его присутствии, то тем более от молодого осетина она требует того же по отношению к старшей, чем он, женщине. Если появление старика везде и всюду поднимает на ноги сидящую толпу, то тем более эта толпа обязана встать при виде старухи. До каких бы пределов ни дошло опьянение пирующих мужчин, как бы развязно ни вела себя компания молодежи, как бы сильно ни было ожесточение ссорящихся, дерущихся и сражающихся, — одно появление женщины обуздывает буянов, останавливает и прекращает кровопролитие. Двусмысленное слово в присутствии женщин, неосторожное движение во время танцев, непристойная развязность с девушкой вооружают против провинившегося всю молодежь. Если удастся убийце прокрасться к матери убитого и надеть на себя ее платок, тогда уж никто из родственников покойного не имеет права мстить ему — он признан братом им же убитого. В осетинском народном праве времен *особа* даже не было предусмотрено похищение девушки и изнасилование.

Женщина пользуется большим почетом, чем мужчина; если они вдвоём идут рядом, то женщина идет

справа; если с нею двое мужчин, то она идет между ними. У всех северокавказских туземцев место, которое в этом случае занимает женщина, принадлежит, как самое почетное, старшему из них.

Всякий осетин и вообще горец, не нарушая правил гостеприимства, принимает путешественника очень любезно и по мере сил и возможности сделает все, чтобы только угодить ему. Но вместе с тем он всячески старается, чтобы никто не заглянул в сферу его семейного и общественного быта.

«Гость — божий гость», — говорят осетины. И действительно, при наших путях сообщения и всеместном разбое попасть из одного ущелья в другое — равносильно явлению с небес.

Когда вы идете по аулу, сидящий встает при вашем приближении, говорящий замолкает, занятый работой бросает ее, чтобы приветствовать вас, точно старого знакомого. Перед домом, в который вы получили приглашение войти, встречает вас старейший член семьи и вводит вас в *уазагдон*.

Поверия. Кажется, ничто так сильно не укоренилось в понятиях осетина, как вера в загробную жизнь... Но какова эта вера? «Неужели, — говорит осетин, — и тот, который летом не имеет бурки, а зимою — шубы, тоже причислен к загробной жизни?»

Зындон (ад) страшен, как изобилующий ужасными наказаниями. У входа в ад привязана к цепи сука, у которой из живота лают щенки, так как она занималась кражей, кусалась исподтишка и никому в ауле не давала покоя. Тут же муж и жена лежат рядом на громадной воловьей коже и накрыты такой же величины другой воловьей кожей; муж с руганью тянет кожу к себе, жена с такой же бранью тянет

к себе, и оба никак не могут укрыться,— они всю жизнь ссорились и дрались, не давая соседям покоя. Далее стоит в сторонке женщина с повязкой на шее из змеиной кожи, а на голове кожа лягушки,— она в период траура тайком ела скоромное и тем обманывала своих покойников. Далее из скалы сыплется щебень — это женщина зашивает трещины скал за то, что она для своего мужа шила плохо, всегда на живую нитку, а своему любовнику шила старательно. Далее лежит женщина навзничь и на груди ее два огромных жернова мелют кремневые камни — за то, что она, заведя мельницей, из чужих мешков воровала муку. Далее женщина в огромный, как гора, чан, сливает из кадушек молоко, которое с шумом водопада несется в чан, но не наполняет его,— в наказание за скаредную жизнь этой женщины. Далее мужчина из глубокого каменистого рва тащит вверх камни и не может донести ни одного,— такое наказание он несет за то, что с соседями своими, измеряя участки пашни, себе отмерял больше, чем другим. Затем на зеленом лугу два быка щиплют усы и бороду мужчине за то, что он, при совместной работе с соседом, своим быкам клал отборное сено, а соседским — бурьян. Дальше открывается море, посредине которого голый островок; лезвие ножа служит мостом к островку; на острове видна скорлупа вороньего яйца, которая служит жилищем грешнику; с игольное ушко отверстие в скорлупе служит дверью ему, он жил на земле замкнуто, ни одного гостя не принял за всю свою жизнь, ненавидел людей, истязал семью и выгнал жену с детьми из дому. Еще далее из льда торчит голова молодого человека, который часто ходил к жене своего приятеля. Затем виден ледяной замок, в нем на ледяных креслах сидят

три старика, перед ними ледяной стол, в руке каждого ледяная палка; каждого бреют ледяной бритвой за то, что люди им доверяли решать свои дела, а они все решали вкривь и вкось. Дальше начинаются картины райского преддверья. Здесь муж и жена лежат рядышком, под ними заячья кожа, и накрылись они тоже заячьей кожей: на них это хватает с изилишком, они всю свою жизнь провели в любви и мире.

Далее опять замок, но только серебряный, сидят в нем на трех серебряных креслах три старца с длинными белыми бородами, и у каждого в руке серебряная палка; говорят они все о правде, — эти на земле были тоже судьями, но правдивыми, добрыми и честными. Дальше уже виднеются золотые ворота рая, где все благоденствуют.

Когда мать оплакивает умершего ребенка, она называет его сиротой и советует ему избегать встречи с такими-то (называет имена умерших детей), так как они побьют его гибкой хворостиной... «Ты пооди тогда к такому-то (называет какого-нибудь родственника), и он тебя защитит от злых детей»...

Отношение к больному. Весть о заболевании не только взрослого, но и ребенка собирает из дальних аулов охотников навестить больного. Никакая заразительная болезнь не может остановить посетителей. «Помимо воли божьей никто не заболеет и не умрет».

Тяжелобольного знакомые и родственники не оставляют ни днем, ни ночью. По ночам дежурит главным образом молодежь. Чтобы отвлечь больного от мысли о болезни, они стараются быть веселыми, рассказывают сказки, играют на осетинском *фан-*

дыр — небольшой двенадцатиструнной арфе, и под аккомпанемент распевают легенды о нартах, даредзанах и других мифических героях.

Любопытство женщин проявляется даже в последние минуты умирающего. Они расспрашивают его о покойниках, — не видит ли он того-то? что делает такой-то? не голодает ли? кто его окружает? и т. д. Такими вопросами они настраивают воображение больного до такой степени, что он начинает отвечать им.

Оплакивая покойника, к нему иногда обращаются с проклятием, — *судзга фабадай* (сидеть бы тебе в огне), — за то, что он покинул малолетних детей, оставил несчастных стариков без потомства и т. д. В случае смерти оповещаются все соседние аулы, стекаются тысячи готовых разделить горе и скорбь безутешных родственников. Но и здесь осетинский этикет не остается бездействующим. При всем своем несчастье отец не должен оплакивать своих детей, муж — жену.

Похороны. После омовения покойника с головы до ног его одевают во все новое; платье ему начинают шить, как только безнадежность больного становится очевидной. Гробы вошли здесь в употребление недавно.

До дня похорон покойник оставался на скамье в *хадзар'е*; его окружали исключительно женщины. По мере скопления народа, все должно делаться в установленном порядке. Женщины становятся вереницей около покойника и в такт бьют себя по щекам, приговаривая: «*да-дай, да-дай!*» Затем одна из женщин нараспев приговаривает, а все другие отвечают ей хныканьем и истерическим плачем.

Мужчины собираются на дворе и также имеют свой установленный порядок для выражения скорби. Они попарно приближаются к *хадзар*'у с изготовленными для этого обряда плетями и, переступив через порог, бьют себя этими плетями через голову по голой шее. Выходя, они передают плети другой паре и т. д. Малоознакомые с домом покойного выражают свое соболезнование более просто, — с опущенной головой и руками они тихо вступают во двор покойника и, простояв с минуту неподвижно, делают левой рукой печальное приветствие. Их благодарят, и они примыкают к общей массе.

Похороны происходят на вторые сутки, а если они сопровождаются поминками, то на третьи и даже четвертые. Во все время около покойника не прекращается плач женщин, а во дворе не уменьшается численность мужчин. Утренние посетители сменяют бодрствовавших всю ночь. Какая бы рабочая пора ни была, при вести о покойнике каждый считает своей обязанностью бросить работу и отдать последний долг отходящему, а иногда и отъезжающему в загробный мир; последнее выражение употребляется, когда покойника провожают на кладбище с оседланной лошадью, с заряженным ружьем, шашкой, кинжалом и пистолетом.

Вынос тела происходит всегда до захода солнца. Несут его на носилках четыре, а иногда и шесть человек на плечах; за ними ведут лошадь, увешанную оружием; затем идут мужчины и в некотором отдалении от них женщины. По дороге к кладбищу на более просторном месте процессия останавливается для литии. Едва успевают опустить носилки на землю, как вереница женщин уже принимается опять за хлопанье себя по щекам, мужчины тоже

вновь проделывают попарно битье плетью своих шей. Более близкие родственники здесь же обрезают себе косы и кладут их рядом с покойником. Здесь же раздаются всем желающим носить траур женщинам куски черной материи.

Затем из толпы выступал старик и с рогом *арак'*а произносил напутственное слово. По окончании всех этих обрядов покойного уносят на кладбище. Если он был жертвой убийства, то его провожают залпами выстрелов, в противном случае производят только один выстрел из его ружья. На кладбище его уже никто не провожает; несколько носильщиков доносят его до кладбища и опускают в семейный склеп. Кладбища обыкновенно находятся далеко от аулов. В некоторых аулах зимою положительно нельзя добраться до кладбища, и покойники до весны остаются в аулах зарытыми в солому. Все работы, необходимые для предания земле покойного, исполняются безвозмездно.

Надевая траур, женщина отказывается от скоромной пищи; постится она, смотря по степени родства с покойником, от одной недели до 12 месяцев. Поминки устраиваются довольно часто и настолько роскошно, что иногда приводят к разорению. Зарезать, например, в один день до 30 голов рогатого скота, до 150 баранов, сварить 500 ведер пива и до 100 ведер *арак'*а, испечь до 3000 пшеничных хлебов было нелегко в Нарской котловине. Однако некоторые фамилии не задумывались над этим.

Обычное право. Кому приходилось следить за практикой кавказских окружных судов, тот не мог не обратить внимание на своеобразность уголовных процессов; где участниками являются наши туземцы, и в частности осетины.

Судится убийца, который никогда ни в чем предосудительном не был замечен.

— Вы признаете себя виновным? — спрашивают его через переводчика.

— Я убил, но я не виноват, — отвечает он переводчику, который передает его слова так: «да, признаю».

— За что же вы убили, положим, Муссу Гадоева?

— Его нива находится около нашего *хадзар*'а; каменная ограда ее в одном месте развалилась, мы ему каждый день советовали починить свой забор, иначе наша коза или теленок по недосмотру заберется на его ниву. «Хорошо, — говорил он, — завтра починю». На другой день мы опять напоминали, а он — все завтра да завтра. Так прошло две недели, — мы просто измучились караулить своих телят. Однажды из нас никого не было дома, оставалась только старуха мать и дети. Пока она доила коров, дети не сумели удержать коз, и две из них забрались на ниву. Мусса в это время возвращался с работы мимо нашего дома; он заметил коз и стал бранить покойников того, кому принадлежат эти козы. Мать, выгоняя коз, объяснила ему, что козы наши и что так ругаться нехорошо. Но Мусса продолжал ругаться; мать ушла, чтобы его не слышать... В это время я пришел с работы; когда на мое приветствие он мне ответил той же руганью, тогда и я обругал его... Он был сильнее, и если бы со мной не было кинжала, то он убил бы меня вилами.

Я нарочно обратил внимание читателя на этот, очень часто повторяющийся ответ убийц в кавказских судах, который совершенно ускользает из вни-

мания суда, а иногда вовсе не передается переводчиком.

Все дело в том, что мы не можем смотреть на покойников, на загробную жизнь с осетинской точки зрения и сотни убийств объясняем врожденной кровожадностью. Нет, это не кровожадность, а долг, по которому осетин скорее согласится умереть или убить, чем отдать на поругание покойников.

Убить и умереть для осетина времен *особа* были синонимы; убивая сегодня, он знал, что сам тоже будет убит, если не завтра, то послезавтра или через неделю. Прежде чем оплакивать убитого, осетины оплакивают убийцу.

Воровство считается ремеслом очень позорным, да и воровать не имеет смысла: утварь и оружие охраняются зорко; украсть хлеб — святотатство; украсть лошадь не стоит, так как трудно сбыть ее; редкие случаи воровства мелкой и крупной скотины для пищи всегда раскрываются очень просто: потерпевший запугивает подозреваемого каким-либо святым и получает украденное добро или прибегает к следующему способу обнаружить вора: в поминальный день, на третьей неделе великого поста, когда бывает особенно большое стечение народа, потерпевший является на сборище с кошкой или собакой и громко заявляет: эту собаку я сейчас зарезу в поминование покойников того, кто украл у меня телка и кто, зная вора, не укажет его. «Не делай этого, — отзывается тогда виновный, — не пропадет твое добро», — и действительно, не пропадает — виновный выплачивает стоимость украденного. Таким образом, воровство было почти займом без предварительного соглашения заимодавца: «долг» этот выплачивался.

Во время *особа* ограбление осетина осетином даже

не было предусмотрено обычным правом. Но делать набеги за перевалы и грабить инородцев ставилось в заслугу. Потрава сена и хлеба вознаграждалась таким же количеством сена и хлеба. Простое нарушение общественной тишины и порядка, попросту — драка без поранения оканчивалась примирением; виновный должен был пригласить обиженного с несколькими друзьями и угостить их. Самый обширный отдел в обычном праве осетин занимают поранения и убийства. Всякое поранение, имевшее последствием членовредительство, подводилось под строго определенный параграф.

1. Поранение головы с повреждением черепа ценилось в 18 коров.

2. Рана, простиравшаяся до лба настолько, что шапкой нельзя было прикрыть шрама, — 18+9 коров. (У осетин 18 коров представляли из себя нечто вроде единицы меры).

3. За повреждение большого пальца платили 9 коров, за указательный — 6 коров, за средний — 5 коров, за безымянный — 4, за мизинец — 3. За повреждение правой ноги — 15—18, смотря по степени повреждения; за левую — 15. Помимо этого, виновный должен был лечить больного на свой счет, а по выздоровлении его должен был устроить угощение (*фынг*). Размеры расходов на это угощение тоже строго определялись посредниками, хотя излишек щедрости не возбранялся.

К сожалению, драка и поранения не всегда оканчивались примирением. Потерпевший мог быть слишком злопамятным и не всегда соглашался на примирение, а хотел во что бы то ни стало выместить обиду. Такое злопамятство нередко было причиной убийства.

Отмстить за кровь, или, как говорят осетины, взять свою кровь вовсе не значит убить самого убийцу, который мог быть хромым, косым, горбатым или старым; нужна жертва если не бóльшая, то по крайней мере равная ее потере. Вот почему вся фамилия такого убийцы попадала в осадное положение, и если противники были сильнее, то без вины виноватые никуда не показывались, пашни и сенокосы их оставались невспаханными и нескошенными; хлеб, если он еще был на корню, выкашивался или вытаптывался, скотина их падала под выстрелами и ударами шашки. Осажденные очень часто из амбразур башни наблюдали за проделками своих врагов, и если они приближались на ружейный выстрел, то их обстреливали. Вот на такие-то черные дни и нужны были друзья, которые уводили на хранение и прокорм скотину, доканчивали полевые работы и даже снабжали осажденных съестными припасами. Но еще больше были полезны женщины, которые, не подвергаясь мести, работали за себя и за мужей, были по ночам сторожами, обходя даже пашни и мельницы. Женщина вообще была якорем спасения как для своих, так и для посторонних. В ее присутствии убийца мог не бояться за свою жизнь.

Бывали случаи, что враги, с вечера засев где-нибудь поблизости, с рассветом шли штурмом на аул. Осажденные делали вылазку, и перестрелка завершалась рукопашной схваткой. В этой отчаянной игре страстей женщина в трауре была настоящим талисманом, — стоило ей только в самый разгар кровопролития войти в толпу ожесточенных врагов, как все расступались, вкладывали окровавленные шашки в ножны и расходились.

Для окончательного прекращения вражды врагам предлагали свои услуги в качестве посредников представители двух других сильных фамилий, для того чтобы достигнуть перемирия ввиду похода в Грузию, для разгромления какого-нибудь княжеского поместья или наступления полевых работ.

На случай нарушения договора о перемирии поручители должны были выдать лучшего из своей фамилии тем, за неприкосновенность которых они ручались, — в противном случае потерпевшие имели право зарезать собаку на их фамильном склене. С какого бы дня ни начиналась порука, она оканчивалась всегда в вокресенье вечером. Когда срок оканчивался и когда последние лучи солнца достигали горных вершин, приходили поручители и говорили своим доверителям: «Смотрите, солнце зашло», то есть срок поруки окончился. Однако наши предки этим не удовлетворялись и очень часто достигали окончательного мира.

За неумышленное убийство убийца отвечал так же, как за предумышленное.

Если преступление было совершено чужим оружием, то владелец оружия отвечал уплатою 18 коров.

Если ружье, которым было совершено преступление, было заряжено одной пулей, то мститель не имел права зарядить ружье двумя пулями, иначе он отвечал также 18 коровами. Истязание не имело места, — средства кровомщения не должны были превышать жестокости первого убийства; не исполнившие этого отвечали во время примирения соответственным числом коров.

Убийство женщины никогда не наблюдалось,

хотя оно могло быть, благодаря шальной пуле во время перестрелки. За нее не мстили, потому что сам убийца делался мучеником такого непредвиденного несчастья. Кровь женщины оценивалась в 18+9 коров, которые делились между мужем и ближайшим родственником ее по рождению. За мальчика мстили как за взрослого мужчину, за девочку платили как за женщину. «Взять свою кровь» было обязанностью до того священной, что выполнение ее сопровождалось празднеством.

Примирение кровников. Старики выдающихся фамилий, игравшие как в семейном, так и в общественном быту первенствующую роль, заменяли осетинам высшее судебное учреждение. Предварительно убедив врагов заключить перемирие, старики усиленно старались уговорить согласиться на окончательное примирение. Получив согласие, они назначали день, в который весь мужской персонал враждующих должен был явиться на переговоры. Обе фамилии являлись вооруженными и занимали назначенные им пункты на расстоянии $1/2$ — $1/4$ версты одна от другой. Начинались переговоры, во время которых должен был выясниться состав присяжных. Лицо, не пользовавшееся полным доверием обеих сторон, не могло участвовать в составе присяжных. Число последних зависело от сложности дела: обыкновенно их было от шести до восьми человек; помимо них истцу предоставлялось право выбора еще одного судьи. Главное затруднение было в выборе членов присяжного суда, а самое судопроизводство не составляло особенных затруднений, благодаря точности требований осетинского обычного права. Надо было только точно подвести итоги причиненных враждовавшими друг другу повреждений и убыт-

ков. Самая кровь имела строго определенную ценность.

Кровь наиболее почетных фамилий ценилась 18+22 коровы.

Кровь влиятельных фамилий ценилась в 18+20, *фарсаг* — 18+15; для *кавдасард*'а не было установлено никакой ценности, да и убить его никому не было охоты.

Уплату потерпевшему вышеприведенной пени считали недостаточной — надо было враждовавших, насколько возможно, гарантировать от столкновений и на будущее время. Для этого старались породнить их посредством брака, выдав ближайшую родственницу убийцы за такого же родственника убитого. Если это удавалось, то для *ирад*'а с оценки крови скидывали 18+2 коровы. Остальная ценность крови распределялась между убийцей и его родственниками так: самые отдаленные родственники уплачивали 15 коров; более близкие — 18 коров. Все остальное распределялось поровну. Нетрудно понять целесообразность такой круговой ответственности.

Убийцами в большинстве были молодые люди, но их зависимость от старших была настолько сильна, что они почти никогда не совершали преступления без ведома старших и без семейного совета всех родственников. Вот почему за их «шалости» отвечали три поколения как соучастники, а две родственные ветви как оказавшие им содействие.

Уплата штрафа за убийство распределялась следующим образом: одна треть — скотиной, другая — оружием, третья — медными котлами. Оценка всего имущества предоставлялась тем же присяжным.

Вещь, побывавшая в уплате крови, шла по прежней цене. Рассрочка устанавливалась на срок от одного до полутора годов с определенными промежутками и строго установленными размерами взноса.

Когда оставалось выплатить только 18 или даже 9 коров, словом, приближался окончательный срок «погашения штрафа», убийца приступал к приготовлению большого *фынг*'а: варил пиво в котле, резал быка, пять баранов, гнал соответственное количество *арак*'а и пек потребное число пшеничных хлебов.

Собирались все лучшие представители враждовавших фамилий. Наиболее почетные места занимают присяжные. Место председателя занято старейшим из фамилии убийцы, дальние родственники стоят и прислуживают. Убийцы нет в *хадзар*'е. Голод и жажда утолены, разговор оживился. В *хадзар* входит молодой человек, держа обеими руками над головой турий рог, прикрытый куском шелковой материи, локтей десять длиною. Все встают, водворяется глубое молчание. Вошедший — убийца, он останавливается против ближайшего родственника своей жертвы и с волнением говорит приблизительно следующее: «Прости мне... я поступил необдуманно... одной рукой я отрубил себе другую... я сознаю свою вину, но сделанного не вернешь, а потому прости мне... не отворачивайся от меня... говори со мной... считай меня преданным другом, — я оправдаю твое доверие» и т. д. С этими словами он передает ему турий рог.

«Да простит тебе бог, — отвечает тот, принимая от него «тура», — а я тебе прощаю в присутствии вот этих свидетелей; никакого зла я тебе причинять

не буду. Перед богом и людьми с сегодняшнего дня ты мой друг». Затем, передав материю соседу и сделав несколько глотков из рога, наполненного пивом, он передает его гостям. Затем начинаются тосты, и мир заключен.

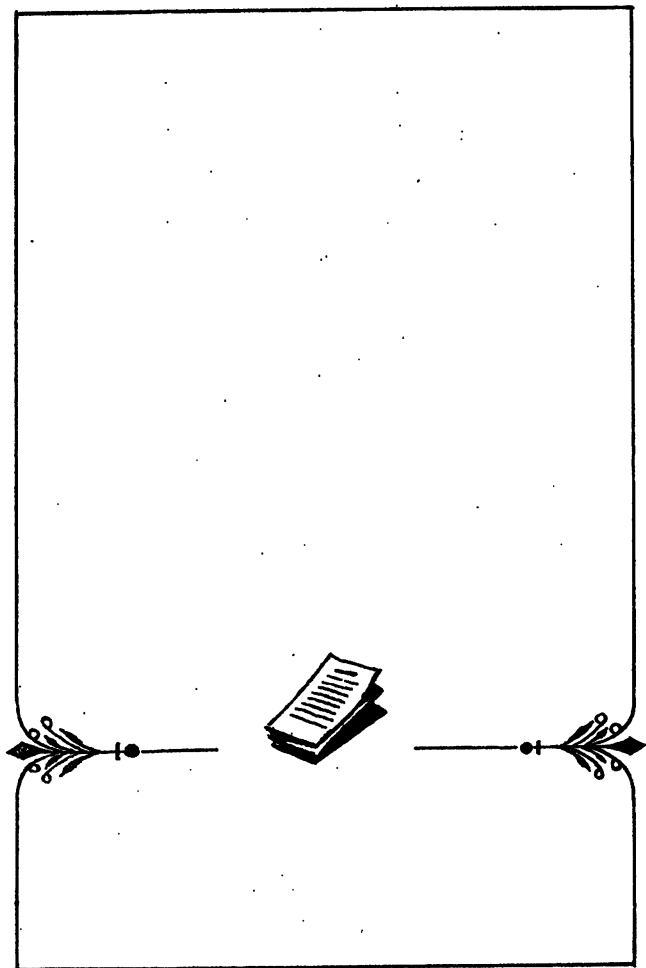
1891—1902

СТАТЬИ

**ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ
«СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ»**

Милостивый государь г. редактор!

Не откажите поместить в Вашей уважаемой газете нижеследующее:

Всем, кто сколько-нибудь интересуется деятелями Кавказа, приходилось немало слышать и читать о печальной участи грузинского писателя Александра Казбека. Однако всякий, кто сколько-нибудь знаком с фамильными связями этого действительно несчастного народного певца, не мог не сомневаться в справедливости всего сообщаемого о нем. Ввиду этого я и беру на себя смелость обратиться с покорнейшей просьбой к ближайшим родственникам Сандро Мцeralи опровергнуть или подтвердить печатно последние известия о нем в № 94 «Тифлисского листка», где в статье «Две награды» говорится, что он (Александр Казбек), лишившись драгоценного дара божия, быть может, потому, что слишком много отдал своему народу, и, находясь в доме умалишенных, «в общей палате с другими сумасшедшими, питается, как последний бед-

няк, и не имеет даже такого насущного предмета, как чай, и такого ничтожного удовольствия, как папироска. Но и это положение он не может удержать за собою, — он не может платить больнице за свое содержание, и на днях его, как негодную вещь, выкидывают на улицу, благо помещательство его тихое и никому оно вреда не сделает».

Неужели А. Казбеку, — ему в то время, когда «его сочинения, облеченные в великолепные переплеты, читаются с наслаждением», и после того, как в блестящем доме его отца «многие и многие ели и пили, — выпала несомненная награда ходить по улице в рубище и умереть где-нибудь под забором с голода»?!

Покорнейше прошу г. г. редакторов и других кавказских изданий перепечатать это письмо. Примите и пр.

3 мая 1893 г.
г. Ставрополь

ВЛАДИКАВКАЗСКИЕ ПИСЬМА

В последнее время замечается необыкновенное движение умов туземной интеллигенции Терской области. На страницах «Терских ведомостей», «Казбека» и даже «Нового обозрения» то и дело отмечаются «отрадные» факты текущей туземной жизни, а то даже печатаются целые трактаты об «отрадном движении», «переходном состоянии», «письменности» и тому подобных явлениях и факторах в современной истории туземцев. Наибольшее место отводится иронам (осетинам).

Каждый сколько-нибудь грамотный, владеющий русским языком ирон, во что бы то ни стало, ста-

рается высказать печатно то, что ему пришло в голову по тому или другому общественному вопросу. Проводником этих «трезвых» взглядов «передовых» туземцев являются главным образом «Терские ведомости».

Начнем хотя бы с калыма. Калым по-осетински *ирад*, что равносильно слову *ирон агъдау*, т. е. присвоенный осетину обычай — обычай, как надо полагать, имеющий свою историю. А что начало этой истории не продукт недавнего прошлого, то видно из слов Евгения Маркова: «Это народ, — говорит он, — такого широкого и притом древнего эпоса, подобный которому трудно встретить».

«Нарты, — по словам барона Услара, — служат у осетин и кабардинцев героями песен и сказок», и «песнь о нартах», — замечает доктор Пфафф, — осетин слушает до сих пор с таким же благоговением, как мы — Евангелие». Все отрицательные и положительные стороны этого эпоса, нет сомнения, глубоко вкоренились в народную жизнь, и изменить их не так легко, как думают многие. Одним росчерком пера и даже вымогательством общественных приговоров нельзя уничтожить того, что создавалось и поддерживалось веками.

«Всякий сверчок знай свой шесток» — вот принцип, которым руководились ироны при спаривании своих детей. Ирад (калым) был мерилom качества крови. Раз установленный, его нельзя было изменять произвольно. Принимая за единицу ценности корову, размер его в одной фамилии был не больше 30, тогда как в других достигал 100 коров. Чтобы осетина заставить сознательно отрешиться от всего, что связано со словом ирад, надо воспитать его не только до отрицания сословной розни, но и до призна-

ния полнейшего равенства женщины и мужчины.

Неоднократно вымогались от осетинских обществ приговоры об уничтожении «постыдно-варварского калыма», «позорно-суеверного хист» (поминок) и т. п. «диких и разорительных обычаев», и все-таки дело кончалось тем, что беззаветно преданный своему евангелию *ирон* тайно исполнял все обычаи, а в случае обнаружения нарушения приговора привлекался к ответственности, отсиживал и окончательно разорялся непомерными штрафами.

Для сокращения расходов многие «передовые» осетины дошли даже до открытой проповеди уничтожения священнейшего и гуманнейшего кавказского обычая гостеприимства. Свадьба и похороны — это два торжества в земной юдоли, на которые у иронов предоставлен широкий доступ всем без различия положения, возраста и пола.

«Бывают случаи,— пишет в № 18-м «Терских ведомостей» какой-то С. Ф. А. из Черноярской станицы,— что в числе приглашенной публики явится несколько лиц, желающих на чужой счет выпить и закусить; таких лиц хозяин дома иногда угощает, а подчас гонит со двора, и, как уже было несколько случаев удаления неприглашенных гостей, то редко кто отваживается явиться на свадьбу без приглашения». «Дай бог,— заключает свою проповедь С. Ф. А.,— чтобы жители ст. Черноярской прониклись сознанием человечности и бросили бы все те обычаи, которые для них разорительны».

Из ст. Новоосетинской в № 45 тех же «Терских ведомостей» некий Иван Калеев также призывает бога, чтобы приговор от 3-го марта 1896 г. «об уничтожении калыма и разорительных поминок с этого времени не нарушали».

Ни время, ни место не позволяют перечислять всех подобного рода сообщений и тем более хронику нарушений этих «просветительных» приговоров, главным гнездом высиживания и фабрикации которых являются селения Ардон и Ольгинское.

Гаппо Баев в своей «Осетинской письменности», помещенной в «Казбеке», говоря, что «горцы Кавказа до сих пор еще лишены самого слабого светоча просвещения и поневоле пребывают во мраке первобытного невежества», замечает в своем «Отрадном движении» (№ 44, «Терские ведомости»), что «из всех горских племен Кавказа просвещение пустило наиболее глубокие корни среди осетин». Благодаря просветительной деятельности «Общества восстановления христианства на Кавказе», в Северной и Южной Осетии (почти на 200 тысяч душ) в настоящее время имеется около 30 сельских школ, в коих обучается 2500 детей обоего пола. «Казалось бы,— продолжает г-н Баев,— что за 30-летнее существование этих школ, при таком значительном, сравнительно, количестве учащихся, просвещение должно было глубоко проникнуть в народную массу. Но в действительности оказалось, что подавляющее большинство учащихся, по выходе из школы, все почти забывало, так как, с одной стороны, знания приобретались самые поверхностные, которые ни умственного, ни религиозно-нравственного развития давать не могли, с другой стороны — между школой и народом не было тесной непрерывной связи, этого необходимого условия просветительной деятельности всякой школы», и «эта связь до сих пор отсутствует» («Осетинская письменность»).

Рядом с этим тот же г. Баев в «Отрадном движении» говорит, что «с самого начала в этих школах

преподавателями являлись природные осетины-семинаристы, которые своим серьезным отношением дело насаждения цивилизации на родине поставили очень высоко в глазах народа»...

Чему верить? Если верно первое положение, то требовать от осетин сознательного уничтожения «ваварских и разорительных обычаев» равносильно обряжению китайца в европейский фрак; если же верно второе положение, то, душевно приветствуя его, нужно дать время, пока народ действительно проникнется «сознанием человечности» и перестанет «нарушать» приговоры обоих уничтожений. Тем более, что это время, кажется, не так далеко, так как потребность в просвещении проникает уже и в среду магометан. В Эльхоте школа существует уже с 80-х годов. Второй школой среди магометан-осетин является Беслановская. В настоящее время там же предполагается открыть и женскую школу, на что идут щедрые пожертвования со стороны самих же осетин. В 1895 г. открыта школа в сел. Карджин. В Заманкуле уже куплено здание для школы. В Зильга скоро приступят к постройке школы. В Шанаевском один из жителей уступает свое здание для школы.

Все это служит самой лучшей иллюстрацией народного движения вперед, и только этим путем, а не разорительными штрафами, можно достигнуть желанных результатов. До тех пор, пока в понятии ирона будет иметь место *алдар* (т. е. господин) и *кавдасард* (сын рабыни), до тех пор он не может представить себе другого мерила для сравнительной оценки качеств своих и своего соседа, как калым дочери и возмездие за кровь сына. А пока осетин глубоко верит, что каждый покойник на том свете

нуждается в пище и питье и что священная обязанность родственников покойного — доставлять им эти предметы потребления в установленном порядке и количестве, до тех пор невозможно сознательное уничтожение в народе «суеверных и разорительных» поминок. Добиваться же этого посредством штрафов и бессмысленно и жестоко, потому, во-первых, что это озлобляет фанатиков и заставляет их прибегать к тайному совершению обрядов, а во-вторых, изобличенных в нарушении приговора разоряет вдвойне. Это бесчеловечно тем более, что осетины больше, чем другие горцы, испытывают на себе тягость переходного состояния.

«Будучи еще в своей обычной среде,— пишет В. Н. Л. от 5 марта настоящего года в «Новом обозрении»,— со своими скромными потребностями, далекий от искушений, влияний, подражаний, он был бесконечно счастливее современного осетина, симпатичнее, добрее, благороднее».

«Вместе с началом заимствований, вмешательством новых экономических и политических отношений, начались и бедствия». Для доказательства этого взгляда автор проводит параллель между осетинами, дигорцами и отчасти чеченцами и ингушами, с одной стороны, и кабардинцами — с другой. «Всякий,— говорит он,— кто присмотрится внимательно к жизни осетин и кабардинцев, вынесет убеждение, что последние живут счастливее».

«На что ему (кабардинцу) деньги! Он в них не так нуждается, поэтому нет и причины ему бросаться из стороны в сторону и занимать ради них самые разнообразнейшие положения, которых он прежде стыдился бы. Можно смело сказать, что еще

никто не видел кабардинца-бедняка в роли трактирного служителя, полового, мальчика в грязной лавчонке еврея и в других сходных с этим положениях. Необходимо прибавить, что кабардинцы, в то же время, меньше других воруют». Кабардинец «за последнее время как-то особенно притих и желает, по-видимому, лишь одного, чтобы его оставили в покое».

И это, по мнению автора «Переходного состояния горцев Северного Кавказа», не «признак культурной слабости Кабарды», а «напротив, эта законодательница мод, задававшая тон всем другим племенам в отношении приличий, танцев, всяких правил общежития, гостеприимства и т. п. выработала у себя больше общественно-гражданских задатков для самостоятельной жизни, чем, например, Осетия».

Эти наблюдения заставляют еще больше задуматься над целесообразностью той агитации, какую ведут «передовые» осетины среди своего народа, да еще с помощью «Терских ведомостей».

Невольно припоминается басня о «Пустыннике».

1896

<ГОРОДСКИЕ НИМВРОДЫ...>

Городские *нимвроды*, по-видимому, никак не могут дожидаться того дня, с которого им разрешается по всем правилам искусства утолять свою жажду в крови. Иначе чем же объяснить то обстоятельство, что они, игнорируя закон об охоте, в настоящее время очень успешно истребляют «запрещенную дичь»?

К сожалению, еще ни один из этих нетерпеливых охотников не был привлечен к ответственности, как это наблюдается в Ростове и других городах. Винаваты, конечно, наши полевые сторожа (если они есть), что не могут изловить ни одного из нарушителей закона об охоте.

* * *

Если за охотниками на пернатых и зверей обязаны следить полевые сторожа, то за охотниками на приезжающих из сел в городские базары крестьян во всяком случае никто не следит. Между тем это положительно необходимо. Охотники этой категории — обыкновенно субъекты без определенных занятий, или, как они себя именуют, «комиссионеры». Их охота довольно оригинальна. В базарные дни, рано утром, они отправляются за город и у проезжих дорог поджидают крестьян, едущих с хлебом на городской базар. Едва только покажется воз, как «комиссионеры», точно голодное воронье, вмиг окружают его и начинают торговать у крестьянина хлеб, предлагая за него самую низкую цену, клянясь Христом-богом, что в городе цена на хлеб стоит еще ниже. Для того, чтобы крестьянин был сговорчивее, «комиссионер» угощает его водкой, которая всегда в достаточном количестве хранится у него в кармане. Пьяный крестьянин в большинстве случаев соглашается продать хлеб по цене, предложенной ему «комиссионером», который тут же вручает ему задаток и сопровождает его в город, к амбару своего хозяина; последний платит ему за комиссию по 8 коп. от четверти.

Впрочем, бывают и такие случаи, что «комис-

сионеры» различных фирм, окруживши крестьянский воз с хлебом, переругаются, а иногда передерутся между собой, а крестьянин между тем преспокойно приезжает в город и продает хлеб по более выгодной цене. К сожалению, такие случаи очень редки. Большею же частью охота на крестьян вполне удастся, и «комиссионеры» мало того, что обманывают их в цене, но еще обвешивают или обмеривают их при ссыпке хлеба в амбары.

* * *

Вслед за известными уже нашей публике «магами», «самогипнотизерами», «прорицателями» и всякого рода шарлатанами конца XIX столетия, обирающими невежественную публику, в Ставрополе стали появляться «проповедники» и собиратели пожертвований на построение «храмов божьих». Шатаясь по окраинам города со двора на двор, они дурачат большею частью женщин рассказами «о святом городе Ерусалиме», выманивая у них деньги и одежду, а при случае даже похищая что плохо лежит. Некоторые из этих проходимцев одеты в монашеские рясы и выдают себя за посланников Иоанна (Кронштадтского).

* * *

Избавиться от таких дешевых шарлатанов легко при желании полиции относиться к своим обязанностям не как к букве закона, а более серьезно.

Но как предохранить себя от шарлатанства врачей, без помощи которых не обходится современное расслабленное человечество?

На днях, например, один из практикующих здесь врачей, пользуясь у себя на дому молодую даму, после десятка визитов до того наглядно стал выражать свое увлечение пациенткой, что последняя, защищая долг супружеской верности и честь матери, вырвалась из рук эскулапа и, прибежав домой, рассказала обо всем мужу.

Называть имени героя мы не станем, потому что он сам, прочитав эти строки, отлично поймет всю гнусность своего поступка.

1896

<ТИХАЯ, МОНОТОННАЯ ЖИЗНЬ НАШЕГО СОННОГО ГОРОДА...>

Тихая, монотонная жизнь нашего сонного города, нарушена «докторским» инцидентом, о котором только у нас и разговора. В «Северном Кавказе» недавно была помещена такая заметка:

«На днях один из практикующих здесь врачей, пользуясь у себя на дому молодую даму, после десятка визитов до того наглядно стал выражать свое увлечение пациенткой, что последняя, защищая долг супружеской верности и честь матери, вырвалась из рук эскулапа и, прибежав домой, со слезами рассказала обо всем мужу. Называть имени героя мы не станем, потому что он сам, прочитав эти строки, отлично поймет гнусность своего поступка».

Эта заметка и всполошила всех докторов.

Корпорация докторов пристала к редакции «Северного Кавказа» — назовите, мол, фамилию врача, так как одна «паршивая овца» портит все наше стадо, а не то — в суд будем жаловаться. Редакция

не согласилась на это и свое несогласие мотивировала так.

Центром тяжести в этом нашем объяснении является соображение о том, что опубликование имени врача повлекло бы для него крайне тяжелые последствия. Да и вообще, говорили мы, название имени частного лица, которому приписывается деяние отрицательного характера, в огромном большинстве случаев не только не достигало бы цели, так как для видов нравственного воздействия важно не то, что на данное лицо будут указывать пальцами, как на заслужившее укор, а важно, чтоб оно само себя узнало в печатном изложении факта. Те же мотивы мы приводили и в письме на имя г. губернского врача, предложившего нам от имени всех врачей города Ставрополя вопрос о том, будет ли названо имя врача, если все его ставропольские товарищи дадут подписку в том, что не возбудят против редактора газеты преследования за диффамацию. В нашем ответе врачам мы подчеркнули не то, что, кроме статьи о диффамации, имеется еще статья о клевете, а то, что, во-первых название имени их товарища может повлечь за собой в высшей степени важные для него последствия и, во-вторых, что в данном случае вопрос идет не о выведении на свежую воду товарища, которому приписывается предосудительное поведение, а, так сказать, *pro domo sua*, т. е. ставропольские врачи, потребовавшие от нас наименования их товарища, хлопчут из таких побуждений, которые мало делают им чести: им нужно не столько прекращение на будущее время возможности повторения того, что с точки зрения не только общественной, но и общечеловеческой морали считается предосудительным, сколько гарантия того, чтоб инцидент не мог быть

отнесен на счет каждого из них. А вот о том-то г.г. врачи не подумали, что не дело какой бы то ни было газеты возбуждать судебное преследование против фактического виновника в каком-нибудь преступном деянии, не дело газеты быть доносчиком против данного лица; ее дело только указать публике на отрицательный факт, имеющий место в ее среде, и дать этому факту надлежащее определение с точки зрения разума и морали. Не подумали они также и о том, что требовать предания имени своего же товарища на всеобщее поругание из-за того только, чтобы приписываемый ему факт не был отнесен публикой на счет каждого из них, по меньшей мере, не великодушно, а если к этому присоединить еще и то, что название имени провинившегося врача повлечет за собою неминуемо и обнаружение имени той женщины, которой пришлось играть в инциденте роль потерпевшей, то требование г.г. врачей окажется не только не великодушным, но и прямо некрасивым.

Но врачи не удовольствовались этим объяснением и прислали редактору «Северного Кавказа» следующее открытое письмо:

«Ставропольский губернский врач обратился к вам, как это видно из его письма от 6 сего июля за № 054, с просьбой указать печатно фамилию того врача, о котором говорится в заметке, помещенной в № 53 редактируемой вами газеты, если он представит вам подписку всех наличных врачей города Ставрополя в том, что никто из них не возбудит против вас судебного преследования за диффамацию. В своем ответе на имя губернского врача вы отказались от его предложения, ссылаясь на существование статьи, трактующей о клевете. Из страха нести

законную ответственность за клевету вы решились оставить не снятым позорное пятно, наложенное на всех нас вышеназванной заметкой. Мало того, из вашего объяснения «pro domo sua», помещенного в № 55 «Северного Кавказа», видно, что мы и на будущее время не гарантированы от анонимных сообщений, позорящих честь всех врачей г. Ставрополя, почему мы, нижеподписавшиеся, по всестороннем обсуждении настоящего дела, признавая себя глубоко оскорбленными и оклеветанными, считаем себя вынужденными видоизменить свои отношения к вам. Подлинное подписали врачи: Соколовский, Бернارد, Соколов, Атлас, Зубрилин, Журавлев, Любомирский, Вейтко, Брусиловский, Никольский, Белоконь, Топорков и Мираков. С подлинным верно: и. д. губернского врача, доктор медицины Соколовский».

Так разрешила коллегия ставропольских врачей этот вопрос «о чести».

1896

ВЛАДИКАВКАЗСКИЕ ПИСЬМА

Всем известно, что на северо-восточной окраине Сибири существует остров Сахалин, как бы самой природой предназначенный для ссылки порочных и преступных членов общества. Рядом с этим никто, кажется, и не подозревает, что на северо-восточной окраине Кавказа имеется для той же цели остров Чечень. Одна между ними существенная разница: на остров Сахалин ссылаются осужденные по суду преступники со всех концов Российской империи, а на остров Чечень — только туземцы Тер-

ской области и исключительно только административным порядком.

Опубликованные 20 минувшего декабря временные меры об изменении узаконений административных властей тем, что «местные власти, убеждаясь в необходимости *удалить из подчиненной их ведению местности* порочное в том или другом отношении лицо, делают о том представление министру внутренних дел с подробным изложением мотивов, вызвавших его». Ввиду же того, что эти временные меры совершенно не касаются тех случаев, когда местные власти убеждаются не в том, что данное «порочное» лицо надо удалить из подчиненной их ведению местности, а лишь в том, что данное «порочное» лицо надо *переместить* из одного района в другой той же подчиненной их ведению местности, я и хочу сказать несколько слов об острове Чечень, служащем главным пунктом административных *перемещений* в Терской области.

Казалось бы, что такой категории лиц, порочность которых карается не *удалением*, а только перемещением, последнее должно служить не мерой строгого наказания, а только школой уравнивания и разумного применения умственных и физических сил перемещаемого. Казалось бы, что, лишая его вредного влияния известной среды, ему тем заботливее дают такую обстановку, где он быстро перевоспитается и сделается полезным членом общества. Но так ли это на самом деле применительно к тем, которых *перемещают* на остров Чечень?

Островок этот находится в Кизлярском отделе, в 90 верстах от Кизляра и в 23—25 верстах от материка. Окружность его не превышает 30 верст.

Почва песчаная, с большою примесью ракушек и с самой жалкой, какую только можно себе представить, растительностью. Климат убийственно лихорадочный; на всем острове нет и признаков пресной воды.

«Свободное» население острова составляют несколько десятков семейств российских крестьян и всякого сброда, существующих исключительно рыбным и тюленьим промыслом и всецело зависящих от арендатора вод. Кроме того, на острове имеют пребывание две сменные команды в несколько человек с смотрителями во главе; одна наблюдает за казенным маяком, а другая за войсковыми морскими водами.

В зимние месяцы остров совершенно отрезан от мира, и только с наступлением весны и с освобождением пролива от льдин восстанавливается с ним сообщение. Ведется оно исключительно средствами арендатора вод, от так называемого Конного Култука — места нахождения главной конторы рыбных промыслов. Вся провизия и вообще предметы потребления доставляются с материка.

Вот в какие палестины попадает туземец, отрываемый от дорогой ему родины, полной чарующих красот, с пышной растительностью, чистой, студеной водой и здоровым горным воздухом.

Перемещается он не за профессиональное воровство, грабежи, ростовщичество или неуживчивый, буйный характер, нет! Стоит аульному старшине, по тем или другим соображениям, донести по начальству, что он «бунтовщик», как его уже требуют в округ, сажают под арест, а затем без суда и следствия препровождают на остров, на срок от одного до четырех и более лет, смотря по степени проявления

самостоятельности. Перемещаемые обыкновенно натуры недюжинные, честные, правдивые и уважаемые обществом; чем их влияние на общество больше, тем они скорее попадают в немилость, и уже ни возраст, ни семейное их положение, ни коллективная просьба общества не спасают их от перемещения.

Казармы, выстроенные для них на острове, рассчитаны на 100 человек, но в них обыкновенно содержится до 150 и более. Жизнь, какую им приходится здесь вести, не поддается описанию. Лишенные на целую зиму воздуха, тепла и света, питаюсь круглый год самой отвратительной пищей, не имея глотка пресной воды, им никогда не позволяют отлучиться от казарм, не позволяют заниматься наряду с промысловыми рабочими рыбной и тюленевой охотой,— словом, лишают их всяческой возможности применения даже мышечной силы, не говоря уже о каком бы то ни было духовно-нравственном усовершенствовании.

В первый же месяц мощный и подвижный туземец бледнеет, осовывается, впадает в тупое равнодушие, заболевает злокачественной лихорадкой, которая, за полнейшим отсутствием даже самой элементарной медицинской помощи, с поразительной быстротой истощая организм, в несколько месяцев доводит его до полного разрушения; нет почти случая, чтобы кто-нибудь выдержал четырех- и даже трехгодичный курс этой школы перевоспитания туземцев. Вот почему *перемещаемых* на остров Чечень «беспокойных» туземцев есть полное основание назвать *«заживо погребенными»*.

За что же такая незаслуженная кара, за что так непроизводительно гибнут лучшие силы туземного

населения области? Для чего такое противоречие гуманным целям государства, которое стремится не к уничтожению входящих в состав его национальностей, а к их гармоничному развитию для общего их блага и долгоденствия? И что, наконец, сделала администрация для осуществления этой великой задачи?

Категорический ответ на этот вопрос мы, к величайшему удивлению, находим в «Терских ведомостях».

«Следует ни на минуту не упускать из виду,— говорит орган терской администрации в передовой статье № 71 от 23 июня,— доверчиво обращенного на нас восприимчивого взгляда здешнего туземца, жаждущего перенять от нас все доброе, хорошее по содержанию, а не по форме только, хотя последней многие бездарности отдают предпочтение... Между тем, если мы с этой точки зрения окинем цивилизаторскую деятельность наших предков, дедов и отцов, то, *положа руку на сердце, должны честно, беспристрастно сознаться во всеуслышание, что вообще немного, к сожалению, ими сделано в этом отношении*¹.

«Сокровища, скрытые в недрах Кавказа, требуют,— говорится в заключение статьи,— только разумно развитых и честных эксплуататоров, а не полуграмотных, черствых эгоистов, с ловкостью Лисы Патрикеевны удовлетворяющих лишь одним своим животным страстям и чисто индуктивным путем заражающих молодое восприимчивое туземное поколение тем же корыстным отношением к нашей многообещающей Родине. Ergo, probe laboremus!»

¹ Курсив наш. (Примеч. автора.)

И что мы видим после этого здесь же, на следующей странице того же номера? Некий Слобожанин (не наш ли старый знакомец, автор «Петербургских писем» и многих других, недостойных печати статей?) пишет из Воздвиженска: «Чтобы получить более пахоты, жители разделяют кустарники и, очищая землю, сеют на ней хлеб. Землю делят подушно, так что иному достается 7 душ, а работников один, да и тот не умеет копать корни, а потому он сдает свою землю чеченцам для разработки, а чистую им же опять продает под посев; всем известно, кто и что такое чеченцы и какие они соседи. Посеял я, положим, бахчу; рядом со мною чеченец; начинают арбузы улетать с бахчи; кустарник рядом у малодушного взял чеченец и чистит его, гляди тогда в оба и не забывай ничего в поле на полчаса, не то улетит: топор ли, веревка ли или что другое, траву вытравят быками, а потом еще и то неудобство: идешь ты по дороге между хлебами, навстречу попадается чеченец, спрашиваешь, зачем ты здесь ходишь, какая тебе здесь дорога? Он отвечает: «Тут наш барат взял у солдата пай чистить» (тут мой брат взял у жителя пай под расчистку). Оставляешь его в покое, придешь домой, слышишь вечером или на другой день, у такого-то украли лошадь; все через то, что напустили на свою землю чеченцев. Наконец, слобожане додумались, осенью 1895 года составили общественный приговор, *которым воспрещалось отдавать кустарники под расчистку чеченцам и продавать им землю.* Этот приговор пришелся не по сердцу одному слобожанину, как многодушному и не обрабатывающему своей земли, а отдающему большую часть надела чеченцам; он начинает пропа-

гандировать, что без чеченцев мы и хлеба есть не сумеем, что без них мы не обработаем своей земли, что приговор составлен нам же во вред. Он успел добиться своего,— продолжает автор, после доноса на энергичного и благоразумного слобожанина,— составлен недавно приговор, допускающий вновь отдавать и продавать землю чеченцам».

Во всяком случае Слобожанин не отчаивается и советует, чтобы его сограждане «прозрели и воспретили чеченцам разрабатывать свою землю; если же дозволить, то с тем, чтобы за всякую кражу, совершенную во время полевых работ, отвечали бы те чеченцы, которые находятся от места кражи ближе других. Право, образумьтесь, друзья,— в заключение восклицает автор,— и поймите, что вы не о пользе порадели, допустив чеченцев на свои поля, а больше во вред!»

Очевидно, Слобожанин всецело проникнут духом знаменитого приказа по Терской области от 15-го марта 1891 года за № 37, где, между прочим, совершенно запрещается проживание туземцев одной национальности в пределах поселения другой национальности, и главным образом, приказа, не особенно давно опубликованного по той же области, о запрещении туземцам ездить и останавливаться в стороне от дорог. Возможно ли практическое применение подобных требований? Чтобы увидеть, следует только развернуть Терский сборник, приложение к «Терскому календарю» на 1894 год.

Вот что мы читаем на 53 стр., в статье Е. Максимова. «По всей горной Чечне на дым в среднем приходится 3,43 десятины, а на мужскую душу — 1,23 десятины. В подсчет не включены земли не-

удобные, которые только в течение 3—4 месяцев, да и то не всегда, могут служить как пастбище для мелкого скота, т. е. для овец и коз. Если принять во внимание, что крестьяне Европейской России имели в 1878 году в среднем по 4,1 десятины на наличную душу мужского пола, что даже на душу обоего пола (на едока) в 147 уездах, в которых производились земские статистические исследования, приходилось около двух (1,95) десятин надела, то тогда станет понятным, как поразительно велико малоземелье горных чеченцев, имеющих в среднем около 1,23 десятины на наличную душу мужского пола. Землевладения же в размере 0,05 десятины, т. е. 120 кв. сажен, совсем не знает ни русский мужик, ни осетин, ни кабардинец, между тем как земельная собственность, исчисляемая в сотых долях, не составляет исключительно редкого явления в горной Чечне. Сравнивая затем подворное землевладение в России и в горной Чечне, находим, что у государственных крестьян на двор приходится в среднем 15 десятин, у помещичьих 9, а у чеченцев всего 3,43 десятины, т. е. почти в $2\frac{2}{3}$ раза меньше. При таком, можно сказать, вопиющем малоземелье качество земельных угодий в горах очень невысоко. Земли многих чеченцев раскиданы участками, которые, в свою очередь, расположены чересполосно, на значительное расстояние друг от друга, нередко лепясь по невероятным крутизнам и кручам, и имея в большинстве случаев тонкий слой почвы, нанесенный на участок иногда руками самого же владельца. Бывают случаи, часто ливень и град в горах не только уничтожают жатву, но и смывают всю почву участка, старательно накопленную в течение десятков лет».

В упомянутом выше № 71 «Терских ведомостей» некий Чермен Цаллагов, описывая такое же неприглядное земельное положение населения Алагиро-Мамисонского ущелья, ввиду слухов о предстоящем генеральном межевании гор, находит, что осетины должны просить подлежащее начальство, чтобы за ними, в память священного коронования, закрепили как собственность горные пахотные и сенокосные участки, которыми они бесспорно владеют с незапамятных времен, а остальные земли с пастбищами и лесом на них поступили бы в общее пользование всех жителей ущелья.

Ровно через три недели в № 80 тех же «Терских ведомостей» появляется передовица «Интересы горного дела на Кавказе» за подписью какого-то вновь испеченного публициста Ив. Булатова. Говоря откровенно, нам редко когда приходилось читать что-нибудь более возмутительное. Более «смелого» жонглирования ни на чем не основанными фразами трудно представить тому, кто хоть сколько-нибудь знаком с элементарными понятиями о нравственном и юридическом праве.

Вполне соглашаясь с г. Цаллаговым в изображении как самой природы горной Осетии, так и способов борьбы горца с стихийными явлениями, находя, что автор статьи «не погрешил ни на йоту против истины», г. Булатов говорит, что «единственным логическим выводом из такого печального положения вещей должна вытекать мысль о том, что данная местность совершенно непригодна¹ для целей земледелия».

А дальше что же? Что должен делать осетин,

¹ Курсив все время его. (Примеч. автора.)

исходя из этого единственного логического вывода? Г-н Булатов ставит «sic»! в передаче слов г-на Цаллагова, что целый ряд поколений сотни лет должен был упорно работать над тем, чтобы очистить кое-какие клочки земли от камней. Рьяный защитник горного дела на Кавказе никак не хочет понять, что «общественные угодья и пастбища, которые самой природой очерчены резкою пограничною (не с Турцией и с Персией, конечно, а с другими горными обществами и народностями Кавказа) линиею течением горных рек и вершинами горных хребтов», а тем более земли, которые являются «результатом упорного труда не одного поколения», бесспорно, по всем нравственным и юридическим правам, должны принадлежать горцам, потому что они действительно владели ими с незапамятных времен. В том, чтобы, ввиду генерального межевания гор, просить подлежащее начальство закрепить за горцами исторически принадлежащую им собственность, г. Булатов видит даже покушение на государственную и общемировую культуру и под ярким знаменем защиты ее интересов начинает свое поразительное жонглирование. «Положим, — говорит он, — если обратиться к свидетельству истории, то эти *незапамятные* времена, окажется, берут свое начало лишь с момента занятия Кавказа русскими, так как: *в былые годы, в сумраке веков* почтенные осетины не только не владели *бесспорно* горными теснинами Кавказа, вплоть до естественных границ его на Арарате, но и в двух шагах от сакель не всегда свой нос показывать дерзали». Можно ли более беззастенчиво клеветать на историю и извратить мысль г-на Цаллагова?

Последний, во-первых, ни одним словом не обмолвился о том, что осетины владели «горными теснинами Кавказа вплоть до Арарата» и не доходил до такого сумасшествия, чтобы рекомендовать осетинам хлопотать о закреплении за ними всей горной полосы Кавказа — от Бештау до Арарата и от Черного до Каспийского морей; во-вторых, надо быть окончательным профаном, чтобы заявлять, что на Кавказе история землевладения берет свое начало лишь с момента занятия Кавказа русскими и что до прихода последних осетины «и в двух шагах от сакель не всегда свой нос показывать дерзали»...

Осетины на Кавказе никогда не служили враждебным элементом для русских, а в настоящее время верноподданнические их чувства не подлежат ни малейшему сомнению, но это, конечно, может не помешать г.г. Булатовым рекомендовать управлению государственных имуществ завершить свою деятельность на Кавказе конфискацией земель неповинных горцев.

Но справедливо ли это? — вот вопрос.

Что мешает горнопромышленникам, истинным пионерам, а не искателям приключений, заниматься своим благородным промыслом на землях, арендуемых у обществ? Чем лучше было положение Садонского казенного рудника и Алагирского серебро-свинцового завода в сравнении с тем, что переживает общество «Эльбрус» в Карачае? 17 тысяч аренды, которую общество «Эльбрус» дает карачаевцам, служат для первых громадной поддержкой в отправлении своих повинностей, а для второго это капля в море, «потому только что на одну свою администрацию то же общество расходует 51 ты-

сячу, и борется оно, по словам того ж г-на Булатова, не с дикостью и невежественностью «двух с половиной» аулов карачаевцев, которые, к чести своей, отстаивали свои права, а «с равнодушием публики».

Что мешает тем же предприимчивым инженерам и г.г. Булатовым «прорезать проволокою подвесных дорог, огласить звуком веселого труда и лязгом заводских машин полные заманчивой прелести для горнопромышленников заоблачные выси, утесы и бездонные пропасти и дать миллионы заработка местному населению и миллиарды драгоценностей государству». Не эти ли «несколько очумевших от голода бараньих стад и горсть незрелого ячменя», от которых зависит «проблематическое, впроголодь, существование двух-трех тысяч невежественных (по словам г. Булатова, а не Цаллагова) горцев?»

Что стоит будущим предпринимателям с миллионными оборотами вывести из такого проблематического существования этих несчастных собственников горных трущоб, уделяя им в виде аренды небольшие крохи из своих миллионов?

Что стоит тому, «кто истинно любит это трезвое, ласковое, трудолюбивое население горцев-осетин, как полюбил его я» (г. Булатов!), так же как он, основать «в их беспросветной глуши источник заработка и дисциплинирующего труда» и, вместо «поливания своим потом камней ради сомнительной, убогой жатвы», дать ему возможность «в два месяца, при 8-часовом рабочем дне, зарабатывать без всякого риска больше, чем он зарабатывает в течение круглого года на своих заоблачных плешинах»?

Зачем, наконец, 201 статью горного устава на-

зывать лазейкой, когда она прямо требует компенсации поселян соответствующим отводом казенной земли и когда для применения этой меры вовсе не требуется извращать мысль г. Цаллагова и вытягивать «пастушьи» права осетин до Арарата, Парижа и Сен-дени, а надо только взглянуть более трезво на дело уравнивания населения Кавказа в правах землевладения?..

Но об этом до другого раза.

1896

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Не имея охоты играть в прятки, а главное, желая дать печати и общественному мнению возможность стать на надлежащую точку зрения при обсуждении вопроса, возникшего между редакцией газеты «Северный Кавказ» и ставропольскими врачами по поводу помещенной в № 53 означенной газеты заметки, считаю нужным заявить нижеследующее. Заметка эта, породившая так много самых противоречивых толков, принадлежит мне. Пользуясь безусловным доверием редактора газеты «Северный Кавказ» Д. И. Евсеева, я, с согласия его, отдавая в печать свою заметку, не счел нужным сообщить даже ему имя провинившегося врача; оно стало известно г-ну Евсееву только по выходе номера в свет, и вот при каких обстоятельствах. В четверг, 4 июля (в день выхода № 53 «Северного Кавказа»), я был приглашен в редакцию, где застал губернского врача Соколовского. После долгого совместного обсуждения — следует ли назвать имя вра-

ча, как настаивал г-н Соколовский, или нет,— г-н Евсеев категорически заявил, что он не назовет его по соображениям, известным уже читателям «Северного Кавказа», я же с своей стороны, как автор заметки, предложил г-ну Соколовскому открыть имя врача, но только не через посредство печати, а, так сказать конфиденциально, т. е. в присутствии исключительно врачей и с тем неременным условием, чтобы среди них находился и тот, которого я имел в виду в своей заметке.

Г-н Соколовский изъявил на это полное свое согласие, что могут подтвердить не только врачи Топорков и Мираков, заставшие нас в редакции за этим разговором, но и следующее письмо г-на Соколовского от 5 июля за № 1053:

«Милостивый государь, Константин Леванович! Вы, как вам известно, заявили мне, что вы автор заметки, помещенной в № 53 за этот год газеты «Северный Кавказ», причем добавили, что вы на известных нам обоим условиях сообщите фамилии тех личностей, которых касается этот прискорбный инцидент. Ввиду чего не найдете ли вы возможным 8 сего июля в 7 часов вечера пожаловать во врачебное отделение, куда соберутся все наличные врачи города Ставрополя для выяснения сообщенного вами события. Примите и пр.» Следует подпись.

Дело, однако, приняло совершенно другой оборот. Под честным, благородным словом, что это останется между нами, г-н Соколовский узнал от меня имена действующих в этой «истории» лиц, и как же он ими воспользовался? Во-первых, он позволил себе лично объясниться с указанным мною врачом и содержание этого объяснения сделал нашим же

(редакции и моим) достоянием, а потому — смею думать — достоянием и других «близких» ему людей; во-вторых, г-н Соколовский самолично доставил в редакцию письмо за подписью мужа фигурировавшей в заметке дамы, объясняющее инцидент недоразумением, и, прося непременно напечатать его с «извинением» от редакции, здесь же предупредил меня не приходить 8 июля во врачебное отделение, так как в заседании врачей уже не видится надобности. Означенное письмо находилось уже на типографском станке в сверстанном № 55 «Северного Кавказа» с соответствующим от редакции примечанием, но все-таки не могло появиться в печати, так как автор потребовал его обратно.

Вот только после каких обстоятельств состоялось заседание врачей 18 июля, на которое я почему-то не получил уже приглашения. Результатом этого заседания явилось «Открытое письмо редактору «Северного Кавказа», которое нашло себе место в газете «Приазовский край», так как объяснения редакции по поводу его содержания по «независящим» от нее и «совершенно непонятым» для нее причинам не могли быть напечатаны в «Северном Кавказе». Теперь, ввиду того, что газета «Врач» в № 32 от души желает «многоуважаемым товарищам» довести их правое и хорошее дело до конца, — между прочим и потому, что оно имеет не местный только, но и широкий принципиальный интерес, я считаю необходимым ко всему сказанному добавить еще следующее: если ставропольские врачи действительно хлопочут не о том, чтобы предосудительный поступок одного из них не был общественным мнением, приписываемым каждому из них, а лишь о том, чтобы, — как выражается

«Нижегородский листок» № 216,— «узнать паршивую овцу, чтобы выгнать ее из стада», если, наконец, как говорит «Врач», великодушное желание не ставить врача, на которого указывает газета, в тяжелое положение, по меньшей мере странно, раз этот врач сам просит назвать его имя (последнее, впрочем, ни из чего не видно),— то я, как автор сенсационной заметки, все-таки вполне оправдывая поведение редакции «Северного Кавказа» в данном инциденте, опять, уже печатно, предлагаю ставропольским врачам назвать имя давшего повод к появлению моей заметки их товарища, но с тем же неременным условием, какое я поставил губернскому врачу Соколовскому. Полагаю, что после этого «многоуважаемым товарищам» «Врача» нет никакой нужды доводить свое «хорошее» дело до конца тем путем, какой они наметили в заседании 18 июля, т. е. привлечением г-на Евсеева к ответственности, хотя бы даже за клевету.

Примите и пр. ...

1896

МАЛЕНЬКАЯ ИСТОРИЯ

В 1862 году в г. Владикавказе была открыта первая школа для осетинских девиц. Целью открытия школы было, как свидетельствуют ее годовые отчеты, внести просвещение в среду осетин и сделать их истинными христианами. В 1866 году школа была преобразована в школу с пансионом и названа в честь великой княгини Ольги Федоровны — Ольгинской. Она состояла из трех классов и приготовительного с двумя отделениями. Каждый класс имел двухгодичный курс. Преподавание ве-

лось приблизительно в размере прогимназической программы. Особенное внимание было обращено на преподавание закона божия и туземного рукоделия. Средства на содержание школы выдавались «Обществом восстановления православного христианства на Кавказе». Пока школа помещалась в центре осетинской части Владикавказа, в ней преобладающим большинством были осетинки. Когда же в 1886/87 учебном году ее перевели на совершенно противоположный конец города, число осетинок значительно уменьшилось, так что при посещении школы их императорскими величествами в 1888 г. из 89 всех учащихся осетинок было всего 36, из которых, надо заметить, 4 ученицы были магометанского вероисповедания. Во все время своего существования школа пользовалась необыкновенной любовью и доверием осетин. Она не могла вмещать всех желающих учиться в ней. Не забывая низкий уровень развития священников-грузин, рассеянных по всей Осетии, она была безусловно лучшим учреждением просветительной деятельности «Общества восстановления православного христианства на Кавказе»; она насаждала в отдельных уголках горной Осетии неувядаемые зародыши просвещения; она давала неутомимых тружениц для сельских школ. Не считая всех обязанных этой школе грамотностью, одно- и двухклассным образованием, в ней до 1890 г. окончили полный курс 69 учениц. Благодаря ей религиозный фанатизм магометанской Осетии стал охотно поддаваться принципам христианского воспитания. Короче говоря, школа эта становилась насущной потребностью всего народа. Вдруг в самый разгар учебного 1890/91 года (5-го января) приехавшая из Тиф-

лиса комиссия, от имени совета «Общества», прекратила существование школы.

Трудно передать глубину горя, причиненного осетинам этим событием. Не предупрежденные родители после рождественских праздников стали привозить своих детей... вереницы ароб запрудили улицу... Прогногнущая толпа детей стучится и просится под знакомый кров... Перед нею запирают двери... гонят прочь, не позволяя даже обогреться после далекого пути в арбе по морозу... Родители недоумевают... Дети плачут, не желая возвращаться в аулы, и дрогнут на улице до позднего вечера...

За что? Для чего? По какому праву? — вот вопросы, на которые тщетно искал ответа каждый осетин.

Ближайшие свидетели этой катастрофы — владикавказские осетины, не теряя времени для формальной обстановки дела, дабы предупредить по крайней мере потерю учебного года, в числе 16 представителей подали протест высокой покровительнице школы, теперь в бозе почившей великой княгине Ольге Федоровне и г. обер-прокурору святейшего Синода.

Почему тифлисская комиссия нашла удобным выбросить на улицу 17 своекоштных пансионеров и оставить вне всякого учебного заведения 67 учениц, большинство которых внесло плату за право учения в осетинскую школу за весь год, было покрыто мраком неизвестности. Только тогда, когда протест осетин не был уже секретом для правления «Общества» в № 4 за 1891 г. «Духовного вестника» (журнал грузинского экзархата) появилась статья *«О поводах к преобразованию владикавказской*

осетинской женской школы». Не вдаваясь в полемику, я постараюсь только сравнить содержание этой статьи с официальными документами и голой действительностью.

«Вопрос о преобразовании владикавказской осетинской женской школы, — говорит «Духовный вестник», — назрел уже давно»... Школа эта «и по внутреннему строю своей жизни и по программам предметов обучения далеко удалась от своего назначения... Из числа 89 воспитанниц в 1886/87 г. было 59 горожанок, русских — 45, осетинок — 31, грузинок — 12, армянок — 1... Почти все горожанки были девочки из низшего сословия, которые своими грубыми нравами и дурными привычками вносили в нее нежелательное совсем влияние и деморализацию».

Давность возникновения вопроса о преобразовании школы, кажется, не имеет ничего общего с неожиданным закрытием ее среди учебного года. Цифровые данные «Духовного вестника» мало убедительны, так как в предшествовавшие годы, пока школа находилась в осетинской части города, число осетинок было в ней значительно больше. Так, по отчетам «Общества» 1885 года, осетинок было 43 из 81 всех учащихся, а в 1886 году их было 45 из 84, причем из 23 русских мещанских детей было всего 5, казачьих и солдатских — 3; следовательно, и о «деморализации» не могло быть речи. Это преимущество осетинской части города перед русской совет «Общества» в 1876 г. сознавал прекрасно, говоря в своем отчете: «За невозможностью перевести школу из осетинской части города приходилось терпеливо переносить это зло», т. е. холод и тесноту помещения (стр. 27).

«Обращаясь к внутреннему состоянию школы,— говорит отчет 1875 года,— нельзя не признать, что развитие и успехи детей делают эту школу вполне соответствующею ее назначению» (стр. 58), и там же: «Находя, что девичья школа необходимо должна быть проводником в осетинскую семью более здоровых идей о воспитании детей вообще, инспектор школ обратил особенное внимание начальницы владикавказской осетинской школы на сообщение девицам более подробных сведений по гигиене» и потом в отчете 1876 г. сказано: «с девицами необходимо проходить хотя элементарный курс истории и географии, сообщать главнейшие сведения из гигиены и педагогики» (стр. 28). В отчете 1877 г. уже говорится, что «владикавказская осетинская девичья школа велась и ведется всегда образцово» (стр. 37). Отчет 1879 г. заявляет, что занятия в школе «велись с полным знанием своего дела» (стр. 35). В 1880 году его императорское величество великий князь Михаил Николаевич лично «соизволил благодарить всех служащих в школе за хорошую постановку ее» (стр. 84). В 1885 г. инспектор вынес заключение о довольно удовлетворительном положении учебной части. По всему видно было, что «учительницы относятся добросовестно к своим обязанностям» (стр. 64). Тогда же и начались мечтания выработать такую программу для школы, чтобы воспитанницы ее «впоследствии могли самостоятельно заведовать школами или *даже толково обучать членов собственной семьи*» (стр. 66). Чтобы не усвоить вредных привычек горожанок иметь любовь ко всем работам домашней семейной жизни, «воспитанницы сами убирают комнаты, поочередно, по 2 раза в день, дежурят на кухне, при-

готовляя вместе с наемной кухаркой кушанья, катают сами белье и как его, так и все платье на себя шьют сами же» (стр. 67). В 1886 г. учебная часть была найдена «в удовлетворительном положении». «Для того же, чтобы школа вполне отвечала своей главной задаче — способствовала христианскому образованию женщин в Осетии, — необходимо выработать новые программы по всем предметам», что по мере возможности обещает сделать автор доклада к следующему учебному курсу (стр. 131). В отчете 1887 года, где, к слову сказать, «Общество», как выдающийся факт в своей деятельности, отмечает, между прочим, открытие какой-то несуществующей «женской *двухклассной* церковноприходской школы в г. Салугарданском осетинском селении» (стр. 5), в этом отчете, говоря, обещавший изменить программу владикавказской осетинской школы, но, к сожалению, не исполнивший этого обещания, инспектор обвиняет ее в полнейшем несоответствии своему назначению и предлагает «Обществу» выгодную финансовую комбинацию (стр. 45—46). Несмотря на это, отчет 1888 года свидетельствует нам самое отрадное явление в хронике школы. Говоря о посещении школы их императорскими величествами, он дает заключение, что «высокие гости вынесли из школы весьма благоприятное впечатление» (стр. 87). Наконец, отчет 1889 года говорит, что «школа эта в отношении внешнего благоустройства может быть названа безукоризненной», и признает «успехи учениц по всем предметам удовлетворительными» (стр. 129), но, припоминая расход в 7720 рублей, признает «за лучшее или *закреть совсем*» школу, или содержать своих стипендиатов в епархиальных учили-

щах, или, наконец, перевести школу в аул, жители которого изъявили бы согласие «выстроить здание на свой счет» (стр. 131).

Таких аулов, замечу между прочим, можно было бы при желании найти если не десяток, то по крайней мере пять.

Основываясь на донесениях инспектора школ г. Никифорова, автор статьи «О поводах» умышленно обобщает и говорит утвердительно даже там, где сам инспектор высказывается только в форме опасения и вопроса, и то только относительно девушек из горной полосы Осетии. Инспектору не нравится, что школой пользуются якобы только ближайшие к городу селения. «Во многих же местах Осетии,— говорит он,— и особенно горной полосы, жители даже не знают о существовании этой школы» (стр. 44, 1887 г.). Но если бы этот недостаток и можно было исправить равномерным по всем селениям распределением стипендий, то является еще опасение другого рода, а именно: *«в состоянии ли будут воспитанницы школы, пробывшие от 6 до 8 лет в весьма хорошей обстановке, впоследствии переносить тяжелую трудовую, полную всевозможных лишений, жизнь именно в тех глухих ущельях гор, где всего необходимее влияние просвещенной женщины»* (стр. 46).

Автор статьи «О поводах» решает эту задачу очень просто. Он положительно уверяет, что «воспитанницы из окрестных осетинских селений, пробыв в ней (школе) на учебной скамье от 6 до 8 лет, привыкали к городской жизни и не шли потом в прежнюю сельскую среду свою».

Ни опасения инспектора, ни уверения автора статьи «О поводах» не имеют фактического основания. Ни одна осетинка, получившая образование

в Ольгинской школе, не бросала своих родных ради городской жизни. Если кто из них и живет в городе, то только со служащим или постоянно живущим в городе мужем или отцом. А что горная полоса Осетии знала о существовании школы, это видно из следующего. Из сел. Нар (я беру отдаленные уголки горной Осетии) в этой школе учились 2 ученицы, сел. Зарамаг — 1, сел. Ход — 1, Мизур — 1, (принявшая благодаря школе православие), из сел. Садон — 1, Мамисон — 1, Карца — 1, Даргавс — 1, Хидикус — 1, даже из Георгиевско-Осетинского селения Кубанской области — 1. «Опыт показал, — говорит дальше автор подтасованных «поводов», — что за все время существования школы с 1865 года не более 5 воспитанниц служили «Обществу» в качестве учительниц осетинских школ», а прочие расходились по разным местам, избирая себе род жизни во Владикавказе, совсем не соответствующий святым целям «Общества». Все это положительно ни на чем не основанная клевета. Во-первых, специальною целью школы никогда не было желание готовить приходских учительниц для «Общества», а во-вторых, число женских приходских училищ в Осетии было всегда так незначительно (от 2 до 7), что все 69 учениц, окончившие курс Ольгинской школы, при всем своем желании не могли быть учительницами, тем более, что в период 1884—1887 гг. в Осетии почему-то не стало ни одной приходской женской школы «Общества».

Зачем автору «поводов» понравилась цифра «пять», когда в 1878 году уже «6 сельских женских школ в Осетии велись добровольно бывшими воспитанницами владикавказской школы; 6 учениц этой школы вышли замуж за учителей Северной Осетии

и оказывали им значительную помощь в деле просвещения народа» (Отчет 1885 г., стр. 61). Опыт показал, — скажем мы со своей стороны, — что воспитанниц школы, служивших «Обществу» в качестве учительниц, было 21, следовательно — «более пяти» на целых 16, а 22-я служила в ведомстве министерства народного просвещения (фамилии всех их я представил при сем редакции). Кроме того, Колиева-Цогоева имела в такой трущобе, как сел. Луар, свою частную школу. Девуцы Амбалова и Абациева успешно занимались частными уроками в сел. Ардон, а прочие расходились не «по разным местам(?)», избирая себе род жизни во Владикавказе», а возвращались в родные аулы, внося свет христианского благовоспитания в дымные сакли своих родителей; затем выходили замуж за своих же сельских учителей, причетников и даже простых сельчан и делались примерными хозяйками, любящими женами и достойными удивления матерями — воспитательницами нарождающегося поколения.

Насколько справедливы строки статьи «Духовного вестника» по адресу преосвященного Петра, видно из «Защиты», появившейся по поводу той же статьи в приложении к № 37 «Терских ведомостей» за 1891 год, где сказано, что замечание автора «поводов» относительно епископа «является сколько несправедливым, столько же и оскорбительным». Что же касается г. начальника области и «Терских ведомостей», то от них лучшего возражения «Духовному вестнику», чем то, которое появилось в № 37 «Терских ведомостей», и желать нельзя. Я привожу его целиком: «В 4 № «Духовного вестника» грузинского экзархата в статье «о поводах к преобразованию владикавказской осетинской женской шко-

лы», между прочим, сообщается, что через несколько дней после преобразования означенной школы «появились в «Терских ведомостях», официальном органе области вполне сочувственные статьи по поводу совершившегося события». В интересах истины считаем нужным заявить, что никакого сочувствия «совершившемуся событию» «Терские ведомости» никогда не высказывали ни от себя, ни от других. Редакция тогда же отметила лишь факт преобразования владикавказского женского осетинского училища, а равно и удовольствие населения тех селений, где открыты церковноприходские школы. Но удовольствие и радость населения по поводу открытия новых школ совсем не характеризуют такого же отношения к факту преобразования осетинского женского училища. Точно так же мы уполномочены сообщить, что заявление того же «Духовного вестника», по которому к преобразованию осетинского училища «комиссия приступила не прежде, как заручившись согласием начальника области», лишено фактического основания, так как г. начальник области узнал от комиссии о преобразовании женского осетинского училища только тогда, когда это преобразование сделалось уже совершившимся фактом».

Что слово «преобразование» не входило в программу действий комиссии, об этом ясно свидетельствует, во-первых, отчет «Общества» за 1887 год, где сказано: «Обществу» несравненно выгоднее содержать тех же 24 стипендиатов в духовных женских епархиальных училищах и затрачивать на это, полагая стипендию по 120 руб., всего 2880 руб, вместо 7720 руб., расходуемых ныне на содержание владикавказской осетинской девичьей школы» (стр. 46), а

во-вторых, в той же «Защите» говорится, что «сотрудник «Духовного вестника» неправильно понял отношение нашего епископа к последним событиям печального факта *закрытия* училища. Мы имеем в виду отказ со стороны епископа комиссии, *прибывшей* из Тифлиса, созвать в январе экстренный съезд духовенства для обсуждения этого вопроса или взять это училище временно на свою ответственность, без ведома духовенства, а потом передать его последнему», и затем дальше: «поэтому епископ Петр *многократно и усердно просил прибывшую* из Тифлиса комиссию помедлить закрытием училища до указанного времени. Нам очень хорошо известно, что об этом сообщено телеграммой от 4 января о. протоиереем Калистовым в Тифлис — кому следует». Итак, комиссия не преобразовала училище, а закрыла его, оставив в нем до конца учебного года при двух учительницах, законоучителе и учительнице рукоделия своих 24 стипендиатов, добрую треть которых составляли русские, почему-то попавшие под опеку «Общества восстановления православного христианства на Кавказе».

Нельзя поэтому не признать вполне современным и уместным протест владикавказских осетин, тем более, что следствие, произведенное по этому делу лично начальником области, дословно подтвердило все изложенные в протесте обстоятельства этого печального события. Не оставалось никакого сомнения, что во всей истории главным, руководящим началом служил самый беззастенчивый произвол. Надо было, во что бы то ни стало, найти виновных.

Неожиданная весть о переводе преосвященного Петра, епископа владикавказского, в Великий Устюг как громом поразила всю его паству. Проводы

его 27, 28 и 29 мая 1891 г. отличались необычной в этих случаях задушевностью. Все слои общества принимали в них самое горячее участие. Как искренно преданные дети православия, в проводах представителя Христовой церкви, естественно, хотели принять участие и владикавказские осетины... К сожалению, это им не было дозволено, а небольшой адрес, в котором они просто и сердечно излагали любимому владыке свои чувства, был арестован накануне его подачи... Мало того, многие из осетин, участвовавшие в протесте по поводу закрытия училища и подписавшие означенный адрес, были даже подвергнуты кое-каким ограничениям. Помимо выговоров и легких арестов один из них (учитель приготовительного класса реального училища) был удален от должности, а другой выслан административным порядком из пределов Терской области... При всем этом, однако, протест все-таки вызвал благоприятные результаты: школа была возвращена осетинам во всем ее первоначальном составе и даже переведена в прежнее свое помещение, в осетинскую часть Владикавказа. К теперешней ее постановке я надеюсь вернуться в недалеком будущем и тем охотнее, что в текущем 1897 году исполнится 35 лет со времени ее открытия.

1897

НАКАНУНЕ

<I>

Текущий 1897 год является для Кавказа чем-то необычайным. Смена высшей кавказской администрации, слухи об оставлении своих постов началь-

никами Терской и Кубанской областей, всевозможные проекты, комиссии, открытое обсуждение в печати наболевших ран и способов их лечения — все это дает полное основание думать, что наш край переживает весьма важный исторический момент. Предугадать в деталях ближайшие последствия совершающихся на наших глазах событий очень трудно, но навряд ли можно впасть в большую ошибку, если взять на себя смелость обрисовать в общих чертах те задачи, какие будут у нас поставлены на первую очередь. Не забегая вперед, на основании своих личных наблюдений и выводов, мы позволим себе обратиться к такому компетентному источнику, каким в данном случае, несомненно, являются «Санкт-Петербургские ведомости». В обширной передовой статье «Нужды Кавказа» эта почтенная газета, совершенно беспристрастно перечисляя все мероприятия правительства для развития производительных сил богатейшего в мире края и для поднятия экономического благосостояния его населения, приходит к прискорбному заключению, что «промышленность на Кавказе и поныне стоит на крайне низкой ступени развития и за весь этот, со времени присоединения, продолжительный период она весьма мало подвинулась вперед; все же благие начинания правительства в этой области не принесли краю почти никакой пользы».

«Несомненно, — говорит газета, — что главная причина этого явления кроется в значительной косности и отсталости в культурном отношении кавказского населения, весьма ограниченного в своих жизненных потребностях и привыкшего с давних времен к удовлетворению этих потребностей теми дарами природы, которые, благодаря благоприятным

климатическим и почвенным условиям местности, даются ему без особой затраты физических и умственных сил» и т. д.

Не вполне соглашаясь с почтенной газетой во второй части этого положения, мы, тем не менее, указанную причину признаем весьма немаловажной в безуспешности правительственных мероприятий. Зато гораздо большее значение мы придаем следующей.

«С другой стороны, различные созданные правительством учреждения или устроенные при его содействии, в интересах отдельных специальных нужд населения, долженствовавшие служить как бы образцами для подражания, не имели успеха главным образом потому, что были созданы людьми пришлыми, мало или вовсе незнакомыми с бытовыми и природными условиями как всего края вообще, так и отдельных его областей в частности. Не имели также успеха и отдельные начинания частных лиц, занявшихся улучшением той или другой отрасли промышленности, именно потому, что большинству этих пионеров, не вооруженных в достаточной степени теоретическими и практическими знаниями местных природных и бытовых условий, приходилось, да и поныне приходится, ощупью и впотьмах вырабатывать рациональные приемы и основы их промышленной деятельности. Всем таким начинаниям не предшествовало систематическое научное разрешение различных теоретических и практических вопросов местного промышленного хозяйства, всестороннее же изучение всех бытовых сторон местной жизни и разрешение возникающих практических вопросов не могло быть по силам частной предприимчивости хотя бы даже

при материальной поддержке со стороны правительства: оно вызывало массу непроизводительных расходов времени и материальных средств и раньше или позже должно было сломиться под тяжестью целого ряда неудач, с которыми неизбежно сопряжено всякое предприятие, не обоснованное прочно на систематических указаниях положительного опыта».

Мало того, нам прекрасно известно, что многие из этих частных предпринимателей, являясь под благовидным предлогом культивирования края и, заручившись всеми поблажками, с волчьей жадностью принимались за удовлетворение своего аппетита и, благодаря этому, с первых же шагов поселяли в туземцах чувство недоверия и даже вражды к своему делу, а при весьма естественной потом неудаче всячески старались обвинять местное население и снова вымаливали себе новые льготы и субсидии. О деятельности таких пионеров у нас говорилось немало, да, надо полагать, придется говорить о них еще не раз.

Если туземцы, «довольствуясь удовлетворением самых ограниченных своих потребностей, живя обособленно и вдали от влияния каких-либо внешних более культурных элементов и заразившись от продолжительной совместной жизни с мусульманскими народами достаточной долей восточного фатализма, не выработали, да и не могли выработать в себе никакой предприимчивости и духа частной инициативы, т. е. всего того, что у других народов является или в силу экономической необходимости, или в силу развивающегося духа подражания», то во всяком случае эти же «дикари» сумели сохранить такие традиции, какими может гор-

даться лучший европеец. Рыцарская неприкосновенность чести, святость долга, верность данному слову и многое другое до того присущи каждому туземцу, что с ним следовало бы считаться всем тем, кто действительно является к ним с просветительными целями. Иначе, при наличии таких качеств, всякая неблагоприятная эксплуатация их непочатых сил и богатств всегда будет вести к неравной борьбе капитала с местными традициями, что в конце концов должно будет разрешиться если не вымиранием, то или полнейшим экономическим, или нравственным упадком населения. «Санкт-Петербургские ведомости» если и не высказывают этого открыто, то во всяком случае ясно сознают это...

Газета говорит, что «в каждой отдельной местности различные отрасли сельского хозяйства, как виноделие, садоводство, хлопководство и др., для своего успешного развития и усовершенствования должны предварительно пройти путь опытного разрешения практических и теоретических вопросов среди той самой обстановки, в которой они существуют или подлежат развитию.

Тем большая необходимась в таком разрешении практических вопросов представляется для *Кавказа, столь отличного во многих отношениях и от внутренних губерний России, и от Западной Европы*, применительно к которым до сих пор только и вырабатывались сельскохозяйственные знания. Одно уже искусственное орошение, являющееся во многих обширных районах Закавказья необходимым условием успешности сельскохозяйственной культуры, создает такую своеобразную обстановку для сельского хозяйства, что делает почти немислимым проведение в жизнь готовых указаний, без предварительной опыт-

ной проверки их пригодности для местных условий. Затем, если даже в деле обрабатывающей промышленности технические приемы, издавна выработанные и постоянно совершенствуемые в других более культурных странах, оказались не все одинаково применимыми к нашей фабричной промышленности, и немногим более энергичным кавказским фабрикантам пришлось, применяясь к местным бытовым условиям, многие из таковых значительно изменить, то в сельскохозяйственной и горнозаводской промышленности на Кавказе местные бытовые и естественные условия и подавно не допускают шаблонного применения готовых форм и образцов, выработанных в других сферах и при другой совсем обстановке.

«Таким образом ясно, что одно лишь предварительное и опытно-практическое изучение местных условий и особенностей, имеющих значение в каждой отдельной специальности, может дать прочную основу той или другой отрасли промышленности, вне которых всякие правительственные, общественные или частные начинания, приноровленные к отдельным частным вопросам и нуждам, вне связи с общими потребностями жизни края, будут иметь лишь характер случайный и лишены будут прочной почвы, нося в себе самих все зародыши неуспеха».

Весь вопрос сводится только к тому, каким способом разрешат великую задачу поднятия производительных сил нашего края... По мнению газеты; учреждение на Кавказе высшего научно-технического института, который направил бы сельскохозяйственную, обрабатывающую и горнозаводскую промышленность на правильный путь развития и дал бы им возможность основаться на

твердой почве и, на вполне рациональных началах, является неотложной необходимостью.

Создание такого института — прямая задача правительства, так как оно превышает все материальные и духовные силы местного населения.

«На Кавказе, более, чем где-либо, правительство не может отказаться от роли опекуна и попечителя, — сказал бывший министр государственных имуществ М. Н. Островский на торжестве закрытия кавказской сельскохозяйственной выставки, бывшей в Тифлисе в 1889 году, — и на первом плане его попечительства должна стоять забота о правильном поземельном устройстве населения, о распространении среди него грамотности и возможно больших сведений по всем отраслям промышленности и сельского хозяйства».

Для того, однако, чтобы ввести в среду кавказского населения «возможно больше сведений по всем отраслям промышленности и сельского хозяйства», крайне недостаточны, как показал опыт предшествовавших годов, все паллиативные меры, принятые правительством до сих пор в виде устройства различных специальных опытных учреждений, долженствовавших служить местному населению образцом для подражания. Только высшая специальная школа может дать своим питомцам возможность пройти тот предварительный путь изучения местных условий края, без знания которых невозможно приступить к той или другой промышленной деятельности.

Давно назревшая и всеми сознаваемая нужда в учреждении в крае высшего специального учебного заведения создается и г. попечителем Кавказского учебного округа. Придавая особое значение про-

мышленному образованию подрастающего поколения, г-н Яновский находит, что для распространения среди населения такого образования *необходимо устройство специальных учебных заведений*, которые могут быть открываемы только на счет правительства, так как местное население не обладает достаточными для этого материальными средствами. Признавая весьма недостаточными те профессиональные занятия, которые ведутся во многих начальных и городских школах вверенного ему округа, г-н попечитель ходатайствует перед своим высшим начальством *об устройстве хотя бы двух средних училищ*, одного — для Северного Кавказа и одного — для Закавказья. «Такие специальные заведения окажут несомненные услуги населению прочной постановкой дела обучения профессиональным занятиям, распространению коих в населении я придаю особо важное значение».

По мнению же газеты, только в учреждении здесь на месте высшего технического учебного заведения кроется теперь единственная возможность спасения кавказского населения и главный источник его промышленного прогресса; оно лишь способно было бы дать краю тот необходимый и недостающий ему ныне контингент научно подготовленных людей, которые могли бы направить все отрасли промышленности на правильный рациональный путь и приступить к правильной эксплуатации тех многочисленных природных богатств края, которые еще спят непробудным сном, не принося населению и сотой доли той пользы, которую они могли бы принести.

Таким высшим учебным заведением мог бы быть учрежденный в крае политехнический институт с

сельскохозяйственным и горным отделениями. Такой институт, вооруженный всеми средствами для правильной научной постановки соответствующих опытов в сфере сельскохозяйственной, обрабатывающей и горнозаводской промышленности, вдохнул бы новую жизнь во всю промышленную деятельность края.

В вопросе о месте устройства политехнического института газета склонна отдать предпочтение Тифлису, как по центральному положению в крае этого города и по сосредоточению в нем всех административных и культурных сил Кавказа, так и потому, что тифлисское городское общественное управление, возбудив в конце 1894 года, в бытность здесь г-на министра земледелия и государственных имуществ, ходатайство об устройстве на Кавказе политехнического института и побуждаемое желанием принести с своей стороны посильные жертвы для содействия в осуществлении столь важной для промышленной жизни края меры, постановлением своим, состоявшимся 5 сентября того года, уже определило предоставить в распоряжение министерства для этой цели 100 тысяч рублей на единовременные расходы и до 200 десятин земли в районе городских дач, где это окажется для предполагаемого института удобным.

От души приветствуя такое необычайно трезвое отношение к нуждам нашего края почтенного органа, мы глубоко верим в скорейшее осуществление этой поистине заветной мечты всей здравомыслящей части туземного населения Кавказа, которой дороги интересы родины и которая давно и открыто идет навстречу всем благим начинаниям правительства.

В прошлой статье мы уже высказали свою уверенность в том, что край наш переживает в высшей степени важный исторический момент и что мы находимся накануне таких реформ, которые коренным образом изменят существующий у нас порядок вещей, и, конечно, к лучшему. После чудовищного похода на туземцев Кавказа многие газеты с некоторого времени совершенно изменили свой тон и в больших передовых статьях стали выяснять истинные причины разбойничества и констатируемого вообще беспорядка на Кавказе. Даже «Новое время» с легкой руки «Гражданина» снизошло до требований здоровой логики. В своей статье «О кавказских разбойниках» от 9 февраля текущего года эта всеведущая газета, останавливаясь на воспоминаниях старого кавказского офицера, помещенных в «Гражданине» под общим заглавием «Разбойничество на Кавказе», говорит: «Описывая свой первый туда (на Кавказ) приезд как раз после умиротворения края (1864 год), автор говорит, что в те блаженные времена разбоя не было. Пошаливали только на «линиях», что объяснялось остатками прежней ненависти к русским. В начале семидесятых годов спокойствие и безопасность исчезают и с каждым годом разбойники нарождаются, как грибы. Автор дает целый ряд объяснений такому явлению. По его мнению, главная причина кроется не в ослаблении значения русской власти в глазах туземцев, а в коренных изменениях экономического и административного строя страны. Такое мнение человека, видимо знакомого с краем и доброжелательного, весьма важно, так как еще не-

давно в печати раздавались жалобы, что престиж наш на Кавказе так ослабел, что хоть вновь завоевывать Кавказ! Как на важнейшие изменения в общем строе, автор указывает на освобождение крестьян от крепостной зависимости, отсутствие до сих пор во многих местностях размежевания, нерациональное применение судебных реформ и, наконец, неудовлетворительность личного состава администрации».

Не вполне соглашаясь с автором «воспоминаний» в том, что в те блаженные времена разбоя вовсе не было, газета тем не менее признает, что «настоящее разбойничество началось после освобождения крестьян. Реформа была введена уже давно, а многих крестьян до сих пор еще не наделили землей. Местное население обвиняет в этом мировых посредников, которые до сих пор не могут разобраться в претензиях помещиков и крестьян. Из-за выгонных мест и воды постоянно возникают споры, нередко кончающиеся кровопролитием, вследствие воинственного темперамента населения. Спор о границах тоже часто кончали свалкою; убийца спасался и поневоле делался разбойником (в свое время немало говорилось о вражде князей Андрониковых и Вачнадзевых). Вопрос о распределении воды ведет к тому же. Хотя при великом князе Михаиле Николаевиче и было сделано немало для улучшения орошения Закавказья, но и теперь этот вопрос не доведен еще до конца; к нему должен быть применен местный обычай, по которому вода есть общее достояние, как и воздух».

К этому надо добавить еще вопрос о «хизанах». С этими хизанами теперь тоже происходят постоянные споры из-за земель, кончающиеся нередко кро-

вопролитием. Неоднократно возбуждаемый хизанский вопрос при покойном князе Дондукове-Корсакове совсем не получал движения.

«Крестьянская реформа, нанеся тяжелый удар былой патриархальной обстановке, в связи с прекращением войны на Кавказе, поставила лицом к лицу с нуждой большинство мелкопоместных дворян и князей, им же имя легион. Кроме умения хорошо владеть оружием и джигитовать, большинство их не имело, да и теперь не имеет, никаких познаний. Крестьяне, как более трудолюбивые, а отчасти и армяне, стали скупать у них земли. Оставшись без земли, они не знают что делать и начинают пускать в ход предметы, которыми лучше всего владеют, т. е. оружие».

Дальше газета начинает опять «лукаво мудрствовать» и впадает, конечно, в обычный свой тон проповедника «натиска, быстроты и расторопности».

Гораздо обстоятельнее и беспристрастнее обсуждает этот вопрос более умеренная часть русской печати. Но авторитетность газет далеко, конечно, не может сравниться с компетентностью известного юриста-оратора А. Ф. Кони, который на последнем годовом собрании Санкт-Петербургского юридического общества перед многочисленными слушателями ярко изобразил картину тяжелых судебно-бытовых условий на Кавказе.

«Новости», посвящая речи А. Ф. Кони специальную статью «Больная юстиция», совершенно справедливо замечают в ней, что Кавказу суждено привлекать внимание не одних лишь поэтов.

«Для юриста-наблюдателя эта страна — кладезь новых впечатлений, так как в ней судебные порядки сложились своеобразно под влиянием различных обстоятельств.

На первом месте следует поставить бытовые условия. Достаточно указать на сохранившийся повсеместно на Кавказе обычай носить при себе оружие, — обычай, освященный веками, семейными и национальными традициями. Кавказский туземец, можно сказать, рождается с оружием; носит его как семейную драгоценность. Нередко можно встретить такого туземца в нищенских лохмотьях, на которых живописно красуется кинжал.

Между тем наш устав о предупреждении и пресечении преступлений запрещает ношение оружия, а уложение о наказаниях весьма строго наказывает сопротивление властям, грабеж и кражу, если при совершении этих преступлений подсудимый был вооружен. И вот населению Кавказа приходится расплачиваться за свой обычай. Сопротивление оказывается всегда вооруженным, грабеж — разбоем, а пустое похищение движимого имущества — вооруженной кражей, и судебный приговор является прямо несогласным с жизнью. В противном случае, если в основу его ляжет сознание бытовых условий, он разойдется с законом.

Далее — на что указывает г. Кони — туземные воззрения резко расходятся с предписаниями законов. В особенности это разногласие стало ощущаться с тех пор, как подсудность горским судам была изменена и компетенция их урезана в пользу общих коронных судов.

Последним, в силу прямого преследования законом таких преступлений, как похищение незамужних женщин, приходится игнорировать повсеместный обычай «умыкания» девиц как один из брачных обрядов на Кавказе.

Кража лошадей, окруженная известным ореолом

молодечества и также освященная обычаем, по крайней мере, в определенных своих пределах, в глазах коронных судей теряет этот свой характер и рассматривается как преступление.

То же самое происходит и с кровной мстью, бороться против которой, конечно, необходимо, но при помощи нравственного религиозного просвещения, а не путем тяжких наказаний.

Далее оратор указал на распространенность на Кавказе лжесвидетельства, дошедшего до виртуозности и обусловливаемого недоверчивым, враждебным отношением к суду, который рассматривается как орудие личной мести.

Сплошь и рядом судьи игнорируют поэтому свидетельские показания, занесенные в протокол, и таким образом волею-неволею создают повод для кассации своих приговоров.

За лжесвидетельством идет ложный донос, направленный на путь угроз.

Все это сбивает с толку кавказскую юстицию. А каким тяжким элементом для нее, уничтожающим необходимую для правосудия *непосредственность* впечатления, является то положение, которое заняли в процессе местные переводчики, безграмотные и скудно обеспечиваемые из недостаточных канцелярских сумм!

Кроме перечисленных бытовых условий, в деле отправления правосудия на Кавказе значительную роль играют условия служебной деятельности. Судьи, получающие здесь повышенный оклад жалованья, неохотно расстаются с Кавказом, засиживаются здесь, превращаются в усталых рутинеров. С другой стороны, они поставлены в невозможные жизненные условия: губительный климат, с его зноем,

вьюгами; угрюмый край, лишенный сносных путей сообщения, которые иной раз сводятся к узкой тропинке, доступной для переезда верхом, при этом на высоте 5 тысяч с лишком футов над уровнем моря.

Случается совершать переправы через пропасти на шее дюжего мингрельца или сванета, рискуя свалиться вместе с ним с обрыва. Неудивительно при таких условиях заболевания нервным тиком.

При этом надо принять во внимание подавляющее обилие дел, спешность переездов и проч.

Затем А. Ф. Кони указал на важное значение особенностей законодательного свойства: соединение в лице одного мирового судьи судебных и следственных функций, которые на практике пришлось видоизменить, выделив последние и передав их помощникам судей там, где они имеются (в других же местах — кандидатам на судебные должности).

О передаче следственных дел ведению полиции с целью облегчения мировых судей и др. нельзя, конечно, и думать ввиду невысокого нравственного и образовательного уровня полицейского персонала.

Немало страдает правосудие на Кавказе от отсутствия камеры предания суду по делам, влекущим за собою лишение прав состояния.

Дела такие поступают в суды по собственному усмотрению прокуратуры, в большинстве случаев в лице ее молодых, неопытных представителей, склонных к увлечению в возбуждении дел и остающихся в беспомощном состоянии, несмотря на изданную подробную инструкцию их деятельности.

Неудивительно, что, например, в 1893—1894 гг. из 1005 дел, по которым составлен был обвинитель-

ный акт, 286 окончились оправдательными приговорами, а в 124 случаях прокуратура на суде отказывалась от обвинения.

Существование второй инстанции для дел, сопряженных с лишением всех прав состояния, не может служить коррективом указанного положения вещей, ввиду запоздалости приговоров и невозможности иной раз вернуть подсудимому утерянные им по суду блага.

Большую сбивчивость в дело отправления правосудия вносит далее особенность кассационного производства, распределенного между особым отделом тифлисской палаты и Правительствующим сенатом.

Сплошь и рядом кассационная практика расходится при этих условиях в своих толкованиях, а подчас та же палата устанавливает различный взгляд на дело, в зависимости от того, является ли она апелляционной или кассационной инстанцией. Также сбивчив надзор за адвокатурой.

По мнению А. Ф. Кони, существенным коррективом нынешнего положения вещей было бы полное отделение в судебном отношении Северного Кавказа от Закавказья. Первый созрел уже в культурном отношении, и в нем должен быть введен суд присяжных, благами которого пользуется, например, Казанская губерния, по составу своего разноплеменного населения стоящая в менее благоприятных условиях, чем губерния Ставропольская и другие.

Во всяком случае, — этим закончил свою речь почтенный оратор, — кавказское правосудие представляет больные места, и их надо лечить. Но, как и для медицины, для судебной терапии необходимо собрать предварительный материал.

Несомненно, что личные впечатления, которыми поделился с слушателями А. Ф. Кони, займут видное место среди этого материала».

Несомненно, скажем мы с своей стороны, что только при таком трезвом отношении к нуждам нашего края можно достигнуть тех результатов, какие необходимы для развития в туземном населении чувства гражданственности и уважения к законам государства.

III

В предшествовавших статьях (№№ 1150 и 1155 «Северного Кавказа») мы с истинным удовольствием отметили необычайно трезвое отношение наиболее влиятельной части столичной печати к нуждам нашего края и указали в общих чертах на признаки, дающие полное основание верить, что жизнь Кавказа вообще и Северного в частности в недалеком будущем примет более правильное течение. В приятном ожидании этого светлого будущего мы, искренно желая быть полезными в деле заготовки материала для всестороннего изучения нашей окраины, в настоящей статье займемся лишь констатированием существующего в пределах Терской области порядка вещей.

Туземное население области, как известно, пользуется незавидной репутацией населения, склонного к воровству, грабежу и разбоям. Это тяжелое обвинение если и справедливо до некоторой степени, то только в отношении самого ничтожного меньшинства туземцев, которое, живя традициями мятежного прошлого и не понимая еще задач культурной жизни по неподготовленности своей к по-

следней, действительно причиняет массу тревог и хлопот как самому туземному населению, так, в одинаковой мере, и русскому и вместе с тем массу материального ущерба тому и другому населению в виде хронической убыли из имущества населения значительного количества рабочего скота, лошадей и овец.

Громадное же большинство населения Кабарды, Осетии, Чечни и Кумыкской плоскости настроено на совершенно тихий и мирный лад гражданской жизни, что доказывается достигнутыми им, со времени взятия Шамиля и окончания войны на Западном Кавказе, крупными успехами в экономической жизни.

При полном отсутствии на Кавказе сельскохозяйственных школ, которые могли бы послужить живыми и обильными источниками распространения знаний между пытливыми и любознательными от природы горцами, и при крайней недостаточности существующих для них министерских школ общеобразовательного характера, население горское, все же тяготея к гражданской жизни, предается мирному земледельческому или скотоводческому труду, соответственно с нормой своего земельного довольства, создавая прочную оседлость и порываясь постигать и все более и более осуществлять многие начала интенсивной сельскохозяйственной и земледельческой деятельности (в пчеловодстве — во Владикавказском и Нальчикском округах и Сунженском отделе, скотоводстве, табуноводстве и овцеводстве — в Кабарде и Карачае, садоводстве и земледелии — в Кабарде и Северной Осетии).

Культурное воздействие на горцев Кавказа началось только с начала 30-х годов настоящего сто-

летия помещением нескольких десятков детей почетных горцев в кадетские корпуса, откуда их по преимуществу выпускали из четырех общих классов в чине корнета в армейскую кавалерию, чтобы они, горцы, в кавалерийских полках познакомились с цветом лучшего, по тогдашнему времени, русского общества и таким образом служили между своими соплеменниками проводниками высоких культурных отеческих забот русского правительства о горском населении.

В сороковых годах была открыта в Нальчике Нальчикская горская школа на несколько десятков молодых горцев; в конце 50-х годов был прекращен прием в корпуса, а в начале 60-х годов для всех кавказских горцев открыто до 90 казенных стипендий в пансионе Ставропольской на Кавказе гимназии.

Кроме того, тогда же открыты в городе Грозном — Грозненская горская школа, принимающая обыкновенно не более $\frac{1}{4}$ всех учащихся или до 30 мальчиков из горцев, по преимуществу чеченцев; в бывшей крепости Назрани — Назрановская горская школа, одноклассная до 1895 г., а с этого года двухклассная, приютившая у себя всего 10 пансионеров и до 150 проходящих ингушских мальчиков. В пансионе темир-ханшуринского реального училища — 30 вакансий. В Майкопской горской школе для горцев отведено до 30 мест. Во Владикавказском реальном училище им предоставлено до 30 казенных стипендий. С 60-х годов в христианских аулах Осетии «Обществом восстановления христианства на Кавказе» заведены сельские школы; мусульмане же осетины сельские школы стали открывать на свои средства лишь теперь. Что же касается мусульманского населения Чечни, Ингушии и Ку-

мыкской плоскости, то оно, если не считать указанных выше Назрановской и Аксайской школ, и по настоящее время остается пока без народно-учебных заведений.

Если к этому прибавить еще то обстоятельство, что в нагорной части Осетии, Ингушии и Чечни, где земельное довольствие на горский дым (двор) часто представляет не более 200 квадратных сажений («Заметки о горском землевладении» М. Кипиани), не говоря уже об отсутствии подесятинных наделов, и что безземельные или имеющие ничтожные земельные наделы горцы, не получая никакого дохода с земли для удовлетворения своих насущных жизненных потребностей и будучи не подготовленными к другому, неземледельческому труду, в борьбе за существование легко впадают в преступление, то навряд ли можно признать справедливым то негодование, которое в последнее время замечалось в нашей печати по адресу туземцев Северного Кавказа за их якобы хищнические наклонности и кровожадные инстинкты.

Перейдем теперь к нынешним условиям, которые в ту или другую сторону отражаются на ходе экономической жизни горского населения области.

Во главе управления стоит начальник области с областным правлением, держащие в руках как власть собственно административную, так и земскую (154 — 163 ст. учрежд. управл. Кавказского края, изд. 1892 г.) и дающие общее направление управлению горцами. Ввиду сложности и многосторонности занятий начальника области по управлению вверенным ему краем, а также по должности атамана казачьего войска, он лишен возможности непосредственного и постоянного общения с туземною сре-

дою, а отсюда и близкого знания его действительных нужд и потребностей; вся деятельность начальника области ограничивается рассмотрением и разрешением бумаг и переписок, восходящих до него в порядке служебном от начальников округов и атаманов отделов; исход же каждого дела зависит от того, как составлена в канцелярии бумага, весьма часто расходящаяся, по неведению ее составителя, с живыми и действительными интересами населения. Ближайшие же правители народа — атаманы отделов, начальники округов и участковые начальники, взятые из фронта военного, случайно сделавшиеся народоправителями, в большинстве случаев недостаточно подготовлены к выполнению возложенных на них обязанностей. Между тем, править народом, при вышеуказанных сложных комбинациях земско-административного управления, далеко труднее командования известною фронтовою частью уже потому, что начальники частей, кроме воинского устава, снабжены подробными инструкциями военного министра и им остается лишь исполнять точно указанное. Для управления же народом в несколько десятков тысяч необходимо знать еще и характер, обычаи, нравы и жизнь народа и вообще располагать огромным запасом самых разнообразных сведений.

Туземный мир, со времени умиротворения края, живя под покровительством общегражданских законов Российской империи и вот уже 26 лет испытывая на себе благодетельные последствия реформированного суда по уставам 20 ноября 1864 г., во всем, что касается порядка преследования за преступные деяния, в ту же пору подчинен действию одной крайне неблагоприятной для его экономической жизни ненормальности. Мы говорим об уста-

новлении полной круговой поруки между преступниками, лиходеями-горцами и туземным мирным, труженическим населением, далеким от преступных порывов и страждущим от преступников совершенно так же, как и нетуземное население области. Мотив же установления таковой круговой поруки — заведомая будто склонность обществ к сокрытию своих преступных сообщественников — положительно неверен и несостоятелен: во всех окружных управлениях и управлениях отделов можно найти массу приговоров сельских обществ о выдаче и удалении из своей среды порочных членов, не приведенных, однако, в исполнение, помимо желания обществ, за несоблюдением какой-либо неважной формальности или за неумелым изложением текста приговора.

Таким образом, выданные обществами, но возвращенные обратно в среду их порочные члены, ободренные своею безнаказанностью, приступают обыкновенно с новою энергией к своей преступной деятельности. Благодаря такому порядку вещей горские сельские общества очутились между двух огней: между административными карами и яростными преследованиями уличаемых в преступлениях лиц.

Крупный принципиальный и в ту же пору и практический недостаток этих правил — это отсутствие серьезных побуждений найти, во что бы то ни стало, самого нарушителя права — преступника и покарать только его одного, благодаря чему часто ни в чем не повинные сельские общества и родственники подозреваемого принуждены нести строгую кару, тогда как действительные преступники обыкновенно остаются без возмездия за свои дела и, стало быть, этим самым опять поощряются к той же преступной деятельности на счет мирного

и трудового населения. А что касается экономического состояния населения, то вот несколько иллюстраций: туземные селения и аулы, как сел. Исланово, Эльхотово, Хумалаг, Зильги, Ольгинское, Базоркинское, Барсики и прочие, прилегающие к путям следования хищников, буквально разоряются от частых и непосильных платежей. За 14 лет практического правил сумма таких платежей «по следам» достигает для каждого селения суммы от 400 до 1000 рублей ежегодно.

Объясняется это отсутствие энергичного розыска самих преступников тем, что низшие административные чины, констатируя только доведение следов до земельных дач горских обществ или частных владельцев из туземцев соответствующим протоколом или рапортом, избавляют себя от всякого дальнейшего труда по розыску преступников. Легко, конечно, себе представить, как такой обычай деморализует низших административных агентов, приучая их к полнейшему невниманию к первым их служебным обязанностям, и как вредно отражается это на ходе и результатах предварительного следствия судебно-уголовной юстиции в области.

Нельзя не признать, наконец, что «Временное положение» заметно обостряет и без того недружелюбные отношения между казачьим и горским населением области. И это вполне естественно: исключительные административные меры против горцев, в особенности когда эти меры расходятся еще с общегосударственными законами, способны разжечь только враждебные страсти туземцев к тому населению, для охраны которого принимаются эти меры. Обстоятельство это хорошо понимают и сами горцы и казаки.

В шестидесятых годах, когда, казалось, положение нетуземного населения в не замиренной еще области было гораздо более щекотливо, не практиковались между горцами такие экстраординарные меры, что легко можно проверить по архивным делам владикавказского, нальчикского, грозненского, бывшего ингушского и кумыкского окружных правлений и горских словесных судов. Это служит ясным доказательством того, что уже в то время русское правительство, сталкиваясь с горскою деревенскою общиною, нигде не находило следов круговой поруки членов аула в том смысле, как это установлено «Временным положением». Очевидно, что горцы давно пережили эту форму своего исторического развития.

Ко всему этому многие вопросы земского внутреннего устройства горских поселений остаются без достаточного внимания. О народном здравии горцев обнаруживается мало заботливости. Существующие при окружных управлениях окружные врачи исполняют, по преимуществу, судебно-медицинские обязанности и не имеют времени следить за народным здравием. Правда, при каждом округе на счет горского общества, на 25-копеечный сбор со двора, содержится один или два фельдшера с самыми необходимыми простейшими медикаментами: хиной, слабительным, горчичниками и пр. Но этого, конечно, недостаточно для полного обеспечения народного здравия: беспомощность горского населения в смысле медицинской помощи бывает заметна в особенности во время инфекционных болезней, как дифтерит, скарлатина, тиф, оспа, холера и т. п.

Недостатки современного устройства горской

жизни явствуют в особенности из земско-экономической их обстановки. Вследствие ли их поголовной безграмотности или отсутствия действительно контролирующей аульных казначеев власти, повторяются из года в год растраты общественных средств на очень солидные суммы. Ближайшие начальники участков, округов и атаманы отделов, надо думать, за заваленностью делами и перепиской по собственно административно-полицейской службе, не могут обращать достаточного внимания на эту сторону туземной жизни и не отстаивают интересов подчиненных им обществ; вследствие этого последним приходится мириться с хроническими растратами и присвоениями их средств. Почти во всех селениях царит хаос в денежных счетах, и ни одно общество не обходится без дефицита, более или менее крупного, и без задолженности для удовлетворения своих мирских расходов и государственных податей.

В Кабарде, Ингушии, Чечне и на Кумыкской плоскости горцы судятся в так называемых «горских словесных судах», на основании временных правил о горских словесных судах, утвержденных 18 декабря 1870 года его императорским высочеством, бывшим наместником кавказским.

Применительно к обычному праву горцев, суд этот коллегиальный и состоит: из председательствующего, начальника округа или его помощника и депутатов от народа на правах членов суда (§§ 1—3 и 20 временных правил), кандидатов к последним и кадия, дающего заключения по шариатскому праву о духовных завещаниях, о спорах наследников между собою и единолично разрешающего дела о расторжении браков. Подсудность же гражданская и уголовная горских судов равняется почти подсудности

мировых судей, за небольшими исключениями.

Этот коллегиальный суд состоит, по §§ 5, 54—61 временных правил, в зависимости от начальника области; на решения суда поступают жалобы в порядке апелляции к нему же, начальнику области; о кассационном порядке принесения жалоб нет никаких указаний во временных правилах, хотя фактически в продолжение долгой практики горских судов начальник области делается почти и кассационной инстанцией для них: отменяя весьма часто решения по апелляционным поводам, касающимся существа дела, он возвращает дело тому же составу горского словесного суда для нового разбора. Но для решений начальника области собственно кассационной инстанции не существует, хотя были примеры неоднократной отмены решений его главноначальствующим в порядке надзора. На правах членов горских судов туземное население должно посылать в эти суды своих выборных депутатов и духовного кадия. Но правильное производство выборов никакими гарантиями не обставляется и, как показала почти 30-летняя практика, выборы эти производятся под давлением начальника округа. Несомненно, что при такой неправильной постановке дела горские суды не могли завоевать себе должной авторитетности и не дали тех результатов, какие имелись в виду, хотя организация их на начале обычного права сама по себе очень симпатична и соответствует строю горской жизни.

ВЛАДИКАВКАЗСКИЕ ПИСЬМА

Я так давно не писал и так много интересного накопилось за это время, что меня даже затрудняет теперь вопрос, с чего начать свое письмо. Начать разве с самого Владикавказа? И то.

«13 июня в увеселительном саду «Сакартвело» начальник Владикавказского округа, подполковник Мищенко, помощник полицеймейстера штабс-капитан Погорелов и чиновники Шиманчевский и Крыницын проводили время до 3 часов полуночи, несмотря на то, что всякая торговля в трактирных заведениях по закону допускается до 11 часов вечера и в означенном саду разрешена только до 1 ч. ночи».

Так говорится в приказе начальника Терской области от 21 июня 1897 г. за № 151 (см. № 53 «Северного Кавказа»). Очень долго и много толковал об этой истории весь Владикавказ...

Над подобными фактами следовало бы призадуматься местным органам печати.

К величайшему сожалению, ни «Казбек», ни тем более «Терские ведомости» этим вопросом совершенно не занимаются. Да им и некогда. «Казбек», которого ошибочно называют «желторотым», с удивительной настойчивостью занимался в последнее время избирательной агитацией, переполняя свои столбцы всевозможными докладами, письмами, телеграммами, адресами и т. п. «официальными» документами необыкновенно плодотворной деятельности проводимых им кандидатов. Особенно изумительна в этой агитации эпопея тюремных чтений, где газета с необыкновенной виртуозностью ухищрялась приписать своей креатуре все, что сделано

было инициатором и первым устроителем этих чтений В. Г. Шредерс. Агитация, впрочем, не удалась, потому, должно быть, что избиратель не воробей — на мякине его не проведешь, да и каждый владикавказский обыватель хорошо чувствовал запах зарытой где-то неподалеку кошки.

Что же касается «Терских ведомостей», то эта газета с каждым днем принимает все более и более нежелательный характер недоверия, а подчас и враждебного отношения к туземному краю.

Это проскальзывает во всех статьях, касающихся туземного населения области, не исключая даже беллетристических и поэтических произведений.

Вот как заканчивает, например, некий М. И. К-о свой якобы этнографический очерк «В гостях у кабардинцев» в № 147 «Терских ведомостей» за 1896 г.

«Сколько грубости, дикости, невежества пришлось мне увидеть! Долго-долго еще придется бороться цивилизации с этой бездной мрака. И немало пройдет еще десятилетий, пока кабардинец научится ценить, отдавать достойную дань уважения *русской школе*, потому что только там он и может развиться, окрепнуть мыслью, ибо их школы, кроме толкования Корана, ничему больше не учат».

Не говоря уже о том, что этот очерк от начала до конца представляет из себя очень неумелый и грубый пересказ чего-то не то кем-то виденного, не то где-то слышанного, а потому, конечно, почти ничего общего не имеющего с действительностью, — посмотрите, какой логикой руководится его автор в своих выводах.

«Ухó (имя кабардинца) возил на базар в Прохладную или в Нальчик дрова и произведения своего тощего огорода: лук, свеклу и т. д., на вырученные

деньги кое-как сводил концы с концами. При этом разумеется, что приходилось ему с семьей питаться единственной кукурузой, поджаренной на огне, а то по целым дням и совсем ничего не есть.

Нелюбезно принял нас хозяин (Ухо), и все время, пока я находился в его сакле, он угрюмо стоял у низких дверей своего жилища, не проронив ни одного слова, и только когда я, собираясь уходить, подарил ему серебряную монетку, лицо его мгновенно осветилось какой-то застенчивой радостью, и улыбаясь, он протянул мне руку на прощанье.

Итак, чтобы снискать себе расположение кабардинца, необходимы деньги, подумал я. Личности для него не существует. У него все симпатии и чувства уважения сводятся к одному общему знаменателю — деньгам. Он в них видит не одно средство — необходимое в жизни, а, так сказать, утеху всей своей жизни».

Ну, не абсурд ли это? Старик-кабардинец «горемыка», которому с семьей зачастую приходится «совсем ничего не есть», «нелюбезно принял» своего гостя и пока последний «находился в его сакле, он угрюмо стоял у низких дверей своего жилища, не проронив ни одного слова».

Да что же должен был делать Ухо при появлении такой важной персоны, как г. К-о? Конечно, изысканно предложить ему, если не по-французски, то, по крайней мере, словами Фамусова: «Снимите шляпу, сденьте шпагу, вот вам софа — раскиньтесь на покой» — и в довершение всего угостить его шампанским.

К прискорбию, ничего этого не сделал горемыка Ухо, потому что у него и обстановка в сакле «буквально нищенская» и поесть совсем нечего. Он толь-

ко и мог, как туземец, проявить свое гостеприимство тем, что он, пока гость находился в его сакле, угрюмо простоял у низких дверей своего жилища, не проронив ни одного слова... Почему Ухо угрюмо молчал — потому ли, что не имел возможности оказать незнакомцу должного гостеприимства, или потому, что мало надеялся на получение от него серебряной монетки, — это вопросы, над которыми никогда, вероятно, не задумаются такие господа, как К-о. Конечно, Ухо поступил бы гораздо «благороднее», если бы швырнул в физиономию г. К-о его серебряную монетку, но старик к чести своей и здесь остался верным святым традициям кавказского гостеприимства: он скрыл обиду, нанесенную ему незнакомцем гостем, и, застенчиво улыбаясь, даже протянул ему руку на прощанье.

А самообольщенный гость-«благотворитель» делает из этого вывод, что для кабардинца «личности не существует», что «у него все симпатии и чувства уважения сводятся к одному общему знаменателю — деньгам. Он в них видит не одно средство — необходимое к жизни, а, так сказать, утеху всей своей жизни!» И это все наделала серебряная монетка, которую автор грубо навязал несчастному старику-кабардинцу!

В № 133 той же газеты за тот же год какой-то неизвестный поэт, обливаясь крокодиловыми слезами, посвящает свое стихотворение кабардинскому народу. Приведу его целиком:

*Как крот в норе, в судьбе злосчастной (!)
Твои сыны давно сидят
В дремоте жалкой, — безучастно
На просвещение глядят!
Твой дух воинственный и пылкий*

Давно уж время пережил
И стал теперь в минуты жарки (?)
Как *приведенье темных сил...* (!)
Смотри, кругом прогресс науки
Творящим гением царит,
Твой ум заснул почти навеки,
Любовью к свету не горит...
Оставь мечты свои безумны
Вернуться к прошлой старине
И разговоры свои шумны
Стоять от русских в стороне!..
Тебя давно семьею близких
Считают русские сыны.
Отстань от всех привычек низких (?),
Что навевают злые сны...
Отдайся временно теченью
И *слейся* с русской душой,
Стремись скорее к поученью,
И в нашей родине большой
Всегда найдешь пути широки
Для просвещения ума,
Когда уверуешь глубоко,
Что всем несчастьям корень — тьма!

Не правда ли, как трогательно!

Немало достается и осетинам, хотя все сообщения о них удивительно противоречивы. Газета их рекомендует то необыкновенно культурной нацией, сознавшей пользу образования и готовой совершенно «слиться с русской душой»... То она их причисляет к общему типу кавказских «дикарей-хищников», к которым не может привиться никакая культура.

Так, например, какой-то «Очевидец» в корреспонденции из сел. Ногкау (№ 68 за 1897 г.), подробно изложив историю инициативы, мотивов и способов постройки в магометанском селении Ногкау церкви-школы, при описании пышного торжества закладки ее говорит, что когда магометанам-осети-

нам было предложено «по-своему помолиться богу о том, чтобы господь благословил и упрочил начатое у них дело церкви-школы», то «магометане сел. Ногкау тут же, став в ряд с муллою своим, сотворили по-своему молитву».

«Селение Ардон,— пишет другой корреспондент в № 64 «Терских ведомостей» за 1897 год,— *состоит из станицы и окружающих ее аулов*; первая населена, большею частью, неслужащими нижними чинами казачьего сословия, а последние — исключительно осетинами (православными и магометанами); селение это, в общем довольно обширное, расположено на плоскости, частью окруженной горами с многочисленными мелкими, грязными и зловонными речонками, вследствие чего почва земли, особенно в аулах, имеет болотистый характер, влияющий зловредно на здоровье не только приезжих, но и коренных его обитателей, щедро награждая их лихорадками, головными болями, инфлюэнцей, тифом, скарлатиной, корью и т. д.».

Вот поистине перл достоверности сведений о местностях, находящихся от редакции «Терских ведомостей» на целых 35 верст! «Селение Ардон состоит из станицы и окружающих ее аулов!» Но не в этом дело. Корреспондент очень озабочен устранением выделки противозаконного напитка «раки», в котором «чуть ли не 100 % сивушного масла» и который служит «проводником к развитию болезней», но считает, однако, невозможным достижение этого, так как и производство и продажа «раки» происходят тайно и «если бы кому-либо и удалось накрыть этих контрабандистов-осетин,— то он рискует быть или избитым до увечья, или даже убитым».

Несчастливые акцизные чиновники, каково служить вам при таких условиях!

«Говоря короче,— продолжает корреспондент,— коренное население этого селения представляет собою олицетворенную лень, грубость и необузданность, никем и ничем не наказуемые, избегающие дела и грамотности более, чем какой-либо «злосчастной эпидемии», выражаясь: «что-де нам проку в вашей грамоте, на что она нам нужна?.. Вот «духан» или «рака» — нам нужнее, по-крайности можно и выпить и погулять, а гульбища мы любим».

«Проку мало нам в ученье,
Нет нам лучше просвещения
Как за водкой!..
Эх, ардонец ты ленивый,
Не умом берешь, мой милый,—
Только глоткой!..»

Кого корреспондент называет коренным населением — казаков или осетин и кому он посвящает свое стихотворение, положительно нельзя понять. Зато он дальше говорит гораздо яснее.

«Весьма грустно и больно видеть, что в этом ауле помещается среднее 6-классное учебное заведение (миссионерская семинария), переделанное, неизвестно для какой цели, из «осетинского училища» и для кого?... Неужели же для этих черствых осетин, которые занимаются исключительно торговлей кукурузой, продажей дров и выделкою «раки»?.. Едва ли... Что им может дать и сделать из этих дикарей среднее учебное заведение?.. Вопрос подлежит серьезной разработке, но пока только можно сожалеть, что это учебное заведение находится в этом ауле, было бы целесообразнее, если бы оно находилось в городе».

Вся эта непозволительная галиматья, конечно,

не имела бы места в печати, если бы редакция «Терских ведомостей» более серьезно относилась к своим задачам. Смеем уверить г. Очевидца, что магометане сел. Ногкау «сотворили по-своему молитву» не о том, чтобы «господь благословил и укрепил начатое у них дело, церкви-школы», а действительно, «став в ряд с муллою своим» по случаю рождения государя императора, горячо молились о здравии и долгоденствии обожаемого монарха.

Констатированием этой истины я несколько не хочу умалить склонности жителей Ногкау к просвещению, тем более, что они сами гораздо раньше, чем возникла мысль о постройке у них церкви-школы, ходатайствовали по инициативе отставного генерал-майора Цаликова об открытии у них субсидированной школы ведомства министерства народного просвещения. Ходатайство их, как нам достоверно известно, уважено и в настоящее время с отпуском ежегодной субсидии в 700 рублей.

Ввиду такого блестящего окончания их разумного ходатайства они теперь, наверное, вновь станут в ряд с муллою своим и «сотворят по-своему молитву» не только за то правительство, которое так отечески-заботливо относится к нуждам их просвещения, но действительно и о том, чтобы господь благословил и укрепил начатое у них дело народной школы. Говорить же о молитве магометан-осетин по случаю закладки в их селении церкви, по крайней мере, слишком преждевременно.

Другая крайность, в которую впадает газета, еще более неосновательна.

Сел. Ардон (осетинское селение, а не казачья станица, окруженная аулами!) является редким исключением не только на Кавказе, как туземное

поселение, но и во всей России по тому напряжению, какое оно сделало для целей народного образования. Насчитывая у себя всего 500 дворов, оно выстроило обширное 2-этажное здание и с усадьбой и садом в 3 десятины передало его в распоряжение «Общества восстановления христианства на Кавказе» с тем, чтобы «Общество» открыло в нем соответствующее учебное заведение и при приеме учащихся отдавало бы предпочтение детям ардонских осетин. Так возникло в Ардоне Александровское духовное училище, имевшее исключительной целью воспитывать детей-осетин в духе православия. Впоследствии училище это было преобразовано в миссионерскую семинарию, уже с комплектом учащихся наполовину обязательно русских и только наполовину осетин, число которых стало пополняться по конкурсу без какого бы то ни было преимущества для ардонцев. Когда же семинарии понадобилась и та комната, которую выговорили себе для сельской школы ардонцы, то последние, получив взамен ее от «Общества восстановления христианства» субсидию в 1200 руб., построили новое школьное здание на 200 человек учащихся. Кроме того, у них имеется довольно обширное помещение для девичьей школы. Все эти постройки с усадьбой, садом и участком лучшей земли в несколько десятин, отведенным в постоянное пользование семинарии, стоят много больше 20 000 рублей. Все это должно быть хорошо известно «Терским ведомостям», и потому нельзя не поразаться появлению в этой газете вздора, какой несет ее ардонский корреспондент.

Больше всего, однако, достается ингушам.

Вот что говорит, например, некий Антон Константинович Султанов в № 32 «Терских ведомостей» за

текущий год, в статье «По поводу убийств».

«С наступлением ночи они (ингуши) из своих селений, окружающих Владикавказ, подползают в город поживиться достоянием трудящегося люда, лошадьми или рогатым скотом. Умственное развитие ингушей стоит на низкой степени и в силу этого вышесказанная склонность к хищничеству выработалась у них в культ молодечества и удалства; этим не исчерпывается проявление деятельности пресловутых джигитов — нет, в них рука об руку с любовью к чужой собственности замечается стремление пустить пулю в ближнего своего из-за угла, не разбирая ни пола, ни возраста».

На языке «Терских ведомостей» ингуши иначе не называются, как кандидатами на виселицу и хищниками. Прозвище это применяется поголовно ко всему племени, и преступник-ингуш не единолично является юридическим и нравственным ответчиком за свое преступление, а в совокупности со всеми, кто имеет несчастье быть членом не только одной с ним семьи и одного общества, но даже и одной нации.

Ты ингуш, значит — хищник, вор и убийца. Вообще, по мнению газеты, туземцы Кавказа если не все, то большею частью — «кандидаты на виселицу» и потому, конечно, церемониться с ними нечего.

Исходя из такого положения, газета зачастую предлагает весьма интересные меры насаждения в крае европейской культуры. О них-то я и поговорю в следующем письме.

1897

ГОРСКИЕ ШТРАФНЫЕ СУММЫ

Под таким названием в конце 50-х годов в окружных управлениях Терской и Кубанской областей были образованы особые фонды из штрафных сумм, взыскиваемых административным порядком с туземцев за маловажные проступки. Суммы эти должны были расходоваться на нужды самого же туземного населения, и для большей целесообразности их расходования был учрежден контроль из представителей тех же туземцев. В какой степени осуществлялись благие намерения князя Барятинского, учредившего указанные фонды, — сказать трудно, за неимением подробных сведений. Основываясь только на известном судебном процессе бывшего начальника Баталпашинского уезда Кузовлева, можно с достоверностью сказать, что за время его управления уездом горские штрафные суммы Баталпашинского уезда (Эльбрусский округ) расходовались по единичному произволу и далеко не на нужды туземного населения. Ожидаемый в недалеком будущем еще более грандиозный судебный процесс, где в качестве обвиняемых будут фигурировать почти все чины бывшей владикавказской окружной администрации с г. Голубовым во главе, вероятно, также ясно обрисует движение горских штрафных сумм Владикавказского округа до времени предания суду его администрации.

Выяснится, вероятно, и теперешнее положение этих сумм благодаря внезапной ревизии, произведенной 13 августа прошлого года генералом Гуниусом в хозяйственном отделении того же округа, коей обнаружена довольно крупная растрата. Арестован пока только заведовавший этим отделением г. Кры-

ницын и удален от должности начальника округа г. Мищенко. Вообще же нужно сказать, что ни в одном уезде или округе названных областей горские штрафные суммы не подвергались строгой отчетности и контролю за все время 40-летнего их существования. Особенно поразительным примером в этом отношении служит Нальчикский округ Терской области. Здесь и так называемые «кабардинские общественные суммы» имеют своим источником не только административные взыскания в виде денежных штрафов, но и весь доход от 315 тыс. десятин общественной земли, высочайше дарованной в 1889 г. кабардинцам. Из этого количества земли 63 тыс. десятин покрыты превосходным (в начале) строевым лесом. Сообразно такому большому, сравнительно с другими округами, богатству и поступления в кабардинскую общественную кассу должны быть, конечно, несравненно больше и обильнее. К сожалению, до сих пор нет никаких данных, чтобы хоть приблизительно определить годовую цифру этих поступлений. Ее не знают даже сами кабардинцы, и не только народ, но и отдельные его представители, так называемые «доверенные», не имеют ни малейшего представления о действительном положении общественной кассы. Это тем более удивительно, что кабардинцам, не в пример другим народностям Кавказа, разрешено прислать в Нальчик своих доверенных для обсуждения под председательством начальника округа общественных дел и нужд и, вместе с тем, для выслушания казначейских отчетов, проверки кассы и утверждения новых мест на текущие и предстоящие расходы. Эта ненормальность станет понятной, если принять во внимание, что все так называемые народные представители — люди поголовно

безграмотные, и попадают они на эту должность не по выбору, а по административному назначению, что заседания происходят при закрытых дверях и все участие «представителей» в совещаниях и проверке кассы ограничивается приложением их именных *мухуров* (печатей) к документам (если они имеются), совершенно не доступным их пониманию. Надо добавить еще, что общественный казначей состоит вместе с тем и общественным лесничим и заведывающим эксплуатацией всех «свободных» общественных земель, в том числе и упомянутого колоссального участка в 315 тысяч десятин.

Беспощадное хищническое истребление леса, беспорядочные распределение и сдача покосов и пастбищ в аренду, оставление «за неимением средств» без последствия многих общественных приговоров с ходатайствами об открытии в кабардинских аулах школ и других настоятельно необходимых учреждений и рядом с этим отсутствие какого бы то ни было заметного и целесообразного расхода на народные нужды — не могли не породить в лучшей части кабардинского общества стремления выяснить истинное положение народного хозяйства и принять меры к его наиболее правильному ведению. Все попытки в этом направлении оставались, однако, до последнего времени тщетными, а порой обходились и не без дурных последствий для их участников.

Только весной прошлого года все кабардинское общество обратилось к своим членам, трем генералам — Шибшену, Алтадукову и Джамбекову, с просьбой взять на себя труд по ходатайству от его имени о предоставлении ему возможности проверить свою кассу и урегулировать свое хозяйство.

Ходатайство генералов закончилось успехом.

От 4-го декабря прошлого, 1897 года за № 20 675 было получено предписание командующего войсками Кавказского военного округа на имя начальника Терской области, служащее ответом на это ходатайство.

В силу этого предписания, по кабардинскому общественному лесничеству соединение должностей общественного казначея и общественного лесничего в одном лице не должно быть допускаемо на будущее время. Признано также необходимым принять безотлагательные меры, чтобы заведование кабардинскими лесами было установлено во всех отношениях на началах, принятых в казенных лесничествах. Далее, для упорядочения дела по эксплуатации запасных кабардинских земель, с целью увеличения их доходности, предписано приступить к пересмотру правил об этих землях. По приходу и расходу кабардинских общественных сумм предписано восстановить во всем объеме ныне действующие правила об этих суммах, утвержденные кн. Барятинским, а для обревизования правильности прихода и расхода общественных сумм за последнее время назначить комиссию.

Остается только пожелать, чтобы это предписание как можно скорее было приведено в исполнение. Было бы также очень желательно, чтобы действия его не ограничились одним только Нальчикским округом, а коснулись бы и других округов и уездов как Терской, так и Кубанской областей.

1898

НЕУРЯДИЦЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

I

Уже несколько лет в обществе и в печати циркулируют известия, свидетельствующие о каком-то странном и, во всяком случае, далеко не нормальном положении вещей на Кавказе, населенном многочисленными кавказскими племенами и управляемом, как известно, полувоенной администрацией. За последний год разного рода слухи и известия, — иной раз весьма печального свойства, — не только не прекращаются, а, напротив, усиливаются и на интересующуюся делами Кавказа публику производят впечатление кошмара, в котором никак нельзя разобраться. Не только чувствуешь, а можно сказать, даже осязаешь какие-то угнетающие явления, волнующие всю обширную территорию Кавказа; но в то же время не видишь света; картину окутывает густой мрак, сквозь который нет возможности разглядеть с достаточною ясностью те вызывающие кошмар факты, которые, точно туманные призраки, постоянно проносятся на панораме обширного и далекого края. В прошлом году в газетах были напечатаны заимствованные из официальных «Терских ведомостей» известия о том, что терская администрация, в видах прекращения каких-то изумительных разбоев и грабежей, приказала не выпускать во Владикавказе после солнечного заката туземцев из их жилищ, дав право полиции арестовывать каждого туземца, который вздумает ночью появиться на улицах злосчастного города. К этим известиям прибавляли, что для усиления местной полиции привлекаются целыми селениями конные стражники.

Рядом с этим в кавказских, а затем и в столичных газетах были помещены известия, что 6000 семейств, т. е. около 30 000 человек туземного мусульманского населения решили выселиться с Кавказа в Турцию и в этом смысле возбудили ходатайство перед султаном и что в то же время сектанты-духоборы получили разрешение русских властей навсегда эмигрировать... Если мы ограничимся только приведенными известиями и слухами, то и в таком случае будем иметь полное основание подозревать, что на воспетом нашими знаменитыми поэтами, Пушкиным и Лермонтовым, Кавказе дело весьма далеко от того положения, которое в официальных донесениях обыкновенно резюмируется фразой: «Всё обстоит благополучно».

К сожалению, с Кавказа доходят до нас только сжатые и отрывочные известия о самых фактах тамошних ненормальностей, но о причине их мы, говоря по правде, почти ничего не знаем, а если кое-что и знаем, то как-то загадочно, туманно и, во всяком случае, односторонне. Мы слышим пока одну сторону, а другой стороны совсем не слышим. Быть может, она что-нибудь и говорит; быть может, она и силится что-нибудь нам объяснить, но отзвуки оттуда остаются «гласом вопиющего в пустыне».

По всем версиям, доходящим к нам с Кавказа и пропущенным сквозь официальную призму, оказывается, что во всей сумятице, бесспорно совершающейся теперь на Кавказе, виновны единственно и исключительно полудикие, недисциплинированные туземные племена, упорно противящиеся приобщению их к всероссийской цивилизации. Из патриотизма мы искренно желали бы, чтобы это объяснение соответствовало истине, но... но мы позволяем себе ду-

мать, что существуют и другие объяснения происходящих ныне на Кавказе ненормальностей. Отказавшись от напеваемых там толкований, возьмем жалобы местностей, возьмем на себя труд *sine ira* обрисовать положение дел на Кавказе, а это приводит к любопытным выводам, которыми мы и поделимся с людьми, интересующимися судьбами обширного, богатого, благословенного богом и русским оружием дарованного нам края. Для краткости ограничимся пока только Северным Кавказом и, главным образом, Терской областью.

II

В то время, когда народы Закавказья владели свое рабское существование под деспотическим гнетом всевозможных царей, султанов, ханов, беков и князей, туземцы Северного Кавказа: осетины, чеченцы, ингуши, аварцы, абазинцы, кабардинцы, закубанские черкесы и т. д. в продолжение многих столетий, вплоть до водворения там русской власти, пользовались полнейшей свободой. Занимая строго определенные территориальные районы по северному склону кавказского водораздела, — от Каспийского почти до Азовского моря, — все перечисленные народности никогда не были ни в каком подчинении не только друг у друга, но даже и у знаменитых в свое время, могущественных монголо-татарских завоевателей, вторгавшихся в пределы Северного Кавказа. Правда, неимоверная сила последних, после долгой и упорной борьбы, вынуждала туземцев временами бросать свои роскошные равнины и замыкаться в тесных ущельях гор, но эта же «теснота»

спасала их и от «обида»: они избавлялись не только от позорного рабства и данничества, но и от тлетворного влияния своих врагов. Напротив, постоянные набеги храбрых и подвижных горцев, причиняя неисчислимые неудобства оседавшим на их равнинах монголо-татарским завоевателям, очень скоро заставляли последних переносить свои станы и кочевки подальше от гор и более слабую их часть попадать к ним даже в холопы, слуги и данники, а в лучшем случае искать с ними сближения и оставаться на их землях в качестве арендаторов или покровительствуемых гостей. Несомненность этого явления наглядно доказывается остатками монголо-татар и киргизоногайцев, рассеянных по Кубанской, Терской и частью Дагестанской областям и находившихся до освобождения крестьян при Александре II в той или другой зависимости от разных фамилий чисто туземного происхождения. Кроме того, ни одно из перечисленных выше кавказских племен никогда не имело над собой единолично распоряжающейся всем народом власти. Каждое из них, сообразно занимаемой местности, распадалось на отдельные, зачастую очень резко обособленные общества, с тем или другим количеством аулов разной величины и населенности. В свою очередь и эти общества, каждое в отдельности, никогда не знали над собой единичной власти. Не было ее, в строгом смысле слова, даже в отдельных аулах. Даже в горах, где ценность земли превышает всякую вероятность, только пахотные участки земли составляли неприкосновенную собственность отдельных семейств, — леса же, луга и пастбища принадлежали целым обществам или непременно фамилиям. А на плоскостях, в равнинах, земли были в полном смысле

слова общинными. Таким образом, и имущественная зависимость народной массы от небольшого числа землевладельцев, как это было, например, в России или Грузии, среди туземцев Северного Кавказа не имела места; о единоличном же произволе над нею и говорить нечего... Даже в Кабарде, где сословная рознь нашла наиболее благоприятную почву, народ никогда не был ни в личной, ни в имущественной зависимости от своих так называемых князей. Все преимущество последних состояло в их предводительстве толпой в набегах или обороне, а затем, конечно, и в львиной доле при дележе добычи, благодаря чему они располагали большим имуществом в виде построек, оружия, домашней утвари, лошадей, крупного и мелкого скота. Дети их наложниц, приемыши, беглецы, укрывавшиеся у них от преследования кровников, или даже просто любители кормиться остатками богатого стола и одеваться в старье с «княжеского» плеча, — составляли обыкновенно их даровую рабочую силу и прислугу, но при неотъемлемом праве оставлять своих «господ» во всякое время. Таким образом, в Кабарде собственно население было свободно от господства единоличной власти. Выработанные веками народные традиции, «адат» и обычное право — вот единственные факторы, которые господствовали и управляли свободными племенами Северного Кавказа, представлявшими собою не правовое государство с властями во главе, а общинное товарищество, управлявшееся лишь обычным правом и выборными лучшими лицами их товарищества. Общинные и народные вопросы всегда решались собранием родовых и общинных представителей, избираемых всегда заново для каждого случая. При этом все члены таких совещаний

пользовались одинаковым правом голоса и на решение вопроса имели преобладающее влияние лишь их опытность, мудрость и красноречие, а не родовитость и происхождение. Одним словом, никогда и нигде среди туземцев Северного Кавказа не было произвола над массой. Выработанные, таким образом, длинным рядом поколений, на исключительной почве свободы, социальные идеалы и верования закрепились в таких глубоких тайниках духовной самобытности туземцев, что ее по существу совершенно еще не коснулись ни магометанство, ни даже христианство, несмотря на очень давнее их проникновение на Северный Кавказ.

Вот в общих чертах те особенности строя, с которым пришлось иметь дело русскому правительству с самого начала борьбы за край. Здесь надо было покорить в отдельности не только всякое племя, но и каждую общину, а зачастую и просто фамилию, заседавшую где-нибудь на неприступной скале. Здесь каждая община, каждая фамилия в отдельности представляли самостоятельную политическую единицу и имели право располагать своею судьбою по своему усмотрению. Не подлежит поэтому ни малейшему сомнению, что режим, установившийся на Северном Кавказе после его покорения, с первых же шагов пошел совершенно вразрез с духовно-социальным строем туземцев, во всех его разнообразных проявлениях, — до самых пустых мелочей включительно. Новые властители Северного Кавказа, к сожалению, не вполне поняли правовые и бытовые особенности завоеванных племен и решили сразу применить к ним такие государственные нормы, к восприятию которых они решительно не были подготовлены предшествовавшей своей историей. На

независимого, свободолюбивого, храброго и воинственного туземца решили, без всякой предварительной подготовки, наложить бремя, о котором он ранее не имел ни малейшего понятия. Это и послужило одной из главнейших причин несогласий, установившихся между победителями и побежденными и продолжающихся, увы! до сего дня.

III

Наивные туземцы в первые годы после покорения края не теряли надежды если не вполне вернуть свою свободу, то, по крайней мере, сохранить свою духовно-нравственную самобытность, и потому каждое мероприятие русской власти, направленное против таковой, они встречали с большим неудовольствием (не исключая даже приема на казенный счет в кадетские корпуса и гимназии детей «влиятельных» лиц из их среды), усматривая в этом стремление к их обрусению.

Чувство северных кавказцев возмущалось тем, что правительство предоставляло разного рода льготы и отличия тем из туземцев, которые мирились с правительством и шли добровольно к нему на службу. И нужно сказать правду, что последние послужили немало-таки несогласию, существующему теперь на Северном Кавказе между туземцами и русской властью.

Оно и понятно: посредничество этих «благонадежных» и «влиятельных» лиц систематически вводило последнюю в более или менее крупные ошибки, которыми недобросовестные из этих посредников пользовались для своих честолюбивых и корыстных целей. Потеряв уважение единоплеменников, они не останавливались ни пред чем, чтобы заставить

их трепетать перед своим могуществом, и действительно достигали поразительных результатов. Все добровольные и принужденные единоличные и массовые выселения туземцев в Турцию, в Россию и в Сибирь были последствием самых нелепых доносов, тайной и открытой агитации этих «отщепенцев», которые пользовались народным добром, наследуя земли и имущества высылаемых по их наущениям. Чтобы составить себе ясное понятие о том кавказском типе, который туземцами называется «изменником» и который, вертясь между русской администрацией и туземцами и служа первой ябедничеством, а в отношении туземцев являясь «provokatorom», нужно только познакомиться с процессом некоего Хоранова, имевшим место осенью прошлого года во Владикавказском окружном суде и отчет о котором помещен в № 243 «Тифлисского листка». Это — яркий тип местного смутьяна, действующего в целях личной корысти, возможность появления которого обусловливается именно ненормальностью существующих отношений. Втираясь посредником во всех сношениях туземцев со всеми государственными судебными-административными учреждениями, эти «отщепенцы» развили в крае мздоимство в свою пользу до таких невероятных размеров, что никакой туземец и слышать теперь не хочет, чтобы по русским законам можно было решить правильно даже самое пустое дело. Взятки получают ими (якобы для передачи русским властям) и с правых, и с виноватых, а при недовольстве туземцев исходом вверенного им дела вся вина сваливается, конечно, на русское должностное лицо, которое и рекомендуется ими туземцам или дураком, или очень злым на то, что ему мало дали...

Кроме присущего всякому человеку антагонизма, какой он может питать к врагу, кроме ложного представления о русской власти и правосудии, какие составляли себе туземцы, благодаря ненавистному для туземцев посредничеству презируемых ими их же земляков, большое количество недоразумений и преступлений на Северном Кавказе, в первое время после завоевания его, да и теперь, обусловливается еще тем, что казачьи станицы поселены вперемежку с плоскостными аулами туземцев. Нескончаемые столкновения из-за межи, потравы, порубки и прочего не только не убивают чувства неприязни между только что рознятыми врагами, а напротив, с каждым днем усиливают их взаимную ненависть.

Ни один честный казак не станет отрицать, что охота на «гололобых собак» до самого последнего времени считалась у казаков очень занятным развлечением. И действительно, они их били везде, при всяком удобном случае, — не только в дороге, в лесу и в степи, но и у себя в станицах, ночью, в сумерках и даже днем, на глазах у собравшейся на даровое зрелище толпы. «Кто убил?» — «Не знаем... Должно, лез воровать, — вот его и подстрелили»... Этим кончалось обыкновенно судебно-полицейское дознание о «мертвом теле», найденном в навозе или в луже и вырытом какой-нибудь Агашкиной свиньей. Всякое воровство, всякая пропажа — от лошадей и быков до арбуза и кочана капусты — все взваливалось на туземцев: никому не стало житья от этих «голодных азиатов», «проклятых нехристей», «гололобых собак»... Это озлобление против туземцев с особенной яростью проявлялось в Терской области, где туземные и казачьи поселения перемешаны более беспорядочно и где земельные наделы казаков

и по количеству, и по качеству далеко оставляют за собой наделы туземцев.

Само собой разумеется, что и туземцы всячески старались и стараются не оставаться в долгу и подчас жестоко мстят русскому населению. Но какая разница в положении сторон!

IV¹

О наказаниях, которым подвергались туземцы до окончательного их «замирения», страшно и вспомнить. Да не о них и речь. Преступление, за которое туземца прогоняли сквозь строй, ссылали в Сибирь или просто-таки расстреливали домашним порядком, казаку или вовсе сходило с рук, или ограничивалось дисциплинарным взысканием. Практиковалось это уже после «замирения» и не так еще давно. Но минула и эта пора... На Кавказ стали проникать вести о новых реформах, появились пионеры европейской культуры, стали открываться школы, освободили крестьян, отменили телесное наказание, завели суд, скорый, правый и милостивый... Казалось, вот самый достойный, самый верный и кратчайший путь к приобщению к благам культуры туземцев и к духовному слиянию их с нашей общей родиной. «Но то был сон».

Для возможно большей краткости мы укажем только на то, что, параллельно реформам Александра II и их широкому применению по всей Рос-

¹ Не успели мы закончить свою статью, как в № 41 «Терских ведомостей» появилось уже «опровержение» «неизвестного публициста» Г. В., но прежде, чем отвечать ему, мы будем продолжать свою «печальную повесть».

сии, предпринималось по отношению туземцев одной только Терской области.

Вскоре после оставления поста начальника Терской области графом Лорис-Меликовым, который, надо отдать ему полную справедливость, умел достичь в короткое время весьма значительных результатов в упорядочении дела народного управления, были изданы особые постановления для охраны имущества проживающих в области русских от хищничества туземцев. Согласно этим постановлениям, жители всякого аула, в пределы юрта которого будут введены следы, взятые с места происшествия, должны или вывести эти следы за свои границы, или выдать преступника, или уплатить стоимость украденного имущества.

Всякий, кто сколько-нибудь знаком с процедурой «ведения следов», не может не подтвердить, какой это крайне ненадежный способ нахождения действительного места укрывательства похищенного имущества. А в крае, где, благодаря широкой постановке скотоводства в обилия лошадей, не только улицы, дороги, мосты и переправы, но и вся степь помята копытами всевозможных сортов и по всевозможным направлениям, — ненадежность этой «индейской науки» становится еще более очевидной. На протяжении первых же 3—5 верст могут найтись тысячи примет, способных вызвать отклонение от действительных следов грабителей и их добычи. А так как с каждой минутой «свежесть» преступных следов быстро теряется под последующими следами движущихся по улицам, дорогам и выгонам двуногих и четвероногих, то, даже и при верности взятого первоначально направления и правильном доведении следов до выгона соседнего поселения, не может

уже быть речи о возможности вывести их из последнего, хотя бы воры и на самом деле пересекли его одним только часом раньше прибытия погони. Да если уже это и вправду так легко, то почему следы никогда не доводятся до самого того порога, за которым скрывается преступник? И если, наконец, даже допустить, что следы преступления действительно укрылись в данном поселении, то разве все-таки возможно требовать от жителей, чтобы они знали каждый шаг каждого своего односельца? Будь это небольшой хуторок или даже аул, население которого состоит из близких между собою родственников, такое требование имело бы еще хоть какое-нибудь основание, но предъявлять его к селению в 200—300 дворов крайне нецелесообразно и несправедливо. Тем не менее, нам известны аулы, где годовая сумма платежей «за следы» доходит до 25—30 и более рублей с *дыма*, при безусловно равномерной раскладке их между богатыми и бедными, между действительными, быть может, ворами и вдовами с кучей голодных малолетних детей! А как производится самое взыскание штрафов за «следы», как зачастую у несчастной семьи отбирается последняя коровенка, арба, котелок, а иногда даже «священная» цепь над очагом,— это все мы оставляем на совести ревностных сельских старшин, которым поручается сбор штрафов,— помимо судебных учреждений, просто по одному административному приказанию.

Порядок назначения старшин, несомненно, во многом способствует безуспешности борьбы их с преступлением. Общество, лишенное права выбора из своей среды заведомо достойнейшего занять эту ответственную и весьма серьезную в жизни сельского населения должность, считает себя нравственно

свободным от всякого содействия успешности мероприятий старшины, ставшего над ним по «постороннему» назначению. Безразличное отношение к нему переходит обыкновенно в неприязнь, если старшина к тому же не коренной житель подчиненного ему селения, прямо во вражду, если он другой национальности и бесцеремонно третировает духовно-национальные особенности и традиции подведомственных его власти туземцев.

Легко себе представить, каким авторитетом пользуются в туземных аулах старшины из казачьих урядников, в большинстве случаев постоянно пьяные, грубые в действиях и омерзительно непристойные в выражениях. Не следует при этом еще забывать и то, что старшины, назначавшиеся прежде по выбору, ограничивались жалованьем в 150—200—300 р., а теперь назначаемым администрацией старшинам обществу приходится платить 500—600 руб. при квартире с отоплением, освещением и прислугой.

Заведенный в 1882 году порядок передачи «особо важных» дел, где в качестве обвиняемых фигурируют туземцы, на рассмотрение военно-полевому суду также ни в каком случае нельзя признать скорее достигающим правительственной цели, нежели рассмотрение их в общесудебных учреждениях. Всякий казненный разбойник, какой бы отвратительной репутацией он при жизни ни пользовался среди туземцев, попадая на виселицу, тотчас же в их глазах становится жертвой или мучеником, а более «благородные» абреки навсегда остаются в памяти народа и в песнях, прославляющих их «геройские» подвиги: позорная казнь становится ореолом подвижничества и актом триумфа. А возможность судебной ошибки?

Если даже наши суды присяжных, где подсудимый так широко и всесторонне гарантируется от незаслуженной кары, впадают зачастую в значительные ошибки, исправляемые (всегда ли?) благодаря только существованию последующих контрольных инстанций, то почему непозволительно усомниться в непогрешимости военно-полевого суда, роковую ошибку которого невозможно исправить никогда и ничем?

На Кавказе, при малом распространении государственного языка и изумительно плохой постановке дела предварительного дознания и судебного следствия, судебные ошибки возможны на каждом шагу. Примеров — бесконечное множество. В практике же военно-полевого суда нам известно одно дело, где обвинение было построено: а) на «ссохшихся» сапогах, оказавшихся при экспертизе на суде не соответствующими той мерке, которая была снята со следов на месте преступления; б) на белой костяной запонке совершенно другой формы, чем найденная на месте преступления (круглая и четырехугольная); в) на грязно-желтоватых пятнах старого заплатанного бешмета, как на «вероятных следах крови», а по объяснению подсудимого — просто масляной краски, которою он красил забор владикавказского ремесленного училища, что подтвердил и смотритель училища, как один из главных свидетелей процесса; д) на ржавчине кинжала, которая медицинским отделением терского областного правления была признана за «следы крови млекопитающегося», отчего, надо заметить, не гарантирован ни один кинжал в туземном обиходе при частом убое животных, поступающих в пищу, и е) на опровержения alibi подсудимого тем, что он, как туземец(!), мог с 11—

12 часов вечера пробежать к месту преступления пешком 25 верст и перерезать семью в пять душ, в то время когда глава ее, «вероятно», отправлялся уже на базар (в 4—5 часов утра), и затем опять пробежать те же 25 верст обратно домой к 6—7 часам утра, т. е. сделать ночью, пешком в продолжение 7 часов 50 верст, больше чем наполовину по отвратительнейшей горной тропе с невообразимыми подъемами, не говоря уже о времени какое могло понадобиться. на месте совершения преступления. И, несмотря на то, что *в деле не оказалось ни одной прямой улики, суд, по совокупности всех косвенных улик, признал подсудимого виновным и приговорил к смертной казни* через повешение. И он, действительно, был повешен при огромном стечении народа в 2—3 верстах от Владикавказа... С тех пор по всем уголкам Северного Кавказа с именем казненного Каирова таинственно бродит мрачный призрак бесправия и беззакония на земле...

V

Но что все это в сравнении с экзекуцией! В то время, когда «мертвые тела» туземцев, «усматриваемые» в юртах, а то и просто на улицах и площадях казачьих станиц, остаются для последних без всякого последствия, каждое «мертвое тело» казака вырастает обыкновенно в экзекуцию для того туземного населения, в юрте которого оно усмотрено, будь это хоть на самой проезжей дороге. Сначала, чтобы дать делу законный «вид и толк», туземцам предлагается выдать преступника, а когда они «не пожелают» сделать этого, то в аул присылается рота солдат, эскадрон драгун или сотня казаков, а то и больше,

смотря по величине аула. «Гости располагаются, как у себя дома, и, получая все свое продовольствие от «хозяев» даром, конечно, не отказывают себе в возможно лучшем его качестве и обилии. Если самое обыкновенное квартирование войск в деревнях редко когда не сопровождается нравственной грязью, духовным растлением и множеством обид и оскорблений, то надо себе представить, что делается в ауле, где «по приказанию командира гуляет» рота солдат или сотня казаков, «чтобы, значит, гололобому нехристю неповадно было бунтовать». Если у самой заурядной, благополучно обставленной туземной семьи всего годового заработка и запасов зачастую хватает только на то, чтобы еле-еле сводить концы с концами, то нетрудно понять, до какого безвыходного положения, отчаяния и ужаса бывает доведена большая часть населения того аула, где экзекуция стоит месяц, два, а иногда и больше... В этом поголовном разорении сотен и тысяч ни в чем не повинных семейств из-за одного подозрения, что в их среде скрывается несколько негодяев, может истощиться не только туземное, но и истинно христианское многотерпение... А если отыскиваемый преступник никогда и не был в разоренном ауле? А если действительно в ауле никто не знает, кто именно совершил данное преступление, хотя б и в самом деле не подлежало сомнению, что преступление совершено непременно кем-либо из этого аула? Надо только на одну секунду допустить возможность такой ошибки, чтобы понять жестокость этого мероприятия! Для примера достаточно вспомнить не особенно давний случай с балкарским селением Нальчикского округа после гибели известного английского альпиниста с его проводником, кажется,

швейцарцем, при переходе их через главный Кавказский хребет. Небольшое селение было заподозрено в укрывательстве предполагаемых убийц иностранцев и подверглось строжайшей экзекуции... И только когда специально для этого снаряженная английская экспедиция отыскала в расщелине одного ледника трупы несчастных альпинистов, удостоверила через главное кавказское управление, что нет ни малейшего намека, чтобы последние могли стать жертвою преступления, с балкарцев была снята опала. Но это было уже после того, как они выдержали *четырёхмесячную экзекуцию...*

VI

С особенной энергией эти меры применяются в Терской области за последние 7—8 лет. Параллельно с ними с необычайной силой росла и административная высылка. Опубликованные 20 декабря 1895 года временные меры об изменении узаконений административной высылки, как известно, ограничили исключительные полномочия административных властей тем, что «местные власти, убедясь в необходимости удалить из подчиненной их ведению местности порочное в том или другом отношении лицо, делают о том представление г. министру внутренних дел с подробным изложением мотивов, вызывающих его».

На Кавказе это ограничение существовало гораздо раньше, только в иной форме. «В случае значительного в той или другой местности Кавказа усиления следующих преступлений: сопротивления правительственным властям, убийств, разбоев, грабежей, скотокрадства и притонодержательства — главноначальствующему предоставляется тех, принадлежащих к

туземному населению лиц, которые, но имеющимся у местной административной власти достоверным сведениям об участии их в означенных преступных действиях, оказываются вредными для общественного порядка и безопасности, удалять в избранную для сего местность в пределах Кавказского края, с воспрещением всякой из нее отлучки в течение определенного срока, не свыше, однако, пяти лет, а также высылать из края, на такой же срок, на жительство в места, которые будут назначены для сего министром внутренних дел. Та и другая мера приводится в исполнение не иначе, как по предварительному рассмотрению каждого вызывающего применение оной случая в совете главноначальствующего (ст. 26 учрежд. управл. Кавказского края, т. II, изд. 1892 г.). Вышеизложенные, принадлежащие главноначальствующему «чрезвычайные права и полномочия, предоставленные ему по личному доверию верховной власти, не могут быть передаваемы не только начальникам областей или губернаторам, но даже, как видно из ст. 29 учрежд. управл. Кавказского края, и помощнику главноначальствующего» (указ правительствующего сената 14 июня 1896 г. № 19 761).

Между тем, директор канцелярии главноначальствующего на Кавказе, в отзыве от 6 августа 1883 года, сообщил начальнику Терской области, что «главноначальствующий признаёт практиковавшуюся до того меру переселения горцев, в видах обуздания их порочных и хищнических наклонностей, из одного округа в другой в пределах области, временно, впредь до исправления поведения или прекращения причин, вызывавших удаление таких лиц из сельского общества, вполне целесообразною и полезною

и поэтому *предоставляет* начальнику области и на будущее время применять в необходимых случаях означенную меру собственною властью, с донесением о том каждый раз главноначальствующему для испрошения утверждения сделанного распоряжения» (тот же указ правительствующего сената).

Казалось бы, что по смыслу этому туземец, переселенный «в необходимых случаях» из одного округа в другой, «временно, впредь до исправления поведения», подвергается, собственно говоря, не какой-либо строгой каре, а, напротив, заботливо, для ослабления дурного влияния на него данной среды, переводится в такую обстановку, где он найдет разумное применение своим способностям и силам, быстро перевоспитается и сделается полезным членом общества.

Насколько эти соображения руководили администрацией Терской области, видно по острову Чечень, куда с «воспитательной» целью ссылаются туземцы со всей Терской области. По описанию газеты «Северный Кавказ», остров Чечень находится в Кизлярском отделе, в 90 верстах от Кизляра и в 23—25 верстах от материка. Окружность его не превышает 30 верст. Почва — песчаная, с большою примесью ракушек и с самой жалкой, какую только можно себе предстаить, растительностью. Климат — убийственно лихорадочный; на всем острове нет и признаков пресной воды.

В зимние месяцы остров совершенно отрезан от мира, и только с наступлением весны и с освобождением пролива от льдин с ним восстанавливается сообщение. Вся провизия и вообще предметы потребления доставляются с материка.

Казармы, выстроенные для «переселенцев» на острове, рассчитаны на 100 человек, но в них обыкновенно содержится до 150 и более. Жизнь, какую им приходится здесь вести, не поддается описанию. Лишенные на целую зиму воздуха, тепла и света, питаются круглый год самой отвратительной пищей, не имея глотка пресной воды, им никогда не позволяют отлучиться из казармы, не позволяют заниматься, наряду с промысловыми крестьянами, рыбной и тюленевой охотой, словом, лишают их всякой возможности применения даже мышечной силы, не говоря уже о каком бы то ни было духовно-нравственном усовершенствовании.

Вот в какие палестины попадает туземец, отрываемый от дорогой ему родины, полной чарующих красот, с пышной растительностью, чистой студеной водой и здоровым горным воздухом.

Напрасно бы мы искали между этими переселенцами лиц, проступки которых можно было бы подвести под вышеуказанную статью 26 учрежд. управл. Кавказского края — ничего похожего! По словам той же газеты, «туземец» перемещается не за профессиональное воровство, грабежи, ростовщичество или неуживчивый буйный характер, нет! — в громадном большинстве случаев перемещаемые — натуры недюжинные, честные, правдивые и уважаемые обществом; чем их влияние на общество больше, тем они скорее попадают в немилость, и уже ни возраст, ни семейное их положение, ни коллективная просьба общества не спасают их от «перемещения». Простого столкновения со старшиной из-за вымогаемого последним «общественного» ли приговора или какого-либо другого действия, идущего в ущерб общественным интересам, достаточно, чтобы

попасть на Чечень. «Бунтовщика», тотчас же по доставлении старшины, требуют в округ, «делают разнос», сажают в тюрьму и затем, без предварительного следствия и суда, записывают к отправке на остров с ближайшим эшелонem таких же «переселенцев». Зачастую он даже не знает, за что его ссылают.

Некий С. Сикоев был сослан на Чечень только за то, что брат его, приговоренный к каторге убийца, бежал из владикавказской тюрьмы и скрылся неизвестно куда. После долгого пребывания на острове, изнуренный лихорадкой С. Сикоев, возвращаясь на материк, утонул с 3—4 товарищами в проливе, оставив старуху-мать с малолетним братом без всяких средств к существованию.

Срок ссылки назначается произвольно, от одного года до четырех и более лет. По прибытии на остров, в первый же месяц мощный и подвижной туземец бледнеет, осовывает, впадает в тупое равнодушие, заболевает злокачественной лихорадкой, которая, за полным отсутствием даже самой элементарной медицинской помощи, с поразительной быстротой истощая организм, в несколько месяцев доводит его до полного разрушения; нет почти случая, чтобы кто-нибудь выдержал четырех- и даже трехгодичный курс этой излюбленной местною администрацией школы перевоспитания туземцев. Вот почему перемещаемых на остров Чечень «беспокойных» туземцев есть полное основание назвать «заживо погребенными» («Северный Кавказ»). И за это «удовольствие» с каждого из них взимается еще по 40 руб. в год на харчи!

Много ли сделала администрация Терской области в смысле просвещения туземного населения, в смысле приведения его к началам гуманности, приобщения к общечеловеческой культуре и улучшения его экономического благосостояния, одним словом, для широкого развития в крае всего того, что составляет постоянную заботу нашего правительства, пекущегося одинаково горячо о всех своих подданных?

Категорический ответ на этот вопрос мы находим, к величайшему удивлению, в «Терских областных ведомостях», в органе местной администрации, в газете, которая в обычное время рекомендует туземцев не иначе, как «кандидатами на виселицу».

«Следует ни на минуту не упускать из виду, — заявляет газета, — доверчиво обращенного на нас восприимчивого взгляда здешнего туземца, жаждущего перенять от нас все доброе, хорошее по содержанию, а не по форме только, хотя последней многие бездарности отдают предпочтение. Между тем, если мы с этой точки зрения окинем цивилизаторскую деятельность наших предков, дедов и отцов, то, положив руку на сердце, должны беспристрастно сознаться во всеуслышание, что вообще немного, к сожалению, ими сделано в этом отношении» («Терские ведомости», № 71, 23 июня 1896 г.).

И действительно, так немного, что меньше уж нельзя! На всю Чечню, Ингушетию, Кабарду и Балкарию (с населением свыше полумиллиона душ) имеются всего три горские школы, открытые еще при кн. Барятинском в Грозном, Назрани и Нальчике. Школы эти, хотя и содержатся, главным образом,

за счет «горских штрафных сумм» (см. № 73 «Сын отечества» за прошлый год), но в них иногда больше чем наполовину учатся дети русских слобожан, мещан и мелких служащих по народному управлению.

Осетины, только благодаря заботам «Общества восстановления православия на Кавказе», в этом отношении обставлены несколько лучше. Этот факт достаточно красноречиво характеризует, какое значение придает местная администрация системе воздействия на туземцев культурно-просветительными мерами. В то же время нам известны случаи, когда она не разрешила интеллигентным туземцам открыть даже на свои средства частные школы в аулах. Больше того, она в 1892 году прилагала все старания, чтобы отнять у туземцев всякую возможность научиться чему-нибудь, видеть и непосредственно наблюдать русскую гражданственность и жизнь, а также деятельность культурных людей, слышать русскую речь, работать рука об руку с русским пионером, отдавать детей в русские школы и малопомалу ассимилироваться... Прежде всего, власти поголовно стали гнать туземцев из городов и слобод, на места приписки, не обращая внимания на их торговые занятия, ни на подрядовые обязательства или частную службу, ни даже на то, что громадное большинство поселившихся в городах и слободах туземцев, не имея уже в аулах никакой собственности, никаких средств к существованию, хоть поденщиной, хоть мелочной городской работой добывало себе какое ни на есть пропитание... В холодную осень, весеннюю распутицу, под душу раздирающие вопли дряхлых стариков, плач женщин и детей, местная полиция разрушала их хатенки, ломала и

разбирала их убогую утварь и, как зачумленных, гнала их вон за околицы... Куда?

Затем приказом по области от 15 марта 1891 года было безусловно воспрещено проживание туземцев одной народности в районе поселения русских и туземцев другой народности.

Были дотла разрушены многие десятки туземных арендаторских хуторов на общественных и частновладельческих землях и даже таких, которые были выстроены на высочайше дарованных участках самими хозяевами.

Чтобы иметь хоть приблизительное представление о том, как это распоряжение должно было вообще отразиться на туземцах, достаточно только припомнить их земельное обеспечение. Вот, например, что говорит Е. Максимов в «Терском сборнике» за 1894 год на стр. 53 этого официального издания:

«По всей горной Чечне на дым в среднем приходится 3,43 десятины, а на мужскую душу — 1,23 десятины». «В подсчет не включены земли неудобные, которые только в течение 3—4 месяцев, да и то не всегда, могут служить как пастбище для мелкого скота, т. е. для овец и коз. Если принять во внимание, что крестьяне Европейской России имели в 1878 году в среднем по 4,1 десятины на наличную душу мужского пола, что даже на душу обоего пола (на едока) в 147 уездах, в которых производились земские статистические исследования, приходилось около двух (1,95) десятин надела, то тогда станет понятным, как поразительно велико малоземелье горных чеченцев, имеющих в среднем около 1,23 десятины на наличную душу мужского пола. Землевладения же в размере 0,05 десятины, т. е. 120 кв. сажен, совсем не знает ни русский мужик, ни осетин, ни кабарди-

нец, между тем как земельная собственность, исчисляемая в сотых долях, не составляет исключительно редкого явления в горной Чечне. Сравнивая затем подворное землевладение в России и в горной Чечне, находим, что у государственных крестьян на двор приходится в среднем 15 десятин, у помещичьих — 9 десятин, а у чеченцев всего 3,43 десятины, т. е. почти в $2\frac{2}{3}$ раза меньше. При таком, можно сказать, вопиющем малоземелье качество земельных угодий в горах очень невысоко. Земли многих чеченцев раскиданы участками, которые в свою очередь расположены чересполосно, на значительное расстояние друг от друга, нередко, лепясь по невероятным крутизнам и кручам и имея в большинстве случаев тонкий слой почвы, нанесенной на участок иногда руками самого же владельца. Бывают случаи, что ливень и град в горах не только уничтожают жатву, но и срывают всю почву участка, старательно накопленную в течение десятка лет».

Земельное обеспечение осетин и ингушей во многих местах нисколько не лучше, чем у чеченцев.

Рядом с этим масса времени отнимается у туземцев на принудительные работы, которые не имеют ничего общего с указанными видами натуральной повинности. Всевозможные горнопромышленники, туристы, археологи, естествоиспытатели и пр. с помощью мелких административных агентов заставляют туземцев, зачастую в самый разгар их работ, сопровождать этих всякого рода «известных» и неизвестных особ в их «научных» экскурсиях, перевозить или даже переносить их багаж, лазить по скалам, разрывать могильники и вообще прислуживать во всем и везде.

Мы отказываемся заглядывать в будущее, но не можем не выразить своего искреннего глубокого убеждения, что если государство преследует всестороннее приобщение туземцев Северного Кавказа к общегосударственному организму и его культуре, то практикуемые до сих пор для этого меры ведут к совершенно противоположным результатам.

1899

ЗИУ

(Письмо к землякам)

Добрые, дорогие земляки!

Обращаюсь к вам, чтобы восстановить в вашей памяти славные традиции наших дедов. Вспомните, как они внимательно относились к своим бедным, больным, потерявшим способность к труду, пострадавшим от стихийных разрушительных сил — ливней, градобитий, наводнений, снеговых и земляных завалов, засух, пожаров и т. д. Вспомните наш лучший традиционный обычай — *зиу*, как каждый осетин от всей души откликался на нужду другого, не принимая во внимание ни родства, ни своих личных интересов. Молодежь отправлялась на луга и, в несколько часов покончив покос лишенной рабочей силы бедной семьи, с песнями возвращалась в аулы. Молодые женщины в свою очередь снимали хлеб с небольшой нивы нуждающейся семьи. При стихийных бедствиях каждый не лишенный способности ходить осетин при малейшей тревоге спешил на место происшествия и по мере сил и возможности

помогал пострадавшим чем и как кто мог: личным трудом, хлебом, сеном, соломой, дровами, строительным материалом и пр.

В настоящее время сильно нуждается в такой помощи Гокинаевский хутор Черноярской станицы, страшно пострадавший от пожара 18—19 минувшего ноября. При каких ужасных обстоятельствах произошел пожар и как он уничтожил полхутора — 21 двор,— это ярко изображено в корреспонденции «Казбек» № 624 из Новоосетинской станицы.

Вспомните же, добрые земляки, наш славный традиционный *зиу* и спешите на помощь пострадавшим осетинам, кто, как и чем может.

Препровождая многоуважаемой редакции свою лепту, убедительно прошу напечатать мое письмо в ближайшем номере газеты «Казбек» и принять на себя посредничество по сбору и отправлению на место нужды пожертвований.

1899

ИЗБАВИ БОГ И НАС ОТ ЭТАКИХ СУДЕЙ

«Нужна сплоченность, нужно много сил, много дум в голове, много в сердце огня». Это мудрое изречение вещает нам г. Цаголов в № 11 «Северного Кавказа», в статье «Культурное движение среди осетин».

Ни одной статьи г-на Цагорова я до сих пор не мог дочитать до конца без чувства большей или меньшей досады. При всем этом я никогда еще не высказывался. Статья «Культурное движение среди осетин» в этом отношении особенно характер-

на, а главное, затрагивает самое большое место народного организма, — вот почему я вынужден сказать несколько слов в интересах истины и трактуемой г-ном Цаголовым культуры.

Статью свою автор начинает воскуриванием фимиама первым пионерам осетинской культуры. Это была небольшая горсть, говорит он, но «горсть людей сильных духом, пожертвовавших своим личным благом и счастьем во имя блага и счастья своего народа, не щадивших ни своих сил, ни своих средств, ни даже жизни для достижения цели. У этих людей была вполне ясная цель: это — религиозно-нравственное просвещение народа в духе, конечно¹, (?) православия. Объясняется это тем, что вся (?) без исключения (!) семья этих самоотверженных тружеников состояла из *семинаристов*». След, оставленный ими: «осетинская церковная служба» и «грамотная Осетия». Все это во всей полноте может относиться только к блаженной памяти отца протоиерея Алексея Колиева. Что же касается других членов «небольшой горсти», то к огромному большинству их определение г-на Цаголова совершенно неприменимо.

Все эти питомцы тифлисской семинарии вскармливались, одевались и обучались безвозмездно. По окончании курса рукополагались во священники и распределялись по осетинским приходам с хорошим, по тому времени, жалованием от «Общества восстановления православного христианства на Кавказе».

Кроме того, они от прихода пользовались квартирой, дровами, зерном, а зачастую и сеном, не говоря о доходе за требы. Из такого положения вещей

¹ Курсив везде мой. (Примеч. автора.)

очевидно, что семья этих самоотверженных тружеников никаким самоотвержением не занималась и никогда не жертвовала личным своим благом и счастьем для блага и счастья народа. Ни из чего также не видно, чтобы они не щадили ни своих сил, ни своих средств, ни даже жизни! Напротив, все они были упитаны и по сравнению даже с богатыми осетинами катались, как сыр в масле. Где же их самопожертвование! Переводы Евангелия, молитв и урывков церковных служб и треб? Труд большой, что и говорить. Но ведь это заслуга опять-таки очень ограниченного кружка во главе с протоиереем А. Колиевым.

При всем том, все эти драгоценные вклады в осетинскую письменность настолько неудачны, что при чтении их народная масса совершенно не понимает их смысла. Мало того, громадное большинство священников в осетинских приходах до последнего времени были из грузин, которые за самым незначительным исключением отправляли богослужение на грузинском языке. Да и сами осетины-священники большей частью служили по-славянски.

Последующее поколение г-н Цаголов рекомендует как людей, для которых личное счастье выше всего — порок, присущий всему человечеству, вероятно, и самому г-ну Цаголову, а потому поголовно упрекать их в излишнем пристрастии к личному счастью несправедливо.

Тогда как в первое время осетинских детей чуть не силою брали в кадетские корпуса и семинарию и, не в пример их русским товарищам, делали им всякие поблажки и выпускали корнетами и священниками, в последующее время положение дела сильно изменилось. Потребность в образовании стала заметно

прогрессировать и охватила все население Осетии. Явились сотни приговоров с просьбой открыть школу, оказать помощь на постройку школьного здания, масса частных прошений о зачислении кандидатом детей на казенные или горские стипендии в пансионы Ставропольской гимназии и Владикавказского реального училища. Ольгинская владикавказская осетинская женская школа была переполнена. Не оставляли осетины и Тифлисской семинарии и военных учебных заведений. Стало тесно, не было свободных вакансий. Даровое учение давалось только счастливым. При таких обстоятельствах выросло и вступило в жизнь то поколение, которое г. Цаголов упрекает в эгоизме за то, что оно якобы забыло свой народ, не живет на родине и, не покладая рук, работает на пользу своего материального и служебного благополучия¹. Многочисленный состав осетин-офицеров всех родов оружия доблестно и с честью служит в рядах великой русской армии. Осетины-врачи, юристы, инженеры, ученые, лесничие и т. д. честно работают для общегосударственной культуры и общечеловеческой пользы. Несмотря на то, что и военные, по долгу службы, и кончившие курс в высших учебных заведениях, по той же и многим другим причинам, не живут в своих аулах, они все-таки оказывают огромную материальную, а главное, моральную поддержку своей родине. Своей блестящей службой, честностью, трудолюбием и способностью ко всевозможным отраслям культурной деятельности они несомненно много содействуют укреплению доверия правительства к осетинам и усилению к ним симпатий и уважения смежных

¹ Верно ли? (Примеч. автора.)

с ними народов и племен. Помимо этого, многие из них даже, при неимении собственных детей, дают образование своим племянникам, а иногда даже посторонним. Многие из них оказывают материальную поддержку не только родственникам, но и общественным учреждениям. Несомненно, что они все хотят быть поближе к родине, чтобы быть ей возможно полезнее, да не все же обладают таким патриотизмом, как г. Цаголов, чтобы бросить свою службу, и, вместо командования ротой, сотней, полком или постройки железных дорог, вернуться в аул и сделаться писарем или старшиной. Но г. Цаголов забывает, что та же «сельская буржуазия» под протекторатом известного осетинского героя ни за что не допустит таких чиновных и образованных патриотов к занятию должности старшины или писаря.

Во всяком случае, рано или поздно, все служащие в разных концах России интеллигентные осетины, как и их предшественники, вернутся в Осетию и, вероятно, примут более активное участие в общей культурной работе осетии.

Не надо забывать также, что из этого «нехорошего, серенького периода» хотя и не вышли такие «печальники горя народного», как г. Цаголов, все же в Осетии есть немало священников, учителей и других общественных деятелей из немалого автору поколения, которые по действительному нравственному влиянию и пользе нисколько не уступают своим «самоотверженным» предшественникам. О новом поколении г. Цаголов отзывается лучше. «Опять заговорили о родине, о народе, об обязанностях интеллигенции и тому подобных вещах. Хотя в этом движении пока нет еще ничего определенного, *хотя*

в нем нет точной программы, *хотя* интеллигенция не может формулировать своих идеалов в этом отношении, *хотя* здесь еще много туману, *хотя* о нем можно сказать»... Хотя, хотя, хотя, *хотя*... и т. д., одним словом, осетинская интеллигенция «еще не выяснила себе самого главного вопроса, это — кому она именно хочет послужить». Она обыкновенно на этот вопрос отвечает, что она работает «для родины, для народа, для Осетии». Дальше этого они не идут. А жаль! Жаль потому, что родина, народ, Осетия — нечто *туманное, расплывчатое, неясное, трудно осязаемое*. Ведь в этой родине, в этом народе, в этой самой Осетии в настоящее время благополучно существуют социальные группы с самыми противоположными интересами. Цаголов, видимо, думает, «что открыл Америку». Но он идет еще дальше. Ярko набрасывает он широкою кистью три типа: «настоящего осетина» — «известного кулака-миroeда», затем идет «осетин девяносто шестой пробы», который «в то же время землевладелец, аграрий», третий тип — «серая, грязная, оборванная толпа — это малоземельная, безземельная команда и вообще всякая голытьба, до нищих включительно. Многие из них вовсе не интересуются родными вопросами, у них друзей больше среди неосетин, чем среди осетин. Им не надо этого вовсе: вопросы желудка стоят у них на первом плане». И вот после этой живописи г. Цаголов настойчиво спрашивает бестолковую осетинскую интеллигенцию, «кому, собственно говоря, из этих групп хочет послужить интеллигенция?» Настоящим осетинам или голытьбе?

На этот вопрос отвечает сам автор: «... от того или иного направления деятельности зависит *возможность* ориентироваться в средствах, *возможность*

вдохнуть душу живу в свою работу, придать идейность литературным работам, *возможность* не биться головой об стену, *возможность* согласовать свое движение с более крупным мировым движением и не затыкать шапкой кратера Везувия». Ах, страшно. По крайней мере г. Цаголов так думает, что «после серьезного ответа на этот вопрос в Осетии не мечтали бы так о сельских банках. Ведь всем и каждому (?) известно, что устроить сельский банк значит взять у бедняка последнюю копейку и отдать ее богачу-кулаку, чтобы он этой копейкой выколотил из горба оборванного хозяина целковый на свою собственную потребу. Потому, если я стою за оборванного хозяина, то обращаю свое внимание в другую сторону».

Такое «заступничество» за голытьбу вызвано несогласием г. Цаголова с деятельностью г. Баева и сочувствующей ему части интеллигенции. «Г-н Баев, — говорит он, — задался целью покрыть свою Осетию сельскими банками и общественными амбарами — кукурузниками... Свою идею г. Баев старается распространить во всех селениях и не теряет надежды через несколько лет видеть на родине целую сеть амбаров и банков. Г-ну Баеву в этом деле сочувствует *большая часть* интеллигенции», и здесь же автор прибавляет: «вообще, в силу непонятных для меня взглядов, экономическая сторона жизни *мало* интересует осетинскую интеллигенцию, и она *мало* придает ей значения».

Как все это назвать?

Г-н Цаголов, выставляя себя защитником «голытьбы», восстает против сельских банков, потому что копейкой «оборванного» осетина «настоящий» осетин кулак-мирод «выколотил» из горба «целковый на свою потребу».

Это говорит «знаток» народной голытьбы, которому, видимо, совершенно неизвестно, что несчастная голытьба эта платит кулаку за ссуду от 30 до 120 процентов, что в сельских банках кулак не имеет никакой привилегии, что капитал сельских банков составляется из общественных сумм и что сельские банки ссужают бедных односельцев до 10—8, а то и меньше процентов, этого г. Цаголов не только не понимает, но и не хочет понять по каким-то неизвестным причинам. Общественные амбары-кукурузники являются самым необременительным для поселян и, вместе с тем, самым надежным органом для увеличения средств банков. Эти же кукурузники и банки, помимо предоставления бедным дешевого кредита, могут сослужить величайшую службу в деле обсеменения полей и продовольствия поселян в неурожайные годы.

Глубоко прискорбно, что такие «печальники горя народного», как г. Цаголов, пользуясь с очень сомнительной правдивостью печатным словом, не только не оказывают заслуживающему горячего сочувствия и содействия делу никакой поддержки, а, напротив, прилагают все силы, чтобы погубить доброе дело.

Присяжный поверенный Г. В. Баев заслуживает глубокого сочувствия и поддержки в своих неустанных трудах и заботах о меньшей братии, и не только общества Ольгинского селения, но и всех честных и правдивых осетин.

Надо умышленно закрывать глаза и затыкать уши, чтобы не видеть и не слышать, насколько Ольгинское селение, где главным образом осуществляет свои разумные идеи г. Баев, и благоустроеннее, и зажиточнее, и грамотнее, чем другие осетинские

сёления. В деле народного образования там работают священник, три учителя и две учительницы. Из общественного ссудовспомогательного капитала 5 июля минувшего года роздано нуждавшимся в деньгах для полевых работ 1000 рублей. Несколько наиболее нуждавшихся получили по 20 рублей, а остальные по 10 рублей. Проданное зерно из общественного амбара дало 270 рублей, которые присоединены к ссудовспомогательному капиталу¹. По окончании жатвы общественный амбар опять засыпан.

На народно-учебное дело селение Ардон сделало единовременных расходов до 30 тысяч, уже около 10 лет Ардонская духовная семинария дает для осетинских приходов вполне подготовленных священников и учителей — осетин. Несколько воспитанников-осетин продолжает свое образование в духовных академиях.

Общественный ссудовспомогательный капитал селения Ардон с большой пользой для беднейшего населения функционирует уже 15 лет.

В сел. Христиановском насчитывается около 1000 дворов. Существующие в нем учебные заведения, несмотря на их хорошую постановку и многолюдность, далеко не достаточны для такого большого села. По инициативе бывшего ректора Ардонской семинарии архимандрита Иоанна святейший правительствующий Синод согласился отпустить 20 тысяч рублей на постройку здания в сел. Христиановском для двухклассного училища, с условием, чтобы общество, в составе которого числится и г. Цаголов, приняло на себя кое-какие расходы по содержанию

¹ имеющему в недалеком будущем переименоваться в сельский банк. (Примеч. автора.)

училища и чтобы в нем могли учиться и дети из других осетинских селений.

Если бы в этом обществе числился вместо г. Цаголова г. Баев, то, конечно, это щедрое предложение святейшего правительствующего Синода было бы принято обществом с горячей благодарностью. А так как этого нет, то и общество Христиановского селения по недомыслию отказалось от предложенных условий и лишилось щедрого дара святейшего правительствующего Синода.

Между тем г-н Цаголов прекрасно знает, что в Ардонской семинарии, постройку и оборудование которой вынесло Ардонское сельское общество, менее богатое, нежели Христиановское, наибольший процент учащихся приходится на детей из Христиановского.

По инициативе того же г. Баева общество сел. Ольгинского в прошлом году приговором своим ходатайствовало об оставлении во Владикавказе осетинского девичьего приюта, много уже лет дарившего Осетии превосходных учительниц. Совет «Общества восстановления христианства на Кавказе»¹ уважил просьбу ольгинцев и согласился на оставление приюта во Владикавказе.

Не будь вовремя приговора Ольгинского общества, осетины, наверное, расстались бы со своим лучшим учебным заведением.

Таким образом, «затыкание шапкой кратера Везувия» приносит гораздо больше пользы, чем «обличительная» литература г. Цаголова. И прежде, чем мешать другим действовать по их разумению на пользу

¹ порешивши уже перевести приют в Закавказье. (Примеч. автора.)

общества, надо войти в их среду, поспособствовать их сплочению и «научить» их, как надо действовать, чтобы «настоящий осетин кулак-миroeд» больше не выколачивал из горба «оборванного хозяина» его же копеечкой «целковый на свою собственную потребу». Да научить надо не умными разговорами, а примером, как это делает г. Баев. Подрывать доверие общества к бескорыстной, неустанной и благотворной деятельности можно только со злым умыслом или при полном незнании. Всякое дело, а тем более общественное, вначале всегда имеет немногих разрозненных инициаторов и работников. Бог даст, осетинская интеллигенция окрепнет, умножится, сплотится и докажет г. Цаголову, что она не лишена многих дум в голове и огня в сердце. А пока пусть хоть господ Баевы «затыкают шапкой кратер Везувия» — все же лучше, чем с фарисейским смиренномудрием подрывать к ним доверие в народе, не заменяя их бескорыстный и благотворный труд ни единым просяным зерном.

Что касается указания (с сожалением) г. Цаголова, что автор сборника осетинских стихотворений Коста придерживался больше тонического стихосложения, то с полной достоверностью могу сказать, что во всей книжке нет ни одной строки тонического сложения. Стихи написаны общеизвестными формами метрического стихосложения: ямб, хорей, анапест, амфибрахий и дактиль. Последние три формы г. Цаголов принял, вероятно, за тонические. «Избави бог и нас от этаких судей».

1900

<ДО СИХ ПОР ЕЩЕ НЕ РЕШЕННЫЙ ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС...>

До сих пор еще не решенный земельный вопрос в горной полосе Терской области особенно обостряется в последнее время во Владикавказском округе. Мания во мгновение ока сделаться миллионером обуряла всех, начиная от лапотника и кончая всеми рангами общественного положения. Тысячи «кладоискателей» бродят, как легендарный осетинский герой Бесо, по горным тущобам и роются в диких скалах. Открытые месторождения ископаемых минералов отмечаются столбиками или надписями и затем делается заявка в управление государственных имуществ. Самый способ заявок является наиболее интересной процедурой в погоне за золотым руном. На каком бы участке ни была открыта руда, на частном ли, на фамильном ли или общественном — это для кладоискателей безразлично, — они делают заявки, как на казенной земле. Зачастую, чтобы делу дать «законный вид и толк», они входят в соглашение с собственниками земли на грошовых условиях, и все-таки, пользуясь незнанием русского языка хозяев и их безграмотностью, они доверительный приговор или условие пишут не так, как они их переводят безграмотным хозяевам. Вместо того, чтобы, как они уверяют хозяев, сдаваемый в аренду участок означать в приговоре собственностью личной, родовой или общественной, они пишут: такой-то участок казенной земли, находящийся в нашем пользовании, мы и т. д. Так поступают не только приятель француз, бельгиец или москвич, но и наши интеллигентные туземцы.

Далеко еще этим кладоискателям до ночи Ивана

Купалы, но все-таки то, что они успели натворить с такой энергией, достойно лучшей участи. Все Алагирское ущелье до Мамисонского перевала уже расхищено. Общества «Алагир», «Французское» и всевозможные анонимы захватили целые десятки верст. Когда-то вековые сосновые леса, краса Алагирского ущелья, вырублены дотла. Остались только одинокие сироты, спасшиеся от дикости людской на недоступных карнизах «утеса-великана»; тысячи брусьев, сброшенных с огромной крутизны в ущелье, не выдерживая такого падения, своими искалеченными «трусами» загромождали дно ущелья русла реки Ардон. Больно до слез, какое множество леса гниет здесь без всякой пользы. В договорах казны с действующими в Алагирском ущелье акционерными обществами ясно сказано, что лесом можно пользоваться бесплатно до определенного срока только для специальных нужд рудника, т. е. для подпорок в шахтах и тому подобных надобностей. Служащие в обществе «Алагир» и французской компании пользуются этим лесом бесплатно, помимо специальных нужд еще и для всевозможных построек заводских, частных и даже и для торговли на стороне.

Рядом с этим у населения отобраны все леса, которыми они пользовались как своей собственностью с незапамятных времен, несмотря на неоднократные указания Министерства земледелия и государственных имуществ на то, что туземному населению Кавказа должно предоставить право пользования лесом для своей надобности в таких местах, которые и прежде были в их пользовании; лесные поляны для пастьбы и покоса должны быть также в их пользовании. Между тем усердие не по разуму грубой и совершенно не понимающей своих обязанностей

лесной стражи дошло до таких колоссальных размеров, что положительно не верится, каким тяжелым бременем навалилось оно на население. Этому много содействует отвод участков, где тому или другому селению предоставляется пользоваться лесом для своих надобностей. Если селение стоит на северо-востоке Владикавказского округа, то ему отводится лес в юго-западном углу того же округа, а ближайшие леса охраняются, как зеница ока. Если селение находится у опушки леса, то ему отводится лес на таких недоступных скалах, что туда не только на арбе, но и ползком нельзя добраться, а если и вскарабкается какой-нибудь смельчак, то он во всяком случае не принесёт домой и охапки сухих веток. Результаты такой усердной охраны «казенных» лесов поразительны. Есть немало туземных селений, за которыми числится от 20 до 40 тысяч рублей штрафов «за самовольную порубку казенного леса». А сколько перебивало этой голытьбы в тюрьмах за сопротивление власти (объездчик). Все протоколы составляются не на месте порубки, а по дорогам и в селах, там, где объездчик наткнется на полено, еще не стоевшее на очаге убогой сакли. Население, которое, за небольшим исключением, не имеет печей и всю долгую и суровую зиму проводит с полунагими детьми у очага сакли, поставлено в такое безвыходное положение, что хуже некуда.

1901

ЧИЧИКОВ

Гоголевский Чичиков, оказывается, до сих пор еще благополучно здравствует. В настоящее время

он живет в Екатеринодаре и очень популярен как общественный деятель и ученый. Дела его теперь очень поправились. Он теперь не скупает мертвые души, а уже лет десять занимается новым, весьма прибыльным делом, им же самим изобретенным и получившим привилегию. А дело вот какое.

В доброе старое время самые хорошие земли в Кубанской и Терской областях в изобилии раздавались офицерам, чиновникам и даже священникам, кому за военные услуги, кому за усердие, а кому и так. Земля в то время была так малоценна, что были случаи, когда она продавалась от 50 копеек до 1 рубля за десятину. Но это продолжалось недолго... Мелькали годы за годами, и ценность земли стала прогрессировать с необыкновенной силой, и десятина, которую еще 25 лет <назад> можно было купить за 30 рублей, поднялась в настоящее время до 150—200 рублей. Вот здесь-то и стал потирать свои руки г. Чичиков.

За 60—70-летний период много кавказских героев, наделенных землей, отошло в жизнь вечную, оставив вдов и сирот. Межевание земель началось очень недавно и велось медленно. Громадный процент наделенных земель не имел никаких межевых документов, а с заменой землевладельцев вторым и третьим их поколением многие из наследников совершенно уже не знали, где их участок, а некоторые даже вовсе забыли, что у них есть наследственная земля.

Вот тут-то г. Чичиков и встрепенулся. Имея возможность по своему служебному положению рыться в архивах областного управления и межевой при нем части, Чичиков быстро раскопал желанные документы и, не долго думая, двинулся в путь-до-

роженьку. От станицы до деревни, от деревни до селения, от селения до хутора раскатывал Чичиков на тройке вороных, разыскивая наследников затерявшихся в архивах участков тучной земли. Так он за несколько лет объехал почти всю Кубанскую область.

Являясь в своем старомодном цилиндре к дряхлой вдове или к внуку-сироте умершего помещика, Чичиков с обычным своим жеманством предлагал наследникам свои услуги или как покупатель, или как ходатай по разысканию затерянного участка земли и закреплению его за наследником с производством межевания и выдачей на руки межевой книги и плана участка. Охотников принять «любезное» предложение Чичикова оказалось очень много, и Чичиков за короткое время блестяще «поправил» свои дела и теперь живет себе припеваючи, заседа в ученых обществах и пользуясь громадной популярностью.

Жаль, Гоголя нет, а то бы он, наверное, продолжил свои «Мертвые души», познакомившись с екатеринодарским Чичиковым.

1901

ТАРТАРЕН

Был когда-то знаменитый Тартарен из Тараскона. Хотя говорили, что он умер холостым, но это мало вероятно, и скорее правдоподобна другая версия, что он уехал из Тараскона и больше туда не возвратился, и уже по многочисленным потомкам его видно, что он был женат, и потомство его разбрелось по всему земному шару. Много их и на нашем Кавказе. Между прочим, один из потомков славного Тартарена благо-

получно проживает в Екатеринодаре. Он, помимо того, что питает юношей наукой, перенял привычки своего родоначальника и часто предпринимает в высшей степени опасные путешествия по ущельям Кавказа. Одно из таких путешествий он описывает с большим талантом в периодическом издании под громким названием «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (выпуск 28-й, 1900 г.). Под заголовком «В горах Большого и Малого Карачая» Тартарен из Екатеринодара излагает, как он в компании двух учителей, студента и 26 учеников 5, 6, 7 классов предпринял такое страшное путешествие. В поездке от Екатеринодара до Баталпашинска встречаются несколько важных событий, о которых нельзя не упомянуть. Прежде всего поэзия: «...колеса мерно постукивали... Близилась ночь... Запад горел красным пламенем... Круглая медно-красная луна стала подыматься над фиолетовым горизонтом...»

Теперь наука. «Доктора, доктора! — возопил один из юношей, — смотрите, что с луной делается: умирает! доктора!» (стр. 9). «Преподаватель физики и математики подробно объяснил ученикам явление затмения»...

Затем опять поэзия...

Кто-то декламирует:

«Сквозь вечные туманы,
Познания жадный, он следил
Кочующие караваны
В пространстве брошенных светил.

— Данько! про кого это сказано?

— Не знаю, — равнодушно отвечал ученик пятого класса.

— Про Демона, глупый, про Демона... Скажи-ка, ты читал «Демона» Лермонтова?

— Не читал, но прочту... (!!)

Но вот начинаются страхи. Тартарен предупреждает молодежь: «...нужно отыскать на берегу Кубани чистое, несколько покатоое место, открытое на далекое пространство.

— Г-н Тартарен, а почему же «открытое место»?

— Да потому, что на открытом месте мы будем в большей безопасности: луна будет светить всю ночь, и часовые могут вовремя заметить что-либо подозрительное (!!)... Часа в два я открыл глаза: передо мной стояла какая-то фигура в бурке с ружьем в руках: это был студент.

— Г-н Тартарен! — начал он взволнованным шепотом, — одного из извозчиков нет, он куда-то скрылся. Я с Топорковым обыскал весь лагерь, все окрестности, — а его нет... Нет ли здесь шайки? Не пошел ли он сообщить ей о нас? Ведь это возможно же, г. Тартарен?»

И это все происходило ниже станицы Беломечетской, в 13 верстах от нее, — район исключительно казачий.

В станице Беломечетской в беседе с помощником атамана г. Тартарен просил его указать, как пройти в Мансуровский аул. «Лучше здесь оставайтесь, ваше благородие, переночевать: там очень неспособно будет: грязно живут абазинцы, да и дождь большой будет».

И г. Тартарен поверил, что в ауле Мансуровском живут абазинцы. На самом-то деле там живут ногайцы... Затем армия Тартарена попадает в аул Дарукохт (Дударуковский). «Тут мы заблудились: пришлось без излишних церемоний перелезть через

заборы, переходить по дворам, так как улиц здесь не было (!)». Пылкое воображение Тартарена не нашло даже приличным проверить, есть ли в ауле улицы, а предпочло брать штурмом заборы и дворы, восхищаясь, как «абазинки с удивлением смотрели на нас, стоя у порогов сакль, некоторые смотрели в щели на незваных гостей». Я только удивляюсь г. Тартарену, как его со всей его армией не перестреляли абазинцы за такое безобразное невежество. Вероятно, мужское население находилось на полевых работах... Глубже по Кубанской долине Тартарен с доблестной армией попадает в Хумаринский аул... «Напугав треском барабана и громкой песней аульное стадо, мы прошли мимо большой толпы кабардинцев, сбежавшихся посмотреть на «урус-салдус» — необузданных гяуров, думал, вероятно, каждый адыге». Из Хумаринского аула Тартарен с армией дошел до Хумаринского укрепления, сделав предварительно два выстрела из берданок и дав сигнал на корнете. Их любезно встретил популярнейший из приставов г. Шмыткин... Следующее утро было посвящено, между прочим, «обозреванию осетинского поселка. Весьма зажиточные люди, осетины этого поселка отличаются далеко не симпатичными качествами; к религии они относятся весьма пассивно: в церковь ходят преимущественно старики и женщины; обмануть, ограбить не прочь; они банкиры несчастных карачаевцев и берут с них проценты прямо чудовищные. Живут они здесь всего около 20 лет¹. С 1896 г., когда я поселок увидел впервые, он значительно разросся, так, что теперь ему не к лицу официальное название «поселок». Мы видели две-

¹ Поселок образовался в 1870 г. (Примеч. автора.)

три лавочки, где продают преимущественно водку, хлеб, иногда баранину. Путешественник, попавший сюда, должен заранее запастись молоком, главным продуктом местного питания, — иначе ему придется голодать, так как к 11 часам все сакли уже дымятся: варится знаменитый на Кавказе осетинский сыр. Женщины ходят с открытыми лицами, и нигде вы не заметите дикой пугливости карачаевских женщин и детей».

Так порешил Тартарен из Екатеринодара, не желая осведомиться, что у осетин сыр не варится, а заквашивается исключительно парное молоко. Сакли дымятся к 11 часам не для варки сыра, а для приготовления обеда, который разнообразится большим выбором блюд осетинской кухни, редко доступных не только русскому крестьянину, но даже казаку. И запастись заранее молоком, которое якобы составляет главный продукт местного питания, — иначе ему придется голодать... Смею уверить Тартарена из Екатеринодара, что туземное население горной полосы Кавказа, как бы оно бедно ни было, всегда поделится последним куском хлеба с гостем, ему до той минуты неведомым, и не даст ему голодать, как изволит говорить г. Тартарен, не заглянув ни в одну саклю. А какими качествами отличаются осетины этого поселка, об этом сам Тартарен, конечно, никакого понятия не имеет, а дело-то очень просто: Тартарен такую характеристику осетин заимствовал от «любезного пристава», которому осетины далеко не так потворствуют, как карачаевцы.

По рекомендации того же «милого» осетины якобы обмануть, ограбить не прочь. А что 2—3 осетина снабжают карачаевцев деньгами «за чудовищные

проценты», то это во всяком случае нельзя обобщать,— таких кулаков между соотечественниками Тартарена еще больше.

Плохо сосчитал Тартарен и торговые заведения. Там, помимо 2—3 лавочек с продажей водки, хлеба, иногда баранины, есть еще несколько лавок мануфактурных и мелочных. Осмотрев древнюю церковь на Шуанинской скале, Тартарен с армией двинулся в обратный путь. «Дорогою мы забавлялись тем, что соединенными усилиями сдвигали с места каменную глыбу и пускали ее катиться вниз. Громкий смех сопровождал гигантские параболы и гиперболы, которые проделывал стремглав несшийся вниз камень. Внизу шумела речка, и камень с глухим стуком исчезал в воде, вспенив на мгновение ее поверхность». Забава, достойная только диких индейцев. Тартарен в то время не соображал даже того, что его армия этой глыбой могла разmozжить какого-нибудь па-стушка, детей, ежедневно бродящих по склону и по руслу речки, которую так героически бомбардировал г. Тартарен. На другой день армия Тартарена двинулась в путь-дороженьку. «Вот шеренга приближается к табуну и к стаду коров: животные насторожились, слушают и не понимают никогда не слышанного звука барабанного боя; вот они шарахнулись в сторону и несутся с развевающимися гривами и хвостами, но тотчас останавливаются, оборачиваются и широко раскрытыми глазами смотрят на приближающуюся шеренгу с тем, чтобы тотчас продолжать бегство. Особенный эффект на животных произвела атака с громким «ура» (!!!). Большого успеха даже Тартарену из Екатеринодара не надо.

С заходом солнца армия Тартарена подошла к аулу Сенты. «Они стройно замаршировали под звуки

барабана и рожка: желание не посрамить себя перед карачаевцами заставляло забыть усталость. Все население аула сбежалось посмотреть на нас... Запах бараньего сала несся из толпы. «Ну и ароматы!» — слышалось в наших рядах... Да, уж действительно аромат!»

Дальше говорится о восхождении на монастырскую гору, знакомстве с настоятельницей... беседы с нею, ее жалобы. «Здесь мы встретили раз нападение со стороны карачаевцев: была произведена у меня потрава: я задержала быков. Так что же вы думаете? Весь аул пришел сюда. Я велела сестрам вооружиться кольями. Мы заперлись в доме и ждали нападения. Уже стемнело. Вдруг стук в двери! Ну, думаю, настал конец всем: карачаевцы ломаются. Стала я читать молитву. «Отворите!» — закричали по-русски. Так от сердца и отлегло. Отворили дверь — то была помощь от хумаринского пристава, которому я послала тайком записку... Теперь мы живем в ладу: они даже посылают к нам своих девочек, а мы их учим рукоделию...»

Из этого ясно, что потрава произошла без умысла карачаевцев. Рабочие быки всегда пасутся на свободе, без пастуха. А что карачаевцы никогда не обидят женщин, по народным традициям, это не подлежит никакому сомнению, и сестрам во главе с настоятельницей напрасно было вооружаться кольями и запереться в доме. Не надо было только задерживать быков, а выгнать их за границу, и не было бы никакой надобности в тайной посылке приставу записки...

В следующую ночь Тартарен стоял лагерем в Джематской долине. «Sic transit...», — подумал Тартарен, «когда вышел в полночь из палатки. Темные

фигуры часовых, закутавшихся в бурки и неподвижно стоявших, зашевелились...

— Озябли? — спрашиваю часовых.

— Да, есть немного...

— Ничего подозрительного не заметили?

— Нет, только четыре карачаевца проехали верхом».

Вот тут-то занялся Тартарен очень важными размышлениями. «Я находил весьма полезным полувойенный режим, которого держался. Для нас весьма легко было подражать приемам русских солдат — завоевателей этих самых гор, ибо почти все из нас были кавказскими уроженцами, сыновьями, внуками этих завоевателей (в особенности Тартарен), все читали историю кавказской войны, все слышали много драматических рассказов из уст участников кровавой войны с горцами. Всякий из нас понимает, что эта война заставила выработать целесообразные (!) способы путешествия в горах, среди инородцев, а следовательно (!), сознавал необходимость ими пользоваться. Понятно поэтому (?), почему у нас по ночам были часовые по всем правилам военного устава... С чувством благоговения каждый вступал на часы, понимая, что в этот полуночный час его вниманию поручено спокойствие, а может быть, и жизнь (!) спящих глубоким сном его товарищей». Это только пылкая фантазия или врожденная трусость Тартарена могли довести его до такого абсурда, что на Кавказе до сих пор все то же, что было сто лет тому назад!

На даче Кузовлева и на двух скипидарных заводах Тартарен испытывал сладчайшее чувство. «Необыкновенно приятное впечатление производят эти культурные уголки среди дикой природы, среди

страны дикарей-пастухов». Дальше опять фантазия о будущих локомотивах. Затем армия Тартарена снялась и двинулась в глубь ущелья... «В стороне от дороги, в чаще мелькнул «баз», загородка для скота... повеяло запахом скота и навоза... (Все новые и новые открытия!)... Впереди мелькнуло несколько коров. У кого-то явилась мысль пошутить и погнать их дальше: коровы небольшие, поджарые, с короткими острыми рогами, сначала бежали впереди, но затем ловко взобрались на крутизну, нависшую на дорогу; неугомонные мальчишки (6 и 7 классов) согнали их оттуда и до тех пор регулировали их движение, пока животные не подчинились человеку и не побежали по дороге». Какой удивительно просвещенный человек г. Тартарен! Он не только своих недорослей обучил латинской грамматике, но сделал из них клоунов а-ля Дуров и как будто предпринял свою экскурсию в Карачай, главным образом, для дрессировки диких карачаевских коров. О Тартарен! Как все это гуманно, культурно и благородно! Но это еще не все.

«— Каково-то их доить будем? — спрашивали любители молока.

— Ни за что не удастся это без телят, да и опасно: рога острые».

Не будь этих препятствий, Тартарен бы наверно разрешил своим недорослям подоить коров диких лесных людей. А если бы этот лесной человек застал их за дойкой своих коров и протестовал бы, то Тартарен не постеснялся бы с нарочным отплатить записку приставу с просьбой защиты от нападающих на них лесных людей.

На Клухорском перевале Тартарен открыл «мертвое озеро», не потрудившись даже испытать, есть

в этом «мертвом озере» рыба или нет. А я достоверно знаю, что в нем водится превосходная крупная форель в большом количестве. Это, правда, невероятно, так как в настоящее время к нему нет доступа ни для какой рыбы, благодаря высоким водопадам, берущим начало в озере.

На пути к Большому Карачаю «глазам нашим открылись безлесные горные вершины, там и сям бродили стада; кое-где были длинные рубленые сараи, с земляными крышами, на которых росла трава: то были коши. Кто-то вздумал выстрелить: где-то высоко-высоко залаяли собаки, из ближайшего коша убежали женщины и дети; когда же Миллер затрубил — они попрятались». Каково! Недоросли Тартарена даже женщин и детей заставили попрягаться. Вообще геройская храбрость Тартарена из Екатеринодара и его недорослей поразительна, хотя псевдоним, каким подписал Тартарен описание ученой экскурсии своей указывает на такое происхождение его, главное свойство которого, по мнению Лермонтова, трусость.

В заключение не могу не отметить с глубоким прискорбием, что сами же уроженцы Кавказа настолько индифферентны к духовному миру населяющих богатейший в мире край туземцев, что стыдно за них. Проехаться или прогуляться по горным ущельям повзводно, с барабанным боем, с ерихонскими трубами и с пением: «Гремит слава трубой, — мы дрались за Лабой! По горам твоим, Кавказ, раздается слава об нас!» и с криком «ура» бросаться на табуны лошадей и на коров могут только Тартарены и недоросли. Придавать таким прогулкам научное значение бессовестно! Все свои научные сведения они черпают из уст приставов, старшин и писарей,

которые к людям относятся только, как к номерам исходящих и входящих журналов. Если свой уроженец Кавказа пишет такую галиматью и клевету, то какими глазами на туземцев Кавказа должен смотреть москвич, немец и всякий другой иноземец?

Стыдно мне за вас, г. Тартарен, стыдно!..

1901

< В ПРОШЛОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ... >

В прошлой корреспонденции (№ 47 «Северного Кавказа»), касаясь земельного неустройства в горной полосе Терской области, мы главным образом остановились на Алагирском ущелье. В настоящей статье мы имеем возможность сообщить то что происходит в Урухском ущелье, по существу очень тождественное с предыдущим сообщением.

До 1890 года в Дигурии (Урухское ущелье) существовала такая же форма землевладения, как и во всей горной Осетии: пашни принадлежат отдельным семьям, леса, покосы и пастбища — фамилиям. Благодаря разумному пониманию значения леса в жизни природы и людей, предки осетин многие лесные участки сделали заповедными. Это и способствовало сохранению в целости части лесов в горной полосе Осетии. В 1890 году в Дигурии леса перешли в общинное пользование, и с этого момента начинается их беспощадное истребление. Причиной такого печального явления было, главным образом, водворение в Урухском ущелье нескольких горнопромышленных обществ, которым и сбывается лес,

не исключая заповедных. С особенным озлоблением рубит лес та часть населения, которой запрещалось пользование чужими семейными лесами. Не мог остановить такого хищнического истребления леса даже заведующий алагирским лесничеством. Он в 1899 г. предложил четырем дигурским обществам на обсуждение проект лесохранения; по долгом обсуждении проекта доверенные приняли его, но с некоторыми изменениями. Пункт, в котором предлагалось каждому обществу отвечать за своего несостоятельного порубщика, был изменен в том смысле, чтобы такой порубщик подвергался в первые два раза тюремному заключению, а в третий раз — удалению из общества; 3-й пункт был отредактирован так, чтобы рубка красного леса в нагорной полосе совсем не производилась до тех пор, пока леса не достигнут размеров строевого леса. В период рубки охраняемый лес отпускать лишь тем обществам, которые поручились за его целость. К 6-му пункту добавлено, чтобы доходы, получаемые с лесов, поступали в фонд для содействия народному образованию в пределах названных четырех приходов. Кроме того, к проекту добавлен новый параграф; заведующий алагирским лесничеством отпускает в интересах населения и охраны лесов в нагорной полосе бесплатные билеты для пользования для своих надобностей черным лесом северных склонов, называемых магометанскими.

В настоящее время на землях сел. Фанснал и Уакац производятся разведочные работы двумя компаниями: «Терская акционерная» и «Вьельмонталь». Общества эти пользуются в народе очень плохой репутацией. Они всевозможными махинациями захватили самые лучшие уголки ущелья.

«Терское акционерное общество» за место под постройку завода обязалось уплатить хозяевам, вместо 10—20 тысяч действительной стоимости его, всего 1000 рублей, да и то до сих пор не уплачивает. Требования населения относительно выполнения компанией своих обязательств кончаются тем, что вожаков старшины ввергают в клоповник при сельском правлении, а зачастую и под строгим конвоем препровождают в участковую тюрьму, где они без следствия и суда просиживают по 2—3 недели; так поступили, между прочим, в прошлом году с почетными членами общества Дзасаром Цараковым и с его товарищами, которые, как якобы «бунтовщики», просидели по две недели. На самом же деле за то, что они просили за два отвода рудоносных земель, «Нысан-аефаег» и «Смаег», по 15 десятин удобной земли и 300 (!) рублей, обещанные по договору с компанией и до сих пор не выплаченные.

И об этом в конце концов никто не смеет пикнуть, так как сам старшина состоит агентом компании на солидном жалованьи, и потому все идет как по маслу.

Старшине помогает с большим усердием сомнительная личность К., и они, благодаря своему положению, легко узнавали людей, стоящих за или против компании, и о них доносили горному инженеру Стрыжову. Последний тогда увольнял «вредных» для компании людей. Убедившись, что больше всех их предприятию помогали старшины и писаря, г. Стрыжов пристроил писарей при конторах, а старшин награждал деньгами, а детей их пристраивал на заводе. Были случаи, когда г. Стрыжов платил влиятельным старикам «пенсию», якобы из симпатии к ним. На самом же деле эта симпатия награждалась с той

целью, чтобы с их помощью захватить еще какой-нибудь жирный кусок рудоносной земли. Г-н Стрыжов зачастую бросал в толпу детей горстями медяки и этим приводил в восторг их матерей... Тактика поразительная! Он даже входил с обществом в соглашение, обещал платить короткими сроками по три копейки за пуд добытой руды с тем, чтобы по окончании срока аренды завод перешел в потомственное владение туземцев. Условие принято, идут месяцы за месяцами, а г. Стрыжов еще ни разу не уплатил обществу ни одной трехкопеечной монеты. После таких недобросовестных сделок, естественно, возникали жалобы, которые по обыкновению оставались без последствия. Масса народа доведена до полного нищенства, а господа Стрыжовы блаженствуют за счет несчастных, разграбляемых самыми бесчеловечными способами. Компания «Вьельмонталь» ни в чем не уступает своему приятелю. Но о ней до следующего раза.

1901

<1894 ГОДА, НОЯБРЯ 9 ДНЯ, СЕЛ. ВАКАЦ.>

«1894 года, ноября 9 дня, сел. Вакац.

Из помещений на описываемом месторождении г. Булатовым выстроены: 1) пороховой магазин, 2) кузница и 3) каменные постройки для рабочих и склада руды. Из Николаевского рудника до сортировочной площадки через ручей Галауз проведена проволочная передача на 48 саженьей. В проектированный отвод из горных пастбищных мест вошла площадка менее полудесятины, коей пользуется

крестьянин сел. Вакац Ацу Кертибиев, и он же в присутствии начальника 3-го участка Владикавказского округа заявил, что никаких препятствий к отходу в отвод его земли не имеет, так как он заранее уговорился с г. Булатовым о оплате ему ежегодно по 24 рубля, а последний выразил на это полное согласие. Подписали горный инженер В. Швачкин, начальник 3-го участка Владикавказского округа капитан Ермеев, горнопромышленник И. Иванович и Булатов; за неграмотных понятых жителей сел. Каипихта Василия Сагкаева и Елмурза Скотаева по их личной просьбе расписался житель сел. Салугардан Задтанев».

Эта выдержка из акта начальника 3-го участка Владикавказского округа поразительно иллюстрирует способ составления тысячей таких же актов по горнопромышленным делам во Владикавказском округе. Прежде всего, никаких каменных построек для рабочих и склада руды, ни порохового магазина, ни даже проволочной переправы не существовало при составлении акта. Но удивительнее всего то, что имени Ацу не было никогда не только у Кертибиевых, но даже во всей Осетии. И этот акт был составлен не на месте, в сел. Вакац, а в Алагире по диктовке г. Булатова. Понятые Василий Сагкаев и Елмурза Скотаев состоят сторожами г. Булатова. Самая местность, указываемая в акте, — ущелье реки Галауз выше сел. Вакаца, служит пастбищем для всего селения. Участок земли, который по акту принадлежит какому-то мифическому Ацу Кертибиеву, — сенокосный и составляет собственность не Ацу, а Кертибия Кертибиева, 90-летнего старика, с 1897 года почти уже слепого. А если этому участку в акте присвоено название пастбища, то это, вероятно, потому, что г. Булатов во

время прогулок на нем пас своих лошадей и ставил свои палатки. Тем не менее, на «владении Ацу» стали строить с 1900 г. казармы. Общество «Вьельмонталь», игнорируя мифического Ацу, платит 24 рубля за «пастьбу» Кертибию Кертибиеву, а о начатых на этом «пастбищном» участке фундаментальных постройках г. Булатов, конечно, не ведет никаких переговоров, потому что участок по акту принадлежит мифическому Ацу.

Помимо всего этого, в обеих компаниях рабочие без всякого присмотра. Нет ни сколько-нибудь сносных казарм, ни общей столовой, пища отвратительная,— продают рабочим что попало, включительно до дохлятины, нет никакой медицинской помощи, нет никакого санитарного надзора.

Самое дорогое чувство народа — благоговение к могилам предков — попирается самым варварским приемом: торговцы строят на них свои лавки, мясники закалывают на них волов, бродячие собаки, добыв кость, забираются в погребальную пещеру и на груди покойников гложут свои добычи.

Но есть еще худшее зло, которое доводит туземное население до отчаяния,— это лесные объездчики. Один объездчик, некий Тазе, сговорился с поставщиком лесного материала в рудники и имеет громадный доход от акционеров. Он по целым неделям отсутствует, а лес хищнически рубится, возится на заводы, а иногда горит, и тогда самим же туземцам приходится тушить его в отсутствие объездчика. Но этого мало. В лесу захватывают бедного и богатого. При составлении протокола богатч отделяется взяткой, а за бедным записывается вся порубка; составляются подложные протоколы за порубку леса на личного врага

объездчика, на несовершеннолетнего, давно умершего и на мифического Табинга Авсондзова и т. д. Протоколы составляются, значит, чего бояться ревизии... Протоколы направляются в суд, последний произносит свой приговор: бедняк Басиат оштрафован в 50 рублей, ребенок одного года Буцо — в 100 рублей, мифический Авсондзов — в 15 рублей, покойник Кацо — в 35 рублей. При выяснении истины все были освобождены от штрафов: бедняк Басиат — по несостоятельности, годовалый ребенок Буцо — по несовершеннолетию, мифический Авсондзов — за неразысканием его на всем земном шаре, если он только не на острове св. Елены в плену у англичан, покойника Кацо — за смертью. Произволу этих необузданных объездчиков нет границ. Тот же объездчик Тазе арестовывает лес, грозит большим штрафом... порубщик варит пиво, режет откормленного барана и или несет все это на дом объездчику или приглашает его к себе. После ублажения порубщик на стол выбрасывает звонкие монеты, и тогда объездчик соглашается на смягчение, так как окончательно простить его не может ввиду того, что обыск произвел при старшине, а он будет ходатайствовать перед старшим объездчиком, который, надо заметить, берет львиную долю от «доходов» подчиненных. В конце концов он выдает лесокраду билет 2389 года 96 марта за № 0, якобы за старую порубку (!). По этому билету арестованный лес оплачивается по наименьшей цене, — бревна принимаются за жерди из валежника... Но и это не все. Объездчик вступает в соглашение с целым кварталом, берет с каждого домохозяина по 4—5 рублей с условием брать лес с какого угодно места, но в такое время, когда он отсутствует. С этой целью объездчик часто от-

лучается и всегда дает знать своим клиентам о своем отъезде. Куда же дальше?! Но, оказывается, есть еще извороты. Нам известны два объездчика, Губа и Закар, которые настоящей весной перед прогоном овец в горы стали объезжать пастухов и «просить» у них курпеей для шубы. Пастухи, понимая, какую роль играет объездчик в народной жизни, за неимением курпеей одаряли их баранами. За два дня они объехали всех пастухов и набрали 40 «курпеев». О шашлыках и кефире и говорить не стоит. Пастухам, конечно, была разрешена пастьба в лесах и льготный прогон через леса. «Льготный по понятиям объездчиков значит, что стадо в 1000 голов можно засчитать за 100. Закар проводил пастухов до Мацута (мост в Дигурском ущелье), где имел стычку с жителями Нара, которые просили уплатить стоимость прогона. Закар поручился за пастухов, и нарцы ни с него, ни с пастухов не получили ничего за прогон овец через их земли. На все это давно пора обратить самое серьезное внимание.

Девятнадцать лет тому назад по Урухскому ущелью через Белую гору самим населением была проведена дорога, стоившая ему 43 000 рублей. Помимо этого на ремонт ее расходовалось ежегодно по 3000 рублей. С водворением в ущелье «Терского акционерного общества» дорога с каждым днем все больше ухудшалась благодаря многочисленным тяжелым возам рабочих акционеров, непрерывною цепью двигавшихся по ней. В настоящее время дорога настолько испорчена, что передвижение по ней сопряжено с ежеминутной опасностью для жизни людей и животных. Во многих местах совершенно невозможно разъехаться, и встречающиеся на таких тропах всегда бывают на волосок от смерти. Дорога

требует капитального ремонта, или необходимо провести новую дорогу. Ни на то, ни на другое у разорившегося населения нет никаких средств. Акционерные общества и знать ничего не хотят. Неоднократное обращение населения к начальству о том, чтобы горнопромышленным компаниям поставить условием ремонт дороги, которая с величайшим напряжением была выстроена населением в настоящее время совершенно оголенных гор, остается безрезультатным. Не особенно давно был даже сход по вопросу проведения новой дороги по Урухскому ущелью, на который акционерами был приглашен даже начальник Владикавказского округа. Народные представители утешали себя надеждой, что начальство будет на их стороне. Но не тут-то было. «Ездить по дороге нет никому никаких препятствий, а если хотите строить новую, то стройте с акционерами, иначе заставлю вас самих выстроить новую дорогу, и акционеры будут так же пользоваться ею, как теперешней». На эту речь представители народа, конечно, уже ничего не могли ответить. Вот в каком положении очутилось население Урухского ущелья. В других ущельях горной полосы Владикавказского округа положение дел если не хуже, то не лучше.

1901

РАЗВИТИЕ ШКОЛ В ОСЕТИИ

В конце 18-го века часть осетин, стесненных в своих горах более сильными соседями — магометанами-кабардинцами, принуждена была выселиться из гор

и отдать себя под покровительство России. Первым поселением осетин на плоскости был Моздок, куда была вынесена ими с собою из гор известная моздокская икона божьей матери. Екатерина Великая учредила в 1793 году моздокскую духовную комиссию для восстановления в Осетии древнего христианства. Правда, немногое могла совершить в то время моздокская комиссия для успешного распространения евангельского учения, но если принять во внимание, что ею отпечатана первая церковная книга на осетинском языке, создано несколько церковнослужителей из природных же осетин, то и эти результаты нужно признать довольно значительными, судя по времени и обстоятельствам тогдашней боевой жизни края. Комиссия эта скоро должна была прекратить свою деятельность и только при императоре Александре I, когда церковное управление Кавказом было сосредоточено в Тифлисе, моздокская духовная комиссия снова возродилась. В отчете совета «Общества восстановления христианства на Кавказе» за 1870 г. по этому поводу помещена интересная историческая справка: по высочайшему повелению от 21-го февраля 1816 года учреждена была в Тифлисе осетинская духовная комиссия, которой по тому же высочайшему повелению отпускалось из государственного казначейства на содержание духовенства и школ и на вспомоществование новообращенным горцам 23 552 рубл. в год. Из этой суммы от недостатка причтов и от многих других обстоятельств образовался при комиссии экономический капитал, который с процентами к 1860 г., ко времени учреждения «Общества восстановления христианства на Кавказе», простирался до 231 793 р. 36 к. На проценты с этого капитала комиссия строила

церкви и снабжала их всеми необходимыми принадлежностями.

По учреждении «Общества» возникло предположение соединить с ним осетинскую духовную комиссию, так как цель последней во всех отношениях совершенно была тождественна с целями первого и соединение это могло усилить средства «Общества». Предположение это было высочайше утверждено, причем штатные и экономические капиталы комиссии были переданы в распоряжение «Общества», с возложением на него установленных комиссией расходов, т. е. содержания духовенства, школ и сооружения в горах церковных зданий и снабжения их ризницею, утварью и другими предметами.

«Общество восстановления христианства на Кавказе» со дня своего учреждения вплоть до настоящего времени ревностно продолжало дело насаждения в Осетии христианства и просвещения, начатое вышеуказанными осетинскими духовными комиссиями. За последнее время открылся целый ряд женских школ, важное значение которых в жизни кавказского сельского населения признавал уже на заре своей деятельности совет «Общества», что видно из того, что в 1863 году им была основана Владикавказская осетинская трехклассная женская школа, принятая с самого начала под покровительство великой княгиней Ольгой Федоровной, попечительницей совета «Общества». Школа эта, находясь в г. Владикавказе, умственном и административном центре осетин, оказала самое благотворное влияние на положение женщины в Осетии. Из стен этого заведения, одного из лучших светочей христианского просвещения среди горских племен Кавказа, вышли

десятки интеллигентных осетинок, примерных тружениц — матерей семейств и народных учительниц, в которых все сильней и сильней ощущается потребность для духовно-нравственного воспитания как мужского, так и женского сельского населения. Опыт земских, министерских, а также церковноприходских школ с несомненностью подтверждает тот факт, что учительницы достигают зачастую более благотворных результатов в сельской среде, чем учителя. Во всех своих отчетах совет «Общества» отзывался самым благоприятным образом о постановке учебной и воспитательной части в этой школе. Правда, в 1889 г. совет «Общества» думал совершенно закрыть эту школу, признав ее почему-то бесполезной после двадцатипятилетнего ее существования. Передовые осетины, которые всегда гордились этой школой, не могли не возвысить своего голоса в пользу оставления ее для просвещения своих темных земляков. Высокое заступничество, оказанное в 1889 г. их ходатайству великим князем Михаилом Николаевичем, сохранило эту школу до настоящего времени, благодаря чему окончившие курс воспитанницы могли послужить толчком к открытию целого ряда женских школ. Без учительниц немислимо было бы никогда достичь тех благотворных результатов, которые мы теперь видим. Владикавказская женская школа незаметно сделалась по требованиям и обстоятельствам времени женскою учительскою семинариею. Не о закрытии или перенесении ее из края, светочем просвещения которого она была сорок лет, должен идти теперь вопрос, а о более рациональной постановке в ней учебной и воспитательной части согласно требованиям настоящего времени. Наиболее успешные ученицы из

сельских школ могли бы поступать с известной подготовкой в эту школу, что дало бы возможность расширить программу и достигнуть более благотворных результатов. В особенности дорого сохранение этой школы в настоящее время, когда стремление к более полному просвещению женщин уже пробудилось в народе. Если школа эта давала, судя по отчетам совета «Общества», полезные результаты в 60-х, 70-х и 80-х годах, когда просвещение и начала гражданственности только проникали в жизнь осетин, то нет никакого сомнения, что школа эта в настоящее мирное гражданское время окажет неоценимую услугу целому краю, будучи преобразована.

Прежде всего необходимо, чтобы во главе школы стояло лицо с подготовкой к педагогической деятельности. Настоящая начальница и ее предшественница ничего общего с педагогикой не имеют. Попали они в школу только благодаря своей связи, как в какую-то богадельню. При первой из них, несмотря на то, что она морила пансионеров голодом и холодом и большую половину года кормила их недоброкачественной постройной пищей, во время ревизии школы обнаружено более двух тысяч недочета. Из-за нее и была тогда закрыта школа среди учебного года, и только благодаря протесту осетин и их жалоб школа была оставлена под названием приюта. Теперешний состав служащих нисколько не лучше. Преподавание идет настолько плохо, что детям, поступившим в школу с 7—8-летнего возраста, приходится трехклассный курс проходить в продолжение 8—10 лет — время, за которое учащиеся в женских гимназиях оканчивают 8 классов. В школе в составе преподавателей, исключая учительницы рукоделия, нет осетинок, которые,

несомненно, с не знающими русский язык детьми проходили бы более успешно все предметы преподавания. Было бы желательно расширение программы по крайней мере до типа общеучительских семинарий с рукоделием, шелководством, пчеловодством, огородничеством, садоводством и молочным хозяйством. Отпускаемые в настоящее время «Обществом восстановления христианства на Кавказе» средства если будут недостаточны для такого типа школы, то можно войти с ходатайством в подлежащие учреждения о пополнении недостающих для такой школы средств хотя бы даже из епархиальных сумм. А школьное здание можно выстроить на суммы, ассигнованные Синодом на дело церковного и школьного строительства в Осетии. Владикавказская городская дума, судя по многим примерам, вероятно, не откажет в отводе для оборудования школы необходимого участка городской земли. А если слух о переводе Ардонской семинарии во Владикавказ верен, то ардонцы, несомненно, предоставят семинарское здание осетинской женской школе и она раз навсегда избавится от занимаемого теперь тесного здания с мизерным грязным двором, на узкой грязной улице. Местоположение здания Ардонской семинарии с громадным садом при нем и всевозможными надворными постройками даст школе все необходимое для гигиены и занятия сельским хозяйством.

1901

УЧЕБНИК ГЕОГРАФИИ РОССИИ

КУРС ГИМНАЗИЧЕСКИЙ

Составил Михаил Мостовский

Какими источниками пользовался автор этого учебника, мы не знаем, но уже одно причисление всего Кавказского края к азиатской России показывает, что он не вполне знаком с географией Кавказа, которую он трактует как авторитет. Учебник его между тем выдержал восьмое издание и одобрен ученым комитетом Министерства народного просвещения. Ввиду того, что учебник этот введен и в наших кавказских гимназиях, я и остановлюсь исключительно на Кавказе.

«Горы, понижаясь отлого, образуют долины, куда стекают бесчисленные ручьи и речки, освежающие эти большие долины, наделенные теплым климатом; в пяти верстах от них климат наших северных губерний, еще выше встречаем климат Сибири с зимними стужами, метелями и снегами». Все это шиворот-навыворот. Вся северо-кавказская равнина подвержена страшным ветрам, зимою здесь бушуют такие бури, что нет ни прохода, ни проезда, случаи замерзания людей и животных не только в степях, но даже на площадях станиц и городов очень часты. Несколько лет тому назад под пасху, 5 апреля, над северо-кавказской равниной разразилась страшная снежная буря, продолжавшаяся двое суток, которая населению стоила сотни тысяч мелкой и крупной скотины и многих человеческих жертв. Пятиверстное расстояние никакого значения не имеет, если только автор учебника это расстояние не измеряет вертикально.

В глубоких ущельях, даже на высоте 5—6 тысяч футов никогда не бывает ни сильных ветров, ни метелей. Правда, в горах больше выпадает снега (5—6 аршин), зима более продолжительна, но зато там и солнечных дней больше и климат ровнее. «Самым дождливым местом из всех берегов Средиземного моря считается бассейн реки Риона». Каким образом бассейн р. Риона попал в число берегов Средиземного моря, этого даже сам автор не объяснит. А вот распределение населения Кавказа: 1) «Черкесы или адыге, т. е. жители оврагов, населяют пространство от Черного моря до верховья Кубани, следовательно — западный Кавказ». Словом *адыге* с таким же успехом можно назвать жителя оврагов, как и словом *калмык* — жителя степей или *русский* — жителя лесов. Автор, видимо, очень опытный лингвист. Но это неважно. На берегах Черного моря нет ни одного аула, где бы жили адыге. Их по среднему течению Кубани, после переселения в Турцию, осталось очень мало.

В верховьях Кубани живут карачаевцы; ниже от них попеременно живут ногойцы, абазинцы и 2—3 аула кабардинцев. На север от Эльбруса живут балкарцы, родственные карачаевцам. На северо-востоке — опять кабардинцы. 2) «Абхазцы живут у берегов Черного моря и у верхних притоков Кубани». Это тоже абсурд, так как абхазцы всегда жили только на берегу Черного моря в нынешнем Сухумском округе. Громадное большинство их в последнюю русско-турецкую войну переселилось в Турцию. 3) «Чеченцы (нахче) живут на среднем Кавказе, к востоку от черкесов». И это неправда, так как между чеченцами и черкесами живут еще ингуши и осетины. 4) «Лезгины живут по соседству с че-

ченцами... Племя это вело самую ожесточенную борьбу против русских до 1859 года под руководством Шамиля». И это абсурд. Между чеченцами и лезгинами живут кумыки, казы-кумыки и аварцы. Лезгины никакого общения с чеченцами не имеют. Они упорно отстаивали свободу самостоятельно под руководством своих ханов, хотя и во время Шамиля. Сам Шамиль был аварец, и главную силу его составляли аварцы. Все же, что было иноплеменного в его армии — кумыки, казы-кумыки, чеченцы и ингуши — все ему изменяли за русское золото, пока, наконец, не довели его до сдачи Гуниба. 5) «Осетины, имеющие по физиономии, языку и образу жизни большое сходство с германскими народами, живут вблизи Военно-Грузинской дороги, в Терской области... особенная страсть осетин наниматься в кунаки (т. е. защитник и покровитель)». Это уже верх совершенства. Сходство осетин с германскими народами по физиономии, языку и образу жизни — уже отжившее свой век заблуждение. Осетины живут не только близ Военно-Грузинской дороги, но они спускаются на южный склон главного хребта, населяют большую часть Горийского уезда, северную часть Кутаисской губернии, граничат с юга с Сванетией; граница их переходит на север через главный хребет и по левому водоразделу Урухского ущелья доходит до впадения Уруха в Терек, пересекает Терек и по гребню холмистого предгорья идет на восток, пересекает около Владикавказа Камбилеевку, переходит на Терек и идет по левому берегу в глубь Дарьяльского ущелья до Гудаура. Что же касается до особенной страсти осетин наниматься в кунаки, так это уже полное невежество и непонимание, что такое кунак. В кунаки никто не нанимается, так как кунак значит

гость. А покровительство сильного слабому бывает всегда безвозмездно. Ввиду таких несообразностей в учебнике географии Мостовского, который, к сожалению, преподается даже в кавказских гимназиях, я бы от души советовал автору еще раз исправить, дополнить и издать девятым изданием. То-то денегу наживет!

1901

ВНУТРЕННИЕ ВРАГИ

Население Кавказа, как и все человечество, чуть ли не с сотворения мира руководилось единственным правилом: «У сильного всегда бессильный виноват». История грузинского племени с его многочисленными разветвлениями наиболее ярко доказывает необузданность в отношении народа разных «тауади», «азнаури» и т. п. Таким «аристократизмом» заразился теперь и Северный Кавказ. Осетинские так называемые «алдары», «тауби» и «бадилата» несколько не отстают в своих претензиях от грузинских «тауади» и «азнаури», хотя, к счастью, у первых¹ руки много короче, чем у грузинских «тауади» и «азнаури». Наиболее характерными типами осетинской «аристократии» являются «бадилата». Захватив во время выселения горцев на плоскость громадную полосу лучшей земли, они завели близкое дру-

¹ В исходном тексте — «у последних» явная опечатка. — Сост.

жеское куначество с кабардинскими «князьями», переняв от них же несколько раньше магометанство, и отдались полному безделию. В настоящее время, когда вся их земля заложена, перезаложена и еще перезаложена, они стеснили до крайности население поселка Дур-Дур и другие соседние селения. Возникают судебные процессы, тратятся громадные суммы на адвокатов, на взятки и на прочие расходы. Жители Дур-Дура с последних пожитков набрали тысячу рублей и отвезли их во Владикавказ присяжному поверенному Берману. Прошло уже более 8 месяцев со дня вручения денег, а защитник себе и в ус не дуёт, — до сих пор не написал даже прошения. Между тем у населения Дур-Дура имеется документ, свидетельствующий о безусловной принадлежности ему недавно захваченной Тургановыми земли. Документ этот относится ко времени занятия должности главным начальствующего на Кавказе генерал-адъютантом кн. Воронцовым. Помечен 25 августа 1852 года № 1401. Вот что в нем сказано:

«1. Землю эту, в которой, по снятии, на плане оказалось 13 564 десятины пахотной, сенокосной и выгона, разделить на участки между фамилиями старшин и народом следующим образом: а) всем членам фамилии Кубатиевых — 3000 десятин; в) фамилии Караджаевых — 800 десятин; с) капитану Абисалову — 200 десятин; d) остальные 9564 десятины отдать в общественное владение вольным сословиям, отводя особо участок для христиан и особо для мусульман, в соразмерности числа душ мужского пола, на которых и поселить тех и других отдельными аулами.

2. К отмежеванию этих участков и переселению вольных сословий на указанные места приступить

немедленно, для чего из Тифлиса командирован топограф Ильющенко, в распоряжение начальника центра Кавказской линии, а если бы одного топографа было недостаточно, то прикажите отправить туда офицера или топографа из штаба вверенных вам войск.

3. Лес, которого на плоскости, как исчислено по плану, 21 168 десятин, а в горах — 21 266 десятин, до времени оставить в общем пользовании.

4. Часть земли Николаевской станицы, прилежащую к земле генерал-майора Туганова, весьма удаленную от станицы, заменить, если окажется возможным, землею, ближайшею между реками Дур-Дуром и Белою. Составление соображений о том, каким образом произвести замену, поручить корпуса топографов штабс-капитану Герасимову, на которого возлагается размежевание земель Тагаурского общества.

5. Аул из дигорцев-христиан поселить на месте, избранном князем Эрстовым, в котором назначить местопребывание пристава. Насчет назначения благочинного, постройки церкви и учреждения духовной школы делается сношение с экзархом Грузии.

6. Аул Кабанова, поселки Нар и Лескен, отдаленные от своего общества и надзора пристава, водворить около аула Караджаева, где, как объясняет кн. Эрстов, хотя теперь мало пахотных земель, но по сделанному им осмотру оказалось там много мест, на коих очень удобно вырубить леса и очистить их под пашни, и притом же как жители названного аула, так и другие дигорцы остаются довольными этим переселением и не будут оным стеснены.

7. С поселением вольных сословий на участках

общественных они не отбывают поземельных повинностей бадилатам.

8. Остающиеся или поселяемые на собственных старшинских участках дигорцы простого народа отбывают по-прежнему как земельные, так и личные повинности.

9. «Кумиакам» — христианам предоставить право разобраться с бадилатами по народным обычаям, и если по таковому разбирательству окажется, что «кумиаки» имеют право на переселение от владельцев и если прежде были примеры подобных переселений, то и им дозволить переход в христианский аул, в противном случае оставить их на земле бадилатов и стараться склонить владельцев и «кумиаков» на взаимные друг другу уступки, во внимание к освобождению от зависимости владельцев и переселяемых на общественные участки христиан и магометан.

10. Показанные на плане в горных местах сенокосные и пахотные земли, присвоенные теми, кто их расчистил, оставить в их владении, но с тем, чтобы на будущее время никто без разрешения начальства не делал расчистки лесов для обращения в пахотные и сенокосные поля; участки сии отмежевать ныне же.

11. Владеемые генерал-майором Тугановым участки, сверх высочайше дарованной ему земли, должны быть непременно обращены в надел других дигорцев, а ему теперь же воспретить пользоваться ими.

Сообщая все сие Вашему превосходительству к зависящему распоряжению, честь имею присокупить, что для выиграния времени копия с сего предписания и план дигорских земель препровож-

дены прямо к начальнику центра кавказской линии. Подписал главнокомандующий генерал-адъютант кн. Воронцов, скрепил исправляющий должность начальника главного штаба свиты его величества генерал-майор Вольф».

Это распоряжение главноначальствующего достаточно ясно рисует истинное положение вещей. За исключением отведенных генералу Туганову, фамилиям Кубатиевых, Караджаевых и капитану Абисалову, вся остальная земля принадлежит населению. Что же касается до «кумиаков», то и они не крепостные крестьяне, а люди совершенно свободные в выборе местожительства. «Кумиак» это то же, что и осетинское «кавдасард», родившийся от того же представителя бадилат не от главной жены, а от второй, а то и третьей и даже четвертой. Они члены семьи и во всякое время могли отделиться от нее и жить где угодно. Претензии осетинских «аристократов» после освобождения <крепостных> крестьян, которых в Осетии в настоящем смысле этого слова совсем не было, слишком смелы и недостойны истинного патриота своей родины. Добиваться каких-то титулов и владельческих княжеских поместий, чтобы их закладывать и перезакладывать, бездельничая всю жизнь, возбуждая население, угнетая и лишая всяких средств к существованию и так обездоленный народ, бессмысленно, не честно и не достойно людей, претендующих на благородство. Когда в стране ничтожная кучка самообольщенных начинает агитировать против трудолюбивого и обремененного до крайности населения, то такую кучку людей не только нельзя считать своими единоплеменниками, но прямо самыми злейшими врагами экономического и нравственного благополучия

одноплеменного населения. Это враги внутренние, которым для общей пользы давно пора бросить бессмысленную рознь с народом.

1901

ЦЕРКОВНОПРИХОДСКИЕ ШКОЛЫ В ОСЕТИИ

Состоявшийся текущим летом съезд учителей церковноприходских школ Северной Осетии затронул очень важные вопросы школьной жизни. За отсутствием сколько-нибудь сносных учебников, съезд постановил ввести в осетинских школах известный учебник русского языка Я. Гогобашвили — «Русское слово».

Для более рациональной постановки родного языка в осетинских школах съезд решил теперь же приступить к составлению учебников. Кроме того, решено организовать общество взаимопомощи учителей и учительниц церковноприходских школ.

Постановлением того же съезда решено открыть в сел. Ардон, при духовной семинарии, склад учебных пособий для осетинских школ. Там же открывается учительская библиотека.

Все это превосходно. Но есть в жизни церковноприходских школ Осетии очень много недочетов. Во-первых, положение учителей и в особенности учительниц. Труд, которому эти сеятели «разумного, доброго, вечного» посвящают все свои лучшие годы, оплачивается каким-то нищенским подаянием в 12 рублей в год, за небольшим исключением. Это положение ухудшается еще тем ветхозаветным порядком

получения жалования, который сохранился только на Кавказе в среде священников и учителей, получающих свое содержание из средств «Общества восстановления христианства на Кавказе», — по третям, да еще с большими запозданиями. Вот что говорит по этому поводу г. Тульчинский, в «Терских ведомостях».

«Добро еще, если бы эта получка аккуратно совпала в срок, но дело в том, что жалование высылается из Тифлиса и всегда месяцем позже данной трети, причем не следует упускать из виду, как указано выше, то обстоятельство, что содержание получается по истечении трети, в продолжение которой надо было жить без денег, а следовательно, влезать в долги. Все это в совокупности значит: за свой адский труд получай от 40 до 100 рублей и эту гомеопатическую сумму размежуй, как знаешь, чтобы хватило с долгами расплатиться и жить целых пять месяцев. Задача не из легких. Но на деле и это еще не все: учителя и учительницы за своим жалованьем должны ехать в Ардонское селение, что естественно сопряжено с потерей времени и более или менее с значительными расходами, в особенности для тех, которым приходится ехать из Стыр-Дигорского, Махчешского приходов и других отдаленных местностей. Кроме того, такие поездки для многих учителей еще более удлиняют срок получения своего жалования.

Неприглядность такого положения еще выпуклее обрисовывается, когда, скажем, что каждый служащий в других учреждениях, вследствие ежемесячного получения жалования, к великим годовым праздникам рождества Христова и святой пасхи может иметь для себя и семьи обновки, а для стола традиционных

гуся и поросенка, тогда как эти труженики сельского просвещения не только лишены этой относительной роскоши, но подчас многие из них не имеют для себя и семьи достаточного количества хлеба, ибо свое скромное жалованье они получают в три приема: в январе или феврале, в мае или июне и в сентябре или октябре».

В горной Осетии положение учащихся невыносимо еще потому, что там школьные здания похожи скорее на хлев, чем на просветительное учреждение. Тесные, низкие, ничем не обмазанные каменные сараи, большей частью с земляным полом, с маленькими оконцами и жестяной плитой вместо печи. Несмотря на громадные ассигновки высшим духовным начальством на постройку церквей и школ на Кавказе, <необходимые средства редко направлялись> в горную Осетию, где, по крайней бедности населения <и ввиду> суровой и продолжительной зимы, особенно необходимы отвечающие своему назначению школьные здания, церкви и квартиры для священников и учителей.

Ненормальным и чрезвычайно обременительным является также преподавание славянского языка детишкам 7—10 лет, не умеющим еще читать и говорить по-русски. В газетных сообщениях о заседаниях съезда учителей церковноприходских школ ничего не упоминается об этой ужасной постановке в горной Осетии церковноприходских школ. В Карачае, Кубанской области, сельские школы Министерства народного просвещения, содержимые на счет населения, имеют пансионы, благодаря чему детям из разбросанных по ущельям аулов не приходится бегать в школу зимою по морозу полунагими. Учителя этих школ получают 600 рублей (50 рублей в

месяц) с квартирой, прислужгой, отоплением и освещением. Школьное здание в Уч-Кулане большое двухэтажное, выстроенное при бывшем уездном начальнике Петрушевиче. В горной Осетии, где население приходов разбросано на разных крутизнах, на расстоянии 5—6 верст, где суровая, долгая, с глубоким снегом зима совершенно лишает возможности посещения школы детьми из отселков, — необходимы такие же школы, как в Карачае. Об этом надо подумать местному епархиальному начальству, училищному совету, съезду учителей и самому населению. С божьей помощью только общими силами этих учреждений вопрос о правильной постановке школьного дела в горной Осетии может разрешиться в самом благоприятном смысле.

1901

НАСУЩНЫЕ ВОПРОСЫ

Обострение земельного вопроса в Терской области в последнее время поставило население, в особенности туземное, почти в безвыходное положение. В горной полосе земли до того истощились, что при тяжелом каторжном труде жители поголовно питаются впроголодь. Плоскостные земли, благодаря громадному увеличению населения, стали до такой степени недоступны горцам, что об их аренде через 2—3 года не может быть и речи.

Назойливое слово «иностранец» в казачьих станицах — в осетинских селениях заменилось словом «временнопроживающий», оно тем более ужасно,

что ни у одного из них нигде не осталось ни кола, ни двора. Неся наравне со всеми коренными жителями, а зачастую и вне очереди, все общественные и земские повинности натурой и деньгами, платя обществу за усадьбу, арендуя для пахоты, покоса и пастьбы за дорогую цену участки коренных жителей, эти несчастные пасынки не пользуются даже правом голоса на сходах. Но и это, куда ни шло, можно стерпеть, но горе, что вопрос о «временнопроживающих» дошел до такого напряжения, что далее некуда. Начинают выступать уже адвокаты в защиту коренных жителей и, главным образом, кулаков и мироедов, которые не хотят примириться с тем, что они уже не могут вспахивать так много земли, которую они до наплыва «временнопроживающих» арендовали за бесценок. Как теперь от них избавиться? Очень просто! — Найдем адвоката и выгоним их вон! «Но тогда, — говорит г. Цаголов в «Терских ведомостях», — еще назойливее ведь будет мучить нас вопрос: куда деть эту голодную армию, этих изгнанных и обездоленных своими братьями горемык. От вопроса избавилось только селение, но для области он по-прежнему остается вопросом, даже еще более обострившимся.

Нужно, стало быть, искать другого пути для решения, и именно такого, который дал бы возможность этим земледельцам приложить свой труд. Иными словами — нужно постараться так или иначе снабдить этих горемык землей, так как, собственно говоря, отсутствие земли и заставляет их тянуть нелегкую лямку «временнопроживающего».

Но откуда взять землю? Да оттуда, откуда берут ее переселяющиеся в нашу область немцы, латыши,

русские крестьяне и др. Часть этих переселенцев, как известно, покупает землю у наших землевладельцев при помощи разного рода кредитных учреждений. Такие земли еще не все скуплены. Обширные площади ждут еще покупателей. Наши землевладельцы не подготовлены к ведению хозяйства и потому рады сбыть поскорее с рук свои земли. Другая же часть арендует земли у тех землевладельцев, которые, не занимаясь сами хозяйством и воздерживаясь пока от продажи, все свое благополучие стремятся создать на ренте. Есть затем у нас в области и свободные казенные земли, часть которых можно передать «временнопроживающим» если не в собственность, то, по крайней мере, на праве вечнонаследственной или долгосрочной аренды. Однако самое главное внимание все-таки должно быть обращено на частновладельческие земли, которые для сельскохозяйственной эксплуатации являются наиболее пригодными.

Да, наконец, многие селения плоскости, особенно Кабарды, не так уж бедны землей, чтобы не могли выдержать двух-трех семейств «временнопроживающих». Препятствовать селиться в них «временнопроживающим» является делом далеко не основательным. С какой стати ограничивать людей правом выбора места жительства? Что сказал бы тот же «коренной» житель, который так гонит теперь «временнопроживающего», если бы ему, например, не дозволили проживать нигде в России, за исключением места коренного жительства? Ведь он завопил бы, что это несправедливость, беззаконие и пр. и, пожалуй, прибег бы опять к «компетенции адвоката». Так почему же он не хочет предоставить это право «временнопроживающему»? Не давай

ему пая из пахоты, сенокоса и т. д. Но зачем не давать усадьбы, если он тебе за это посаженную плату будет вносить? Зачем не давать ему возможности арендовать землю у коренных жителей, не могущих, в силу тех или иных условий, использовать свои пай? Говорят, земли мало! Там, где ее мало, — она дорога и коренной житель к тому же не отдаст ее в аренду, если она ему необходимо нужна. И затем, не насильно же отбирают земли «временнопроживающие». В конце концов ведь все эти слезы о тесноте исходят от тех, которые, за исключением своих паев, распахивают и пай своих односельчан. Для этих богатеев, действительно, «временнопроживающий» неприятен, так как увеличивает арендную плату и заставляет его, богатея, выкладывать лишнюю копейку.

Наконец, пример переселения безземельных осетин горной полосы Владикавказского округа в 1870 году в Кубанскую область ясно свидетельствует, что и теперешние безземельные туземцы еще с большей охотой поселились бы на казенных землях Терской и Кубанской областей. В семидесятых годах не было железных дорог, переселение совершалось на арбах. Сто пятьдесят семейств плелись длинной вереницей скрипучих арб больше месяца от сел. Ардона до слияния рек Теберды и Кубани. Благодаря превосходному климату, тучной непочатой земле с обилием леса, обширных пастбищ, лугов и воды, эти бедняки в продолжение 30 лет больше чем удвоились и сделались настолько зажиточными, что в настоящее время ни одно осетинское селение, не говоря о других туземцах, не может сравниться с ними... Обширное овцеводство, пчеловодство, скотоводство и коневодство, с постоянным хорошим

урожаем всех видов хлебных злаков, дали возможность переселенцам преобразить свой небольшой поселок в городок с массой домов под железной крышей, прекрасным школьным зданием и торговыми заведениями. В Кубанской области еще очень много земель, освободившихся после переселения кабардинцев в Турцию. Из этих земель наиболее подходящими для безземельных осетин горной полосы были бы, несомненно, земли, расположенные на предгории.

Для улажения этого назойливого и обострившегося до крайности вопроса необходимо участие областной администрации. Надо собрать точные сведения о числе безземельных и «временнопроживающих» в Северной Осетии и снестись с главным кавказским управлением и Министерством земледелия и государственных имуществ по вопросу о поселении на казенных землях Терской или Кубанской области безземельных осетин Северной Осетии. Другого исхода нет.

1901

ПУТИ СООБЩЕНИЯ В ГОРНОЙ ПОЛОСЕ КАВКАЗА

Из года в год продолжительные ливни, снеговые завалы, осыпи и т. д. приводят в горной полосе Кавказа и так очень опасные дороги, вернее — тропинки, в совершенную негодность для проезда, а местами и для прохода. К расширению их и постоянному уходу за ними применяются только самые

примитивные меры. Зачастую население гор по неделям и месяцам не имеет доступа на плоскость. Между тем при скудности урожаев, сказочном мало-земелье и современной дороговизне продуктов первой необходимости, периодически замкнутому в глубоких ущельях населению приходится испытывать такие трагические моменты, о которых плоскостный житель ни имеет никакого понятия. Многочисленные туристы, скитающиеся в последнее время по Кавказу в самую лучшую пору года, на каждом шагу переполняют воздух восклицаниями, вызываемыми то прелестью чудной панорамы гор, то ужасом зияющей под ногами бездны. Интересно бы видеть этих туристов в позднюю осень и глубокую зиму в дебрях гор, тогда, несомненно, их летние восторги заменились бы ужасом предсмертной агонии. Они увидели бы тогда, как в Касарском ущелье (Военно-Осетинская дорога) с узкой, пробитой в отвесной скале тропы, покрытой сплошь льдом, срывается в бездну наполненная кукурузой арба с последней лошастью одетого в лохмотья осетина. Они увидели бы тогда, как снежными завалами снесено с высоких крутых скатов сенокоса в бездну ущелья все собранное в копны сено, как население копошится в этих колоссальных лавинах, разыскивая свое сено, с бранью оттягивая друг у друга раскопанную кучку сена, стараясь убедить всех, что это сено мое, а не его. Такие драмы разыгрываются теперь в Нарской котловине. Осматривали испорченную дорогу некие инженеры, которые предлагали охотникам за исправление дороги только 50 рублей — за работу, которая на худой конец обойдется в 250—300 рублей. Такое ужасное бездорожье по всей горной полосе Кавказа необходимо как можно скорее устранить. Средствами

для удовлетворения этой вопиющей нужды миллионного населения могут послужить неизвестно в каких сундуках и где хранящиеся горские штрафные суммы, а при их недостатке можно было бы войти с ходатайством в подлежащее учреждение о казенной субсидии. Во всяком случае, дорожный вопрос в горной полосе Кавказа является самым насущным, ставящим на карту многие человеческие жизни с трагической кончиной.

1901

НА ЧУЖБИНЕ

...Родная земля!
Назови мне такую обитель,—
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?

Некрасов

Далеко-далеко, в Киевской губернии, в Уманьском районе есть волость Тальновская, в которой имеется село Майдановское.

С освобождением крестьян крестьяне села Майдановского были наделены землей в очень незначительном размере. С увеличением населения «стало тесно», земля вся перепахана, скот приходилось кормить ветвями, сажень соломы стоила 25 рублей, пуд дров 10 копеек. Стали арендовать землю у графа Шувалова и у киевских монахов, но это продолжалось недолго, так как графская земля вся пошла

под сахарный тростник, а с монахами не было никакого ладу, — курица забежит к ним за межу, и то целое горе!

Становилось все тесней и тесней... Скотина падала, — летом негде пасти, зимой нечем кормить... Что делать? Куда деваться? Долго судили, долго рядили, и, наконец, порешили искать счастья на чужбине. Часть их пошла в Оренбургскую губернию, другая — в Нижегородскую, а третья на «погибельный» Кавказ.

Что случилось с первыми двумя партиями — неизвестно, но та партия, которая попала к нам, находится в самом ужасном положении.

Хутор Фальмановский, где поселились эти переселенцы (малороссы), отстоит от станции Бороково Владикавказской железной дороги в 30 верстах. Дорога от станции Бороково к хутору пересекает аулы Малой Кабарды — Муртазово, Астемирово и Исламово.

С первого взгляда всякий сколько-нибудь знакомый с условиями гигиены поражается антигигиеничности места поселения хутора. Болотистая котловина со стоячей водой, где размещены наскоро сколоченные жилища, быстро наплатала организмы переселенцев малярией, и с 7 июля по 5 октября из 170 душ умерло 16, из них семеро детей.

К всему этому — многократные нападения ингушей, оканчивающиеся похищением у крестьян лошадей, коров и быков.

Такое безвыходное положение не могло остаться тайной для его превосходительства г. начальника Терской области, который немедленно распорядился отправить стражу из пяти казаков во главе с офицером; население снабжено ружьями, больным оказана

медицинская помощь, устроена по частной инициативе столовая, дети и взрослые снабжаются платьем, обувью и другими необходимыми вещами. Однако всего этого пока недостаточно — необходимо обеспечить их до нового урожая и помочь им построиться на более высоком месте во избежание новых заболеваний. Пожертвования деньгами, платьем, обувью и другими вещами можно направлять на имя Варвары Григорьевны Шредерс.

1901

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО К ОСЕТИНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Кавказское кустарное производство давно уже обратило на себя внимание нашего правительства и общества.

Многочисленные и до крайности разнообразные изделия этого производства с каждым годом с неимоверной быстротой увеличиваются и совершенствуются безостановочно.

К величайшему прискорбию, до сих пор сбыт кустарных изделий остается таким же убыточным, как пятьдесят лет тому назад.

Расплодившиеся повсеместно мелкие лавочники, с гнилым ситцем, залежалым хламом и разными негодными отбросами, всецело завладели трудом кустарей, меновой торговлей, доводя до минимума действительную стоимость кустарных изделий и перепродавая их в городах втридорога.

С этой возмутительной эксплуатацией и так бедного населения необходимо бороться, бороться долго, упорно, чтобы раз навсегда искоренить ее.

Борьбу эту должна начать наша интеллигенция и для достижения цели должна принять самые радикальные меры.

Прежде всего надо открыть во Владикавказе контору с магазином, куда бы население Владикавказского округа, а там, бог даст, и все население Терской области могло направлять все изделия своего кустарного производства.

Для полного регулирования притока в эту контору кустарных изделий необходимо призвать на помощь священников, учительниц и учителей, чтобы они оповестили население об открытии во Владикавказе конторы для приема и продажи по действительной стоимости кустарных изделий, а главное, просить их о том, чтобы они заведовали сельскими конторами, которые должны служить передаточными пунктами для доставления из них в городскую контору партий кустарных изделий.

На оборудование конторы с магазином и, в первое время, на ее содержание необходимы, конечно, средства, достаточные для начала дела. Помимо членских взносов, частных пожертвований и небольшого процента с проданных кустарных изделий, надо обратиться к самому народу, чтобы каждое селение для этого всенародного дела ассигновало единовременно доступную ему сумму и ежегодные сравнительно небольшие субсидии до укрепления дела.

Устав и программу действий для скорейшего осуществления этого, жизненного для всего трудящегося туземного населения области, учреждения в са-

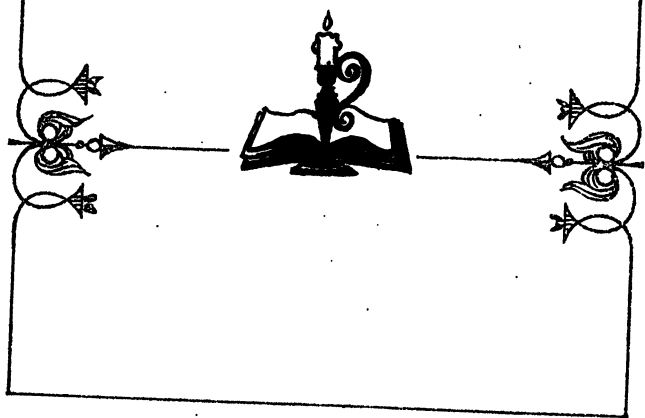
мых широких размерах можно разработать в предварительном заседании живущих во Владикавказе интеллигентных туземцев, без различия национальности, в качестве учредителей «Общества покровительства кустарному производству в Терской области».

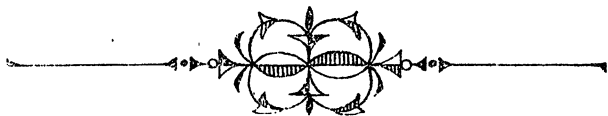
1901

КОММЕНТАРИИ

В настоящий том вошла проза поэта — рассказ «Охота за турами», этнографический очерк «Особа» и избранные статьи.

В публикуемых здесь произведениях Коста Хетагуров предстает перед читателем новыми гранями своего удивительного дарования и, прежде всего, как литератор и публицист. Дух и общее направление его творчества остаются неизменными и здесь, и это как нельзя лучше характеризует цельность натуры К. Хетагурова. Все, к чему прикасался он своим вдохновенным пером, озарено обаянием его личности, блеском его необыкновенного таланта.

Читателю следует помнить, что Коста с юношеских лет находился в изгнании, до конца жизни постоянно подвергался всяческим унижениям, полицейскому преследованию и гонениям; статьи его появлялись в подцензурной печати.

Не вся публицистика Коста вошла в эту книгу. Объясняется это характером настоящего не полного издания. И еще тем фактом, что многое из наследия писателя до сих пор не разыскано. Нам неизвестны, например, его речи, доклады, рефераты, публичные лекции, с которыми он часто выступал, особенно в ставро-

польский период своей жизни, и о которых имеются совершенно точные сведения в газетной хронике тех лет.

Художественная проза и статьи К. Хетагурова выделены в настоящем издании в особые разделы и печатаются в хронологическом ряду.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА

Охота за турами

Печатается по тексту журнала «Детское чтение». Спб. 1893, № 3, с. 243—254.

Автограф неизвестен.

Вот что писал по поводу появления этого рассказа в печати Андуканпар Хетагуров, близкий родственник поэта, живший в то время в Петербурге, врач по профессии: «В 1892 или 1893 г., мои друзья пациенты Борисов Яков и Голяховский Петр (первый издатель, второй редактор журнала «Детское чтение») передали мне для просмотра присланный им Коста рассказ «Охотники». Рассказ они напечатали в очередном номере своего журнала, и Коста был очень обрадован этим обстоятельством. Он письмом горячо благодарил редакцию. Помню, в письме была, между прочим, такая фраза: «Я уже думал, что ни на что не гожусь» (Архив СОНИИ, ф. Коста, папка 11, № 30, л. 6).

Рассказ написан в период карачаевской ссылки поэта. Предположительная дата его написания — 1892 год.

Особа

Этнографический очерк

Печатается по тексту журнала «Кавказский вестник» № 7 за 1902 год. Сохранившиеся два отрывка чернового автографа датируются второй половиной 1891 года.

Очерк К. Хетагурова — ярчайшее свидетельство непосредственного общения писателя с жизнью народа. Несмотря на небольшой объем, ограниченный особенностями жанра и задачей, которую поставил перед собой автор, очерк отличается широтой охвата действительности. В нем воплощены характерные черты художественной манеры писателя — искусство развертывания повествования и динамика действия. Это и своеобразная лаборатория поэта. Образы его знаменитой «Осетинской лиры» мотивированы условиями той действительности, быта и среды, которые являются предметом изображения и в настоящем очерке.

Впервые очерк (без окончания) опубликован в газете «Северный Кавказ» в №№ 59, 63 и 75 от 20 июля, 11 августа и 22 сентября 1894 года.

Публикуемый нами текст значительно отличается от текста газеты. Кроме основательной стилистической правки, Коста ввел в журнальный текст новые главы: Детство. Танцы, пение, сказки. Ирад Экалым. Жених и невеста. Свадьба. Семейная и общественная жизнь. Отношение к больному. Похороны. Обычное право. Примирение кровников.

Отрывки чернового автографа и газетный вариант очерка опубликованы в Академическом пятитомном собрании сочинений Коста (т. IV, с. 414—452).

СТАТЬИ

Письмо в редакцию газеты «Северный Кавказ»

- («...Не откажите поместить...»; с. 81)

Одно из первых публицистических выступлений Коста. Опубликовано в газете «Северный Кавказ» от 8 мая 1893 г.

«Северный Кавказ» — частная газета; издавалась в гор. Ставрополе Д. И. Евсеевым. Коста начал сотрудничать в ней

с 1888 г., когда жил еще во Владикавказе. На страницах этой газеты впервые появились его стихи, поэмы, мелкие заметки и статьи. Он продолжал сотрудничать в ней и в годы карачаевской ссылки. В марте 1893 г. Коста переехал в Ставрополь, и вся его жизнь потом, вплоть до конца 1901 г., была теснейшим образом связана с работой в этой газете, «каждую строчку которой он переживал... всеми фибрами души». На протяжении ряда лет Коста был фактическим ее редактором. В 1896 г. он стал соиздателем газеты и «Листка объявлений для Северного Кавказа». «Вступая в товарищество с Евсеевым по изданию названных выше периодических органов,— говорилось в Условии, составленном и подписанном К. Хетагуровым,— я... обязуюсь участвовать в нем своим личным трудом, который должен выражаться как в сочинении статей для номеров «Северного Кавказа», так, главным образом, в непосредственном наблюдении за составом номеров в соответствии с утвержденной программой и с установившеюся физиономией названной газеты, направляя свою деятельность по этой части к тому, чтобы возбудить к ней в публике еще больший интерес, чем каким она пользуется, приискивая при этом и способы к наибольшему распространению в крае. Сообразно с таким назначением моего, Хетагурова, участия в издании, предоставляется мне право, без вмешательства его, Евсеева, заведовать личным составом редакции как в его настоящем виде, так и по мере пополнения его новыми лицами, приглашение которых во всяком случае должно быть с ведома моего и не иначе, как с моего согласия в определении всех условий работы, в том числе и условий о вознаграждении. Современный личный состав редакции, поступая в мое заведование, подчиняется моим распоряжениям как относительно распределения труда по составлению номеров, так и характера сотрудничества» (Архив СОНИИ, ф. Коста, № 10/45).

В издании газеты «Северный Кавказ» в 1895 г. вышел сборник русских стихов и поэм Коста. В ставропольский период

жизни поэта во всем блеске развернулся его незаурядный публицистический дар.

Казбек Александр — Александр Михайлович Казбеги (1848—1893) — грузинский писатель-беллетрист, автор многих романов и повестей, отличающихся психологической тонкостью и лиризмом. Коста хорошо знал его творчество, в котором привлекали его, видимо, мотивы борьбы против самодержавного строя и яркие картины народного быта. По воспоминаниям К. К. Топуридзе, Коста с восторгом отзывался о Ал. Казбеги. «Готов изучить грузинский язык,— цитирует он слова Коста,— чтобы детально познакомиться с произведениями Казбеги» (Архив СОНИИ, ф. Коста, папка 39, № 183, л. 50).

Сандро Мцерали буквально означает Сандро Писатель. Так любовно называли Ал. Казбеги на его родине.

Владикавказские письма

(«В последнее время замечается...»; с. 82)

Печатается по тексту газеты «Северный Кавказ» № 36 от 5 мая 1896 г., где опубликовано под псевдонимом: Нарон.

Слово *Нарон* образовано из *Нар* (название горного аула в верховьях Алагирского ущелья, где родился К. Хетагуров) и осетинского суффикса принадлежности *он*. *Нарон* буквально означает *нарец*, то есть уроженец Нара. Почти все свои публицистические выступления, статьи и заметки К. Хетагуров подписывал этим излюбленным своим псевдонимом.

«*Терские ведомости*» — газета, официальный орган администрации Терской области; издавалась в гор. Владикавказе с 1868 по 1917 г.

«*Казбек*» — частная газета; издавалась в гор. Владикавказе с 1895 по 1906 г.

«*Новое обозрение*» — частная газета; издавалась в г. Тифлисе.

Услар П. К. (1816—1875) — лингвист и этнограф, автор многих работ по языкам народов Кавказа. Коста имеет здесь в виду его статью «Кое-что о словесных произведениях горцев». Цитирует он, видимо, по памяти. У П. К. Услара: «В Дагестане нарты служат общим названием для обозначения великанов. Напротив, у осетин и кабардинцев, в самом центре Кавказа, нарты сами служат героями песен и сказок» («Сборник сведений о кавказских горцах», вып. I. Тифлис, 1868, с. 28).

Пфаф В. Б. — исследователь быта и истории осетин. Коста цитирует его статью «Путешествие по ущельям Северной Осетии» — («Сборник сведений о Кавказе», т. I, с. 167).

Марков Е. Л. — русский писатель, этнограф. Коста цитирует его книгу: «Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории». — СПб. — М., Иад. М. О. Вольф, 1887, с. 189.

В.Н.Л. — (Вера, Надежда, Любовь) — псевдоним А. Г. Ардаменова (1852—1917). Книга его «Переходное состояние горцев Северного Кавказа» была издана в 1896 г. в Тифлисе.

«Невольню припоминается басня о «Пустыннике». — Имеется в виду басня И. А. Крылова «Пустынник и медведь».

Городские нимвроды... (с. 88)

Печатается по тексту газеты «Северный Кавказ» № 53 от 4 июля 1896 г., где опубликовано под псевдонимом: Старик.

Старик — один из псевдонимов К. Хетагурова. Работая в газете «Северный Кавказ», Коста часто подписывал так свои хроникерские заметки.

С 1893 г. Коста, как известно, был секретарем редакции. Кроме внутренней и внешней корреспонденции, он вел в газете городскую хронику. Особенно напряженным для Коста был 1896 год, когда он стал соиздателем газеты. Он участвовал в издании своим личным трудом, который, согласно Условию, за-

ключался «в сочинении статей». Коста заведовал всем составом редакции. Газета, как это видно из документов и переписки К. Хетагурова, всецело поглощала все его силы и время. Характерно, что за весь 1896 г. Коста опубликовал в «Северном Кавказе» всего пять стихотворений. «Целый год,— писал Коста,— я проработал в этой несчастной газете, как каторжный, контролируя ее содержание от первой строки до последней». Скрепленный подписью Коста комплект газеты за 1896 г. сейчас хранится в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина.

Заметки с подписью: Старик, публикуемые в настоящем издании, относятся, в основном, к лету 1896 г. «...занят по горло,— тогда же писал Коста в письме к А. И. Цаликову.— Многие из служащих в редакции уехали, и я принужден работать чуть не за всех».

Псевдоним *Старик* раскрыт К. Хетагуровым в его «Открытом письме», опубликованном в газете «Северный Кавказ» № 69 от 29 августа 1896 г. (наст. том, с. 106).

Нимероды — немврод (е в р. Нимрод) в легендах книги Бытия,— «первый богатырь на земле», «могучий охотник». Здесь в смысле знаменитый охотник.

**«Тихая, монотонная жизнь нашего
сонного города...» (с. 91)**

Печатается по тексту газеты «Тифлисский листок», где опубликовано в № 177 от 31 июля 1896 г. под псевдонимом: Старик.

Статья написана в связи с полемикой, возникшей в печати по поводу заметки К. Хетагурова, опубликованной в «Северном Кавказе», № 53, от 4 июля 1896 г. под рубрикой «По городу».

Pro domo sua (л а т.) — букв. «за свой дом», по поводу себя, по личному вопросу, в защиту себя и своих дел.

Владикавказские письма

(«Всем известно, что...»; с. 94)

Печатается по тексту газеты «Северный Кавказ» № 61 от 1 августа 1896 г., где опубликовано под псевдонимом: Нарон.

Ergo, probe laboremus (л а т.) — Следовательно, будем работать честно.

Открытое письмо (с. 106)

Печатается по тексту газеты «Северный Кавказ» № 69 от 29 августа 1896 г.

В этом письме Коста впервые раскрыл свой псевдоним Старик, которым он подписывал свои мелкие заметки, работая в газете «Северный Кавказ».

Маленькая история (с. 109)

Печатается по тексту газеты «Северный Кавказ» № 7 от 23 января 1897 г., где опубликовано под псевдонимом: Нарон.

В 1862 году в г. Владикавказе была открыта первая школа для осетинских девиц...— Школа, о которой говорит Коста, была открыта протоиереем Аксо Колиевым на дому. О деятельности А. Колиева Коста всегда отзывался положительно, особо отмечая его заслуги как просветителя (наст. том, стр. 125).

Ближайшие свидетели этой катастрофы — владикавказские осетины... подали протест...— Протест, о котором идет здесь речь, был написан К. Хетагуровым в 1891 г. на квартире у Цаликовых. Это первое его самое крупное публицистическое выступление. Черновой автограф протеста полностью опубликован в академическом издании Собрания сочинений Коста Хетагурова, том V, Москва, 1961, стр. 305—309. Текст прошения на имя обер-прокурора Святейшего синода К. П. Победоносцева во

многих деталях текстуально совпадает с содержанием публикуемой статьи,— еще одно из многих доказательств принадлежности псевдонима Нарон К. Хетагурову.

...многие из осетин, участвовавшие в протесте...— Среди подписавших этот протест были А. И. Цаликов, Тасолтан Дзахов, Тотрадз Колиев, Б. И. Туаев, С. В. Кокиев и др.

Помимо выговоров и легких арестов... из пределов Терской области.— «Отца... выслали из Владикавказа,— пишет по этому поводу Ю. А. Цаликова в своих неопубликованных записках,— Коста выслали на Кубань. Дзахов Тасолтан просидел в тюрьме неделю, а Колиев Тотрадз целый месяц. Все же чиновники, подписавшие эту бумагу, вылетели с мест, между прочим Б. И. Туаев, служащий в гимназии, Кокиев С. В.— учитель в приготовительном классе реального училища, прослуживший там около 23 лет» (Архив СОНИИ).

Накануне (с. 120)

Печатается по тексту газеты «Северный Кавказ» №№ 9, 14, 37 от 30 января, 16 февраля и 8 мая 1897 г., где опубликовано под псевдонимом: Нарон.

«*Накануне*» — одно из самых значительных выступлений К. Хетагурова-публициста. «Картина, нарисованная Коста,— писала М. Шагинян по поводу этой статьи,— совершенно конкретна... Но в то же время она и совершенно типична. Читатель не может не узнать в этой картине все общетиповые черты империалистической колонизаторской политики. Такая глубина анализа, где рассмотрение частного случая приводит к общетиповым чертам, доступна лишь на вершинах публицистики» (Мариэтта Шагинян. Коста-публицист.— В кн.: «Коста Хетагуров. Сборник памяти великого осетинского поэта». Москва, 1941, с. 63—64).

«*Санкт-Петербургские ведомости*» — частная, полуофициальная газета; издавалась в Петербурге.

В обширной передовой статье «Нужды Кавказа...» — Статья «Нужды Кавказа» была опубликована в «Санкт-Петербургских ведомостях», № 22, от 23 января 1897 г.

...бывший министр государственных имуществ М. Н. Островский... — М. Н. Островский (1827—1901) был министром государственных имуществ с 1881 по 1893 г.

Придавая особое значение промышленному образованию подрастающего поколения, г-н Яновский находит... — Яновский К. П. (1822—1902) — русский педагог, один из активных деятелей народного просвещения на Кавказе; с 1878 по 1899 г. был попечителем Кавказского учебного округа. По его инициативе выходила многотомная серия «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Из теоретических работ по педагогике особого внимания заслуживает его труд «Мысли о воспитании и обучении», 1890.

«Новое время» — ежедневная газета; выходила в Петербурге с 1868 по 1917 г.

В своей статье «О кавказских разбойниках»... — Упоминаемая К. Хетагуровым статья была опубликована в газете «Новое время» № 7527 от 9 февраля 1897 г.

Неоднократно возбуждаемый хизанский вопрос... — Хизаны — крестьяне-бедняки.

Кони А. Ф. (1844—1927) — юрист и писатель.

«Новости» — ежедневная газета; издавалась в Петербурге.

Владикавказские письма

(«Я так давно не писал...»; с. 146)

Печатается по тексту газеты «Северный Кавказ» № 58 от 20 июля 1897 г., где опубликовано под псевдонимом: Нарон. В тексте газеты имеются цензурные сокращения.

«Снимите шляпу... на покой...» — Цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (действие II, явл. 5, Фамусов). У А. С. Грибоедова: «Кладите...»

...по инициативе генерал-майора Цаликова... — Имеется в виду Даниэльбек Цаликов (ум. в 1906 г.) — участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Позже в чине генерал-майора вышел в отставку; близкий родственник семьи Цаликовых; с Коста был в дружеских отношениях.

Александровское духовное училище... — впоследствии миссионерская семинария.

...О них-то я и поговорю в следующем письме... — Продолжения писем не последовало, вероятно из-за болезни Коста. О насильственных мерах насаждения европейской культуры среди горцев Коста говорит в этнографическом очерке «Особа».

Горские штрафные суммы (с. 156)

Статья написана летом 1897 г. в г. Ставрополе, но не могла быть напечатана по цензурным условиям. Коста удалось опубликовать ее только в следующем, 1898 году, когда он находился на излечении в петербургской Александровской больнице. Появилась она в петербургской ежедневной газете «Сын отечества» (№ 73 от 17 марта 1898 г.). Статья печатается по тексту этой газеты.

Газета «Сын отечества» выходила без предварительной цензуры.

В какой степени осуществлялись благие намерения князя Барятинского... — Фонды горских штрафных сумм были учреждены А. И. Барятинским (1814—1879). В пятидесятых годах прошлого столетия он был наместником Кавказа.

Печатается по тексту газеты «Санкт-Петербургские ведомости» №№ 82, 112, 129 от 25 марта, 27 апреля и 11 мая 1899 г., где впервые опубликована с подписью: К. Хетагуров.

Статья является вершиной боевой публицистики К. Хетагурова, высоким образцом его мастерства. Написана, вероятно, в сентябре 1898 г. и тогда же направлена А. Л. Хетагурову в Петербург для «Санкт-Петербургских ведомостей». Напечатать статью, однако, оказалось нелегко. Малоэффективным было и содействие Ф. К. Грекова — секретаря газеты «Новости». «Статья Вашего брата лежит в наборе и ждет очереди», — сообщал он А. Л. Хетагурову в письме от 28 февраля 1899 г. Около полугода тянулась эта канитель, и только весной 1899 г., после приезда самого Коста в Петербург, статья наконец увидела свет. Она появилась в печати перед самой ссылкой в Херсон и свидетельствует, кроме всего прочего, о величии духа Коста, о мужестве его перед лицом новых испытаний. «Статья моя о неурядицах на Северном Кавказе уже набирается, — писал он Ю. А. Цаликовой из Петербурга. — Сегодня мне прислали корректуру: она будет для Каханова ничуть не слаже, чем для меня Пенза».

Автограф статьи не разыскан. Некоторые сведения о нем имеются в упомянутом уже письме Ф. К. Грекова: «Подлинную рукопись я Вам возвращаю вместе с этим письмом, — писал он А. Л. Хетагурову, — и советую до поры до времени сохранить».

«Тифлисский листок» — ежедневная газета; издавалась в Тифлисе.

Sine ira et studio (лат.) — без гнева и пристрастия; совершенно беспристрастно.

Alibi (лат.) — «в другом месте», юридический термин.

...По описанию газеты «Северный Кавказ... остров Чечень находится в Кизлярском отделе... — Коста имеет в виду свою статью «Владикавказские письма» («Всем известно...»), опубли-

кованную в газете «Северный Кавказ» № 61 от 1 августа 1896 г. под псевдонимом: Нарон (наст. том, стр. 32). В статье «Неурядицы Северного Кавказа» почти дословно передано ее содержание.

Зиу

(Письмо землякам) (с. 185)

Печатается по тексту газеты «Казбек» № 637 от 29 декабря 1899 г., где опубликовано под псевдонимом: Нарон. Написано в херсонской ссылке.

Зиу (о с е т.) — помощь, работа миром.

Препровождая многуважаемой редакции свою лепту...— Какую именно помощь оказал Коста пострадавшим от пожара жителям Гокинаевского хутора, неизвестно. Нельзя не заметить, однако, что письмо написано в изгнании, в такое время, когда он жил почти впроголодь и сам, может быть, больше всех других нуждался в человеческом внимании и помощи.

Избави бог и нас от этаких судей (с. 186)

Печатается по тексту газеты «Казбек» № 674 и 675 от 13 и 15 февраля 1900 г., где опубликовано под псевдонимом: Нарон.

«Избави бог и нас от этаких судей».— Цитата из басни И. А. Крылова «Осел и соловей».

Ни одной статьи г-на Цаголова... г-ном Цаголовым культуры.— По поводу статьи Г. М. Цаголова «Культурное движение среди осетин» Коста писал в письме к А. А. Цаликовой от 10 февраля 1900 г., когда находился еще в херсонской ссылке: «Цаголов поместил довольно большую статью в «Северном Кавказе», где критикует деятельность осетинской интеллигенции, достается особенно Гаппо. Впечатление от нее, как и от всех, затрагивавших туземные вопросы его писаний, самое отврати-

тельное. Он меня давно ими возмущал, и я через Гаппо передавал ему, чтобы он лучше обдумывал и не играл на руку кое-кому. Он сравнительно несколько изменился, но неприятный специфический запах остается постоянно. Ввиду серьезности вопроса, который он теперь затронул, я не удержался и послал в «Казбек» возражение в довольно резкой форме в надежде вылечить его от не особенно благовидных выходов».

Цаголов Г. М. (1871—1939) — поэт, прозаик и публицист. Наибольшей известностью пользуются его сборник стихов «Осетинские мотивы» (1907) и книга очерков «Край беспроектной нужды» (1912).

Алексей (Акс) Колиев — протоиерей, основатель первой осетинской женской школы (1862 г.), автор первых на осетинском языке стихов религиозно-нравственного содержания, переводчик богослужебных книг на осетинский язык.

...та же «сельская буржуазия» под протекторатом известного осетинского героя... — Коста имеет в виду полковника С. Д. Хоранова.

**До сих пор еще не решенный
земельный вопрос... (с. 197)**

Печатается по тексту газеты «Северный Кавказ» № 47 от 22 апреля 1901 г., где опубликовано под псевдонимом: Нарон.

...легендарный осетинский герой Бесо... — Имеется в виду герой осетинской легенды о безумном пастухе Бесо, скитающемся по горам в надежде прийти на помощь и освободить прикованного к скале Амрана.

Утес-великан... — Неточная цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Утес». У М. Ю. Лермонтова:

Ночевала тучка золотая

На груди утеса-великана.

Чичиков (с. 199)

Печатается по тексту газеты «Северный Кавказ» № 50 от 28 апреля 1901 г., где опубликовано под псевдонимом: Нарон.

Тартарен (с. 201)

Печатается по тексту газеты «Северный Кавказ» № 53 от 5 мая 1901 г., где опубликовано под псевдонимом: Нарон. Коста в своем фельетоне имеет в виду очерк А. Н. Дьячкова-Тарасова «В горах Большого и Малого Карачая (истоки реки Кубани)», опубликованный в «Сборнике материалов для описания племен Кавказа», вып. 28.

Sic transit... (лат.) — Так проходит... (из изречения *Sic transit gloria mundi* — Так проходит мирская слава).

В прошлой корреспонденции (с. 211)

Печатается по тексту газеты «Северный Кавказ» № 56 от 12 мая 1901 г., где опубликовано под псевдонимом: Нарон.

В прошлой корреспонденции... — Коста имеет в виду статью «До сих пор еще не решенный земельный вопрос...» (наст. том, стр.).

1894 года, ноября 9 дня, сел. Вакац (с. 214)

Печатается по тексту газеты «Северный Кавказ» № 57 от 15 мая 1901 г., где опубликовано под псевдонимом: Нарон.

Развитие школ в Осетии (с. 219)

Печатается по тексту газеты «Северный Кавказ» № 69 от 12 июня 1901 г., где опубликовано под псевдонимом: Нарон.

...Владикавказская осетинская трехклассная женская школа...— Эта школа была предметом особого внимания Костя с самого начала его общественной и публицистической деятельности. С борьбой за эту школу связана его первая ссылка. Осетинской женской школе посвящена и другая статья Коста — «Маленькая история» (наст. том, стр. 48).

Учебник географии России

Курс гимназический

Составил Михаил Мостовский (с. 225)

Печатается по тексту газеты «Северный Кавказ» № 72 от 19 июня 1901 г.

Мостовский Михаил Степанович — писатель-этнограф: окончил курс в Московском университете. С 1862 г. — преподаватель 3-й московской реальной гимназии и Николаевского сиротского Института. Первое издание его «Учебника географии России» вышло в 1864 г. Год спустя эта книга была принята «как руководство при преподавании в гимназиях». (Журнал Министерства Народного просвещения, 1865 г.)

Учебник его... выдержал восьмое издание.— Восьмое издание, о котором идет здесь речь, вышло в 1889 г.

Внутренние враги (с. 228)

Печатается по тексту газеты «Северный Кавказ» № 83 от 14 июля 1901 г., где опубликовано под псевдонимом: Нарон.

«У сильного всегда бессильный виноват...» — цитата из басни И. А. Крылова «Волк и ягненок».

Церковноприходские школы в Осетии (стр. 233)

Печатается по тексту газеты «Северный Кавказ» № 88 от 26 июля 1901 г., где опубликовано под псевдонимом: Нарон.

Состоявшийся текущим летом съезд учителей церковно-приходских школ Северной Осетии.— Съезд учителей состоялся в сел. Ардон в июле 1901 г.

...съезд постановил ввести в осетинских школах известный учебник русского языка Я. Гогебашвили «Русское слово».— Коста имеет в виду книгу Я. Гогебашвили «Русское слово, или Учебное руководство к русскому языку для грузинских школ», ч. I и II, 1894.

Труд, которому эти сеятели «разумного, доброго, вечного...» — Цитата из стихотворения Н. А. Некрасова «Сеятелям». У Н. А. Некрасова: «Сейте разумное, доброе, вечное».

Насущные вопросы (с. 236)

Печатается по тексту газеты «Северный Кавказ» № 104 от 1 сентября 1901 г., где опубликовано под псевдонимом: Нарон.

Но тогда,— говорит г. Цаголов...— Цитируемая далее статья Г. М. Цаголова называлась «К вопросу о «временнопроживающих»; опубликована в газете «Терские ведомости» № 69 от 15 июня 1901 г.

Наконец, пример переселения безземельных осетин...— Это переселение было возглавлено отцом Коста Леваном Елизбаровичем Хетагуровым.

Пути сообщения в горной полосе Кавказа (с. 240)

Печатается по тексту газеты «Северный Кавказ» № 111 от 18 сентября 1901 г., где опубликовано впервые. Перепечатано в газете «Казбек» № 1209 от 1 декабря 1901 г. под псевдонимом: Нарон.

На чужбине (с. 242)

Печатается по тексту газеты «Казбек» № 1217 от 12 декабря 1901 г., где опубликовано под псевдонимом: Нарон.

Эпиграф статьи (*«Родная земля! ... не стонал?»*) взят К. Хетагуровым из стихотворения Н. А. Некрасова «Размышления у парадного подъезда».

Открытое письмо к осетинской интеллигенции (с. 244)

Печатается по тексту газеты «Терские ведомости» № 207 от 16 декабря 1901 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Охота за турами. <i>Рассказ</i>	5
Особа. <i>Этнографический очерк</i>	19

СТАТЬИ

Письмо в редакцию газеты «Северный Кавказ»	81
Владикавказские письма	82
<Городские нимвроды...>	88
<Тихая, монотонная жизнь нашего сонного города...>	91
Владикавказские письма	94
Открытое письмо	106
Маленькая история	109
Накануне	120
Владикавказские письма	146
Горские штрафные суммы	156
Неурядицы Северного Кавказа	160
Зиу	185
Избави бог и нас от этаких судей	186
<До сих пор еще не решенный земельный вопрос...>	197
Чичиков	199

Тартарен	201
<В прошлой корреспонденции...>	211
<1894 года, ноября 9 дня, сел. Вакац.>	214
Развитие школ в Осетии	219
Учебник географии России	225
Внутренние враги	228
Церковноприходские школы в Осетии	233
Насущные вопросы	236
Пути сообщения в горной полосе Кавказа	240
На чужбине	242
Открытое письмо к осетинской интеллигенции	244
КОММЕНТАРИИ. К. Ц. Гутиев	247

Хетагуров К.

**X41 Проза: Рассказ; Этнографический очерк;
Статьи/Сост., коммент. К. Ц. Гутиева.— М.:
Сов. Россия, 1987.— 272 с., ил.**

В сборник избранной прозы основоположника осетинской литературы Коста Хетагурова вошли рассказ «Охота за турами», этнографический очерк «Особа», из которого читатель узнает об истории, нравах и условиях жизни Осетии конца XIX века; публицистические произведения, где затронуты актуальные вопросы того времени.

Издание снабжено подробными комментариями.

X $\frac{4702010100-216}{M-105(03)87}$ 98—87

С (Кав.)

**Коста (Константин) Леванович
Хетагуров**

ПРОЗА

**Редактор О. П. Кольцова
Художественный редактор Л. Е. Безрученков
Технические редакторы Т. С. Маринина, Г. П. Мартынова
Корректор Э. З. Сергеева**

ИБ № 4900

Сдано в набор 16.01.87. Подписано в печать 28.08.87. Формат 70×100/32. Бумага офсетная № 2. Гарнитура обыкновенная новая. Печать офсетная. Усл. п. л. 11,05. Усл. кр.-отт. 15,28. Уч.-изд. л. 10,35. Тираж 30 000 экз. Заказ № 140. Цена 85 к.
Изд. инд. ЛН-30

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012. Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 144003, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге и пожелания присылать по адресу: 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15, издательство «Советская Россия».

85 коп.

Советская Россия